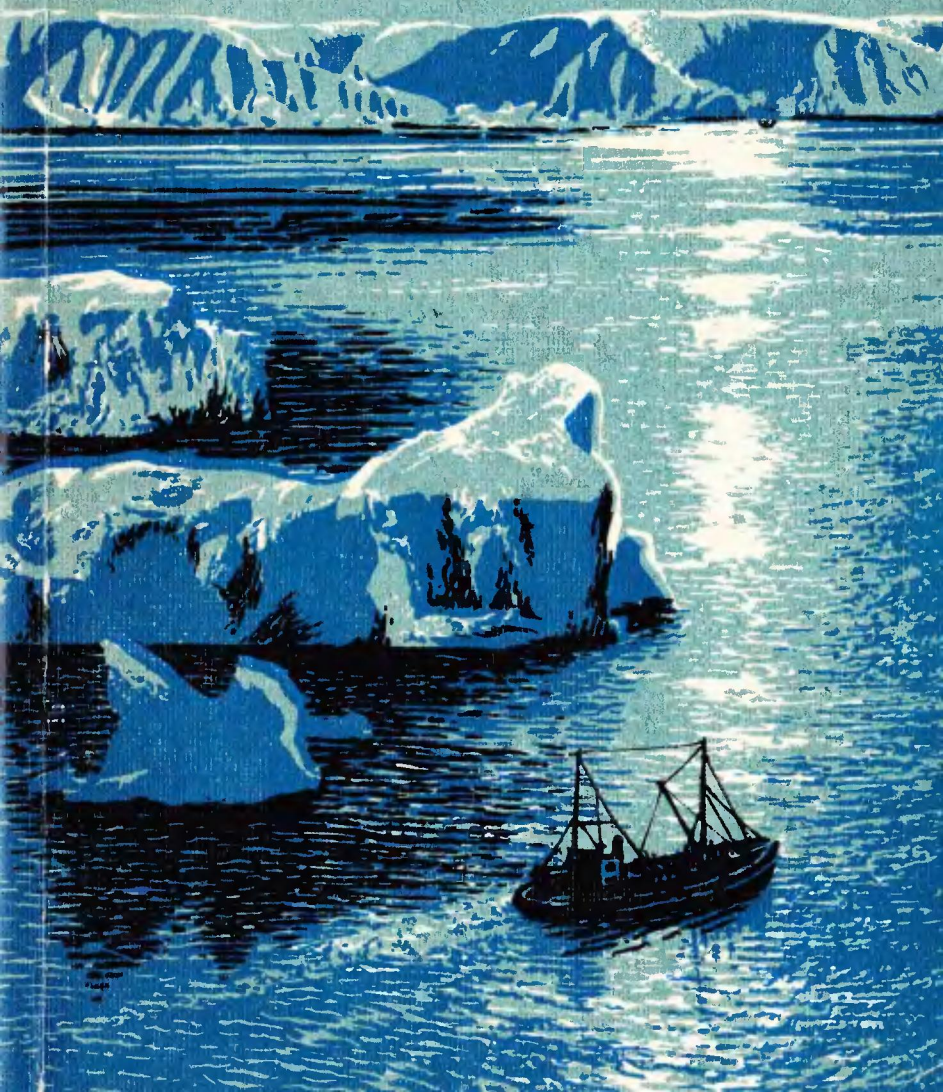

В. Е. Возгрин

ГРЕНЛАНДИЯ И ГРЕНЛАНДЦЫ

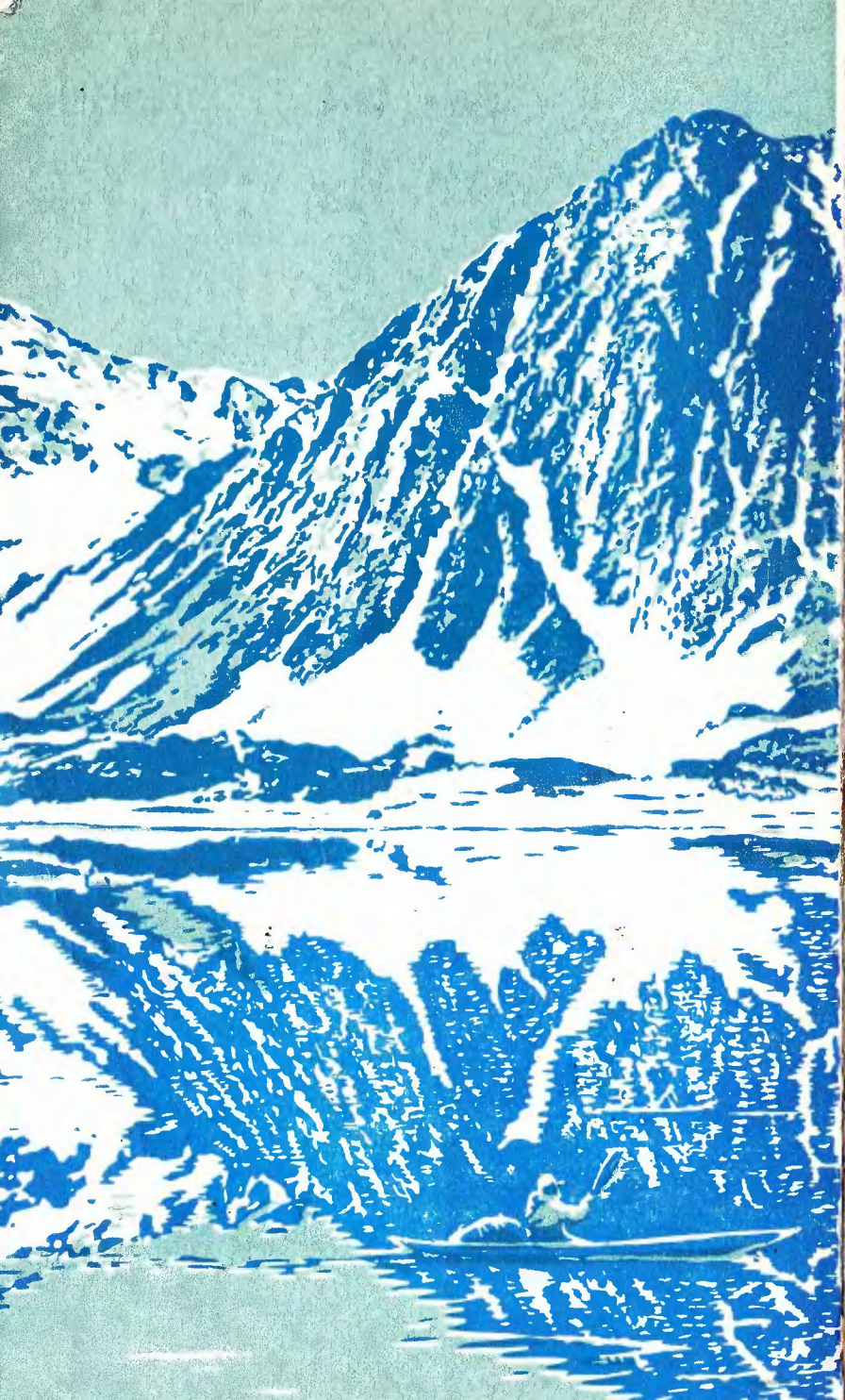

55 н.

ГРЕНЛАНДИЯ И ГРЕНЛАНДЦЫ

В. Е. Возгрин

ГРЕНЛАНДИЯ И ГРЕНЛАНДЦЫ

Москва
«Мысль»
1984

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Глава «Гренландия глазами географа»
написана доктором географических наук,
старшим научным сотрудником Института
географии АН СССР Л. Р. Серебрянным

Рецензенты: доктор географических наук
Г. А. Агранат
В. С. Савко

Белая «Зеленая земля»

Величайший остров мира (2 176 тыс. км²) — Гренландия — расположен между Северным Ледовитым океаном и северной частью Атлантики. Являясь в административно-политическом отношении частью Датского королевства, географически остров принадлежит к Северной Америке. От материка Гренландию отделяют: на западе — Девисов пролив и море Баффина, а на крайнем севере — проливы Смит и Робсон, последний из которых сужается в одном месте до 26 км. Гораздо шире Датский пролив, отделяющий остров от Исландии, — 290 км; еще дальше расположен Шпицберген (около 400 км).

Подобное расположение Гренландии сказалось на истории ее коренного населения — эскимосов. Придя на остров с запада, они не смогли (или не стремились) преодолеть проливы, преградившие им дальнейшее продвижение на восток, — ни в Исландии, ни на Шпицбергене следов их пребывания не обнаружено.

Северная оконечность Гренландии (83° 39' с. ш.) — ближе всего расположенный к полюсу участок суши на Земле: их разделяет не более 740 км. К югу гигантский остров простирается на 2670 км, его крайняя южная оконечность — мыс Фарвель — лежит под 59° 46' с. ш. Крайняя восточная и западная точки Гренландии отстоят друг от друга на 1050 км. Площадь острова в два с половиной раза превышает территорию второго в мире по величине острова — Новой Гвинее.

Эта бывшая колония Дании с мая 1979 г. стала самоуправляющейся частью Датского королевства. Законодательной властью на острове обладает местный парламент (ланнстинг), состоящий из 21 депутата, избираемого гренландским населением; исполнительной властью обладает правительство внутреннего самоуправления (ланнстюре), главу которого назначает ланнстинг. Они могут самостоятельно решать все свои местные проблемы (кроме внешнеполитических, внешнеэкономических, конституционных вопросов, обороны). На практике же два депутата-эскимоса, представляющие Гренландию в фолькетинге (датском парламенте), предварительно выдвигают проекты важнейших решений на обсуждение этого собрания.

Одним из первых решений нового правительства была замена всех датских топонимов на эскимосские. Гренландия теперь официально называется Калатдлит-Нунат, а ее столица (Готхоб) — Нуук.

В начале 1980-х годов правительством было принято решение о выходе страны из ЕЭС. Этот шаг был предпринят с целью сохранения национальных богатств страны, против их разграбления транснациональными компаниями, и датское правительство волею или неволею вынуждено было согласиться с решением гренландцев. Гренландия согласна после выхода из ЕЭС принять статус ассоциированного члена этой группировки, но не желает в качестве платы за это открыть свободный доступ рыболовному флоту ЕЭС в гренландские воды.

Первый европейский поселенец на острове — Эрик Торвальдссен (более известный как Эрик Рыжий) дал ему в 982 г. название Гренландия (Зеленая земля). Трудно сказать, почему открывшийся перед ним ландшафт неведомого, почти сплошь покрытого льдом острова принял в его глазах преобладающе зеленую окраску. Один историк находит причину в том, что климат тысячу лет назад был мягче, а зелени на острове было побольше. Другие считают, что название это Эрик, заинтересованный в переселении на остров исландцев, попросту придумал, рассчитывая таким образом привлечь людей, т. е. выдал желаемое за действительное с рекламными целями.

Как бы то ни было, но в наше время большая часть территории «Зеленой земли» (1 802 тыс. из 2 176 тыс. км²) из-за снежного покрова постоянно бела. Осталь-

Гренландия

ная часть суши бывает зеленой, бурой или белой в зависимости от времени года, но ее немного, чуть больше седьмой части.

Но далеко не всегда Гренландию покрывали вечные льды. Климат в палеогене был там теплым и влажным. Флора острова насчитывала сотни видов растений, среди них были и такие теплолюбивые представители тропической флоры, как магнолия, хлебное дерево, секвойя, тольпанное дерево. Но преобладали широколиственные деревья умеренной зоны — дуб, каштан, клен, а также береза, ива, тополь, ольха, вяз и хвойные деревья.

2—3 млн. лет назад наступило всеобщее похолодание, охватившее и Гренландию. Остров покрылся мощным слоем льда, образовавшего ледяной щит, постепенно почти целиком покрывший землю, включая многие горные вершины. Льды теперь занимают 84 % территории острова — 1 800 тыс. км². Под влиянием тяжести ледяного щита центральная часть острова стала прогибаться. Ложе ледника там располагается местами даже ниже уровня океана.

Восточную половину острова занимают древние складчатые горы. Средняя высота их — 2000 м, максимальная — 3 700 м (гора Гунбьёрн — высшая точка Арктики). На западе горы постепенно понижаются и уходят под ледяной щит. На крайнем же западе древний кристаллический остов выходит на поверхность, образуя широкий, но прерывистый пояс массивов и нагорий вдоль морского побережья. Довольно высокие горы и плато протягиваются и в самой северной части острова.

Ледяной щит нивелирует рельеф, скрывает своей огромной толщей его резкие черты. Ледяной щит (состоящий из двух сросшихся куполов) имеет форму массива с очень пологой, почти плоской поверхностью, постепенно повышающейся от берега к центру острова, где она достигает 3300 м высоты.

Материковый лед отделен от океана неширокой береговой полосой, лишь изредка достигающей ширины 150—200 км. Но кое-где он подходит вплотную к берегу. Край ледникового щита в этих местах представляет собой очень высокий вертикальный ледяной обрыв. Подъем на него без специального снаряжения почти невозможен; летом значительные трудности создают многочисленные потоки талой воды.

Ледниковый щит играет в ландшафте Гренландии доминирующую роль. Поверхность ледника — однообразная снежная равнина. Ветры постоянно перевеивают сухой снег, образуя заструги. Монотонный облик нарушают лишь нунатаки, встречающиеся в краевой части и представляющие собой острые скальные пики и гребни, выступающие из-под ледяного покрова.

Из центральных возвышенных частей лед медленно растекается к краям. По троговым долинам ледники достигают океана. Сползая в море, они порождают айсберги, достигающие иногда стометровой высоты. Ледниковые языки, широкими полотнищами спускающиеся

к океану, обычно достигают высоты 60—70 м при ширине от нескольких десятков метров до километра. Но гигантский ледник Гумбольдта (Северная Гренландия) имеет ширину 100 км и обрывается в море стеной высотой в 100 м. У поселка Илулиссата расположен самый «продуктивный» ледник северного полушария — Якобсхавн, он сбрасывает в океан в среднем 20 км³ льда в год. Ледник имеет ширину 7 км, а высота его ледяного фронта — 900 м (из них лишь 110 м поднимаются над водой). Скорость движения этого ледника достигает 20 м в день. Но это рекордная скорость, средняя же колеблется от 1 до 10 м в день. Имеются также льды, потерявшие связь с ледяным щитом. Они неподвижно лежат в долинах, медленно тая.

Ледник Якобсхавн заполняет доверху 40-километровый фьорд. У его устья ледник создал нечто вроде подводной плотины из камней и щебня. На эту каменную банку садятся обширные ледниковые поля. Когда давление сзади становится слишком сильным, такое севшее на мель ледовое поле сталкивается на чистую воду. Через некоторое время над фьордом вновь раздаются грохот и скрежет напирющих друг на друга ледяных полей. Вид этих гигантских льдин, окрашенных в нежные пастельные тона — от жемчужно-голубого до розового, сопровождаемый громом от их столкновения, — одно из самых величественных зрелищ в природе нашей планеты.

От ледников айсберги откалываются больше всего летом. Основной «источник» айсбергов — западное побережье, главным образом районы Илулиссата, Торсукатака, Уманака, Карратс-фьорда и вся береговая полоса от Упернавика до залива Мелвилл. Здесь же больше всего «айсберговых банок», образующихся из продуктов ледникового сноса на континентальном шельфе, особенно в Девисовом проливе и Баффиновом море, где они образуют крупные отмели, вследствие чего там айсберги садятся на мель.

Ледяные громады айсбергов, отколовшиеся от гренландских глетчеров, достигают атлантического побережья Канады, нередко угрожая грузовым судам, рыболовецким сейнерам и нефтяным вышкам на гигантских платформах, с помощью которых ведется разведка нефти в зоне океанического шельфа.

В канун 1983 г. огромный айсберг приблизился к одной из таких платформ на расстояние 12 км, вслед-

ствие чего пришлось срочно эвакуировать весь его персонал.

Части суши, расположенные за пределами ледяного щита, представляют собой узкие, прерывистые пояса горных массивов и плато. Активные тектонические процессы, деятельность водных потоков и ледников привели к образованию троговых долин и фьордов, составляющих характерную черту рельефа этих районов. Фьорды имеют самые различные формы и очертания; трудно назвать достаточно протяженный участок побережья, где бы не было фьордов. Наиболее известны чрезвычайно живописные фьорды у Сисимиута — Нерре-фьорд и Сёндре-Стрёмфьорд, достигающие длины 170 и 190 км, а также самый длинный в мире фьорд — Скорсбисунн (300 км); он же — один из глубочайших (1450 м).

На юго-западной и восточной окраинах острова находятся горы, не подвергшиеся оледенению в последнюю ледниковую эпоху. Они достигают 2,5—3,7 тыс. м и имеют типично альпийский облик (одна из самых величественных и живописных горных стран острова так и называется — Альпы Стаунинга). Весьма характерны для них острозубчатые гребни, глубокие ущелья. Даже на сравнительно ровных плато возвышаются одиночные сглаженные, со следами ледниковой стриховки скалы, достигающие иногда значительной высоты — 1—1,5 тыс. м. Со стороны океана их склоны, как правило, более обрывисты.

Большая часть свободной от льда и снега поверхности острова находится, как ни странно, не на юге, а на крайнем севере; здесь выпадает меньше всего осадков (на юг их заносит массы атлантического воздуха). Нередко эскимосы района Туле вынуждены направлять сани вдоль ледяного припая, так как суша совершенно обнажена. Она напоминает пустыню. Это сходство довершают частые жестокие ураганы. Ветровая эрозия на Севере столь значительна, что подобную ей можно наблюдать лишь в Сахаре и пустынях Аравии. Увлекаемые ураганом песок и ледяные кристаллы полируют гранитные монолиты до зеркального блеска, придают скалам самые причудливые формы, сверлят в них многочисленные туннели и отверстия. В условиях сухого климата и интенсивного излучения солнца снег испаряется здесь даже зимой, минуя жидкое состояние (сублимируясь). После этого на голой земле остается — как

и в южных пустынях — корка соли. В защищенных от ветра или углубленных местах, где задерживается и тает больше снега, в арктической пустыне возникают «оазисы» с травянистой растительностью.

Сдувая с поверхности песок и мелкий щебень, ветер оставляет на ней лишь россыпи камней. Такие каменные поля напоминают булыжную мостовую. Выветривание действует сильнее всего на отдельные торчащие выше других «булыжники», энергичнее сглаживая их поверхность. Расположенные вровень друг с другом камни приобретают постепенно вид плоских многогранников.

И «мостовые», и высящиеся среди арктических пустынь скалы покрыты темной пленкой окислов железа и марганца, подобной «пустынному загару» в южных странах. Из-за темного цвета скалы нагреваются в течение полярного дня солнцем; разница в температурах поверхностных и глубинных масс ведет к растрескиванию горных пород, к активизации эрозии.

На природный ландшафт свободной от льда территории Гренландии оказывает влияние и вечная мерзлота. Слой мерзлоты за лето успевает оттаять обычно на глубину не более 1 м. В тех районах, где слой оттаявшей земли очень тонок, надпочвенные воды не могут впитаться в грунт, и происходит заболачивание. Грязеподобный поверхностный слой этих болот вместе с обломками камней очень медленно стекает по склонам.

В Гренландии встречаются озера разного происхождения. Одни из них представляют собой часть фьордов, оказавшихся отрезанными от выхода в океан. Эти озера удлинённой формы, многие из них соленые из-за оставшейся в них морской воды. Другие — пресные — образовались в запруженных льдом или моренами долинах, заполнившихся затем талой водой. Самое крупное озеро Гренландии находится на Земле Вульфа, площадь его — 335 км².

Гренландию омывают моря и проливы, принадлежащие Северному Ледовитому и Атлантическому океанам. В Гренландском море глубина достигает 4846 м (во впадине близ его границы с Норвежским морем). Материковый шельф в районе Гренландского моря достигает 200 км ширины; он расчленен в нескольких местах долинами — подводными продолжениями фьордов.

Далее к югу шельф заметно сужается, а глубины увеличиваются до 300—400 м. Между Гренландией

и Лабрадором расположено северное ответвление Западноатлантической глубоководной котловины (до 1000 м глубины).

Еще более глубока котловина моря Баффина — свыше 2000 м. Вдоль всей западногренландской материковой отмели, на всем ее протяжении от мыса Фарвель до мыса Йорк, расположены многочисленные мелководные (130—190 м) банки, образованные моренами древних ледников. Самые крупные из них — Юлианехоб, Фредериксхоб, Дандас, Фискенес. Из проливов крайнего севера самый глубокий (1 тыс. м) — пролив Смит.

В противоположность морям западного и восточного побережий, смягчающим островной климат и издавна способствовавшим расселению человека, Северный Ледовитый океан усиливает суровость полярного климата гренландской Арктики. Многолетний паковый лед океана круглогодично охлаждает прибрежные воды до 0° — минус 1,8° на поверхности и до 0° — плюс 1° на глубине 500 м. Глубина Северного Ледовитого океана — 3—5 тыс. м. С юга, из Атлантики, а также из рек Сибири в Северный Ледовитый океан вливается 2—3 млн. м³ воды в секунду. Большая часть этого потока возвращается обратно в Атлантический океан, частично же направляется в Гренландское море (Восточногренландское полярное течение). Скорость этого течения — 35—72 м/час; оно проходит вдоль Восточной Гренландии в основном над внешней частью шельфа. Еще в Гренландском море к нему присоединяется ветвь атлантического течения, идущего от Шпицбергена. Она более теплая (плюс 1,5—2°) и, благодаря тому что идет на большой глубине, проникает, завихряясь у банок, в глубокие фьорды восточного берега, обогревая их.

У Скорсби значительная часть холодной и большая часть теплой воды этого могучего двухслойного потока уходит прочь от берега, образуя основу Восточноисландского полярного течения. Лишь сравнительно небольшое количество теплой воды его продолжает свой путь на юг; переливаясь через подводный хребет Датского пролива, для того чтобы слиться с другой теплой рекой в океане — атлантическим течением Ирмингера. Это последнее прижимает остатки полярных вод к берегу Южной Гренландии, затем часть течения огибает мыс Фарвель, остальная масса воды отклоняется к юго-востоку.

Благодаря воздействию вращения Земли часть течения, оказавшаяся по ту сторону мыса Фарвель, следует на север вдоль извилистого берега Западной Гренландии, сужаясь до 30—50 км в ширину и следуя исключительно над шельфом. На глубине 200—400 м вода имеет температуру плюс 4—5°, именно ей запад обязан своим самым мягким на острове климатом. Наиболее активно Западногренландское течение летом. Любопытно, что массы его подогретой до +5° воды сохраняют запас тепла, дойдя до северной части Девисова пролива, на глубине 400—700 м в течение всей зимы. Они здесь теплее, чем все воды побережья, вплоть до самого южного мыса Фарвель. Летом, когда течение усиливается, часть теплой воды переходит в море Баффина. Процесс этот занимает все лето и завершается осенью, когда течение снова теряет свою силу. Теплая вода входит в глубокие, спокойные фьорды и находится там под прикрытием более холодных опресненных вод поверхности до следующего лета. Это направленное на север течение, несмотря на всю его нетеропливую (некоторые океанографы именуют его «течением двойного ритма»), играет большую, если не основную роль в поддержании относительно высокого температурного режима на имеющих большое хозяйственное значение рыбных банках западного побережья.

Море Баффина отделено от Девисова пролива подводным хребтом (Гренландским порогом), над которым происходит смешение вод идущего на север Западногренландского и следующего в обратном направлении и гораздо более мощного Канадского полярного течения. В первом из них по-прежнему наблюдается разделение между холодным поверхностным и теплым глубинным слоями; при этом верхний слой — уже местного происхождения, тогда как нижний — остатки течения Ирмингера; он здесь охладился до +3°, а в северной части залива — и до +1°. Поздней осенью этот посланец Атлантики медленно входит на глубине 500—800 м в проливы Ланкастера и Смит, отдавая остатки тепла полярным водам и охлаждаясь здесь до нуля (температура поверхностных вод здесь — минус 1,7°).

Таким образом, за исключением юго-запада Гренландии, все побережье острова омывается течениями, несущими, особенно в поверхностной своей части, холодные арктические воды (с пониженным, добавим, содержанием соли). Это содействует интенсивному об-

разованию льдов у берега. Поэтому $\frac{1}{5}$ побережья острова блокирована льдом на протяжении всего года (север), в остальной части берега открываются лишь на 2—4 месяца в году.

Морской лед у берегов Гренландии подразделяется на ряд разновидностей.

«Полярный лед». Это толстый морской лед, образовавшийся в Ледовитом океане или его морях в течение более чем одной зимы и достигающий толщины 3 м. Солей в нем немного, воздушных пузырьков нет, отчего он весьма прочен и тяжел. Поля полярного льда опускаются в пространство между Шпицбергенем и Гренландией и следуют с Восточноренландским течением вдоль берега до мыса Фарвель. Затем они поворачивают с течением вновь на север и идут вдоль западного побережья, хотя и не далее мыса Фискенес. Количество полярного льда зависит от времени года — с наступлением зимы его становится больше, даже весной северная часть Датского пролива бывает полна им, а в суровые зимы он достигает берегов Исландии. Восточная Гренландия свободна от него с августа по январь.

«Западный лед» образуется у островов Элсмир и Баффина, после чего его выносит течениями в море Баффина и Девисов пролив. В сентябре его здесь почти не бывает; в последующие месяцы «западного льда» становится все больше вплоть до марта, после чего количество его вновь уменьшается. Он может достичь северо-западного побережья Гренландии уже в октябре и затем совершенно его заблокировать. К январю «западный лед» спускается иногда до 66° с. ш., до Сисимиута. Начиная от залива Диско и далеко на север этот лед может смерзнуться с припайным, сохраняя такое состояние до апреля — мая, а к северу от Уманак-фьорда — и до июля. Севернее Упернавика ледовые условия нестабильны. Бывает, что берег чист летом до залива Кейна, а на другой год забиты льдом заливы и Кейна, и Мелвилл, и еще несколько бухт к югу. В южной части пролива Смит имеется, впрочем, район (местное название «Северная вода»), который остается открытым и в самые сильные зимние морозы благодаря течению, сгоняющему лед вправо от фарватера. Больше всего «западного льда» скапливается обычно в марте в море Баффина (до $\frac{4}{5}$ площади бассейна).

Припайный лед образуется зимой во фьордах и вдоль берегов. Это однолетний лед, толщина которого не

превышает 0,7 м. На северо-востоке Гренландии он может лежать и несколько лет, но тогда он приобретает все характеристики полярного льда. Естественно, толщина его на разных участках даже одного побережья сильно варьирует. Во фьордах он лежит дольше, чем на открытых местах, где его часто ломает океанический прибой.

Описанные выше географические особенности Гренландии (наличие огромного ледникового покрова, арктические моря, омывающие почти весь остров, холодные и теплые течения, проходящие близ его берегов) — причина крайнего своеобразия климатических условий.

Начнем с влияния ледяного щита. Вследствие сильной отражательной способности поверхность ледника поглощает лишь 19 % тепла, получаемого от Солнца. Это не компенсирует потери тепла путем излучения. По этой причине температуры в центре острова зимой опускаются до -70° , а летом постоянно держатся ниже 0° . Даже в июле могут быть морозы до -28° .

Холодные, тяжелые воздушные массы стекают от центральных возвышенных к низким краевым частям ледника, преимущественно к западному, более тепловому побережью острова.

Эти «стоковые» ветры весьма схожи со знаменитой иновороссийской борой как по происхождению, так и по протеканию. Массы холодного воздуха, накопившиеся на высокогорных плато или в вышележащих котловинах, переливаются через край задержавшего их гребня и устремляются с нарастающей скоростью вниз, к берегу, достигая ураганной силы. Скорость этого ветра, называемого эскимосами «питерак», может достигать 300 км/час. В феврале 1970 г. в Ангмагссалике питерак за одну ночь снес многие жилые и общественные здания. Сила ветра со снегом была такова, что он «слизал» краску с легковых автомобилей — к утру они стали «серебряными».

Другой вид местного ветра — фьордовый бриз. В достаточно глубоких и длинных фьордах он дует почти постоянно, днем — с моря на сушу, ночью — из фьорда в море.

При прохождении циклонов образуется теплый ветер — фён. В фьордах юго-западного побережья он повышает температуру воздуха зимой до $+10^{\circ}$.

Проходящие над островом циклоны приносят осад-

ки, питающие ледяной щит, и вызывают потепление, оттепели. Годовая сумма осадков невелика — от 300 мм в центре ледника до 520 мм у его краев (в виде снега, постепенно превращающегося в фирн и лед). Максимальное количество осадков выпадает на юге, в проливе Принс-Кристиан (вшестеро больше, чем в нашем «дождливом» Ленинграде!). Самые сухие местности расположены на противоположной стороне острова, в полярных областях: обычно за год здесь выпадает не более 80 мм осадков (в основном летом), но бывают годы, когда их вчетверо меньше.

Снег идет весьма часто в восточных областях (до 103 дней в году в районе Ангмагссалика); на западе — чуть ли не вдвое реже (55 дней у Сисимиута). Чем дальше к северу, тем более характерными становятся нечастые, легкие снегопады. В западных прибрежных районах летом часты туманные дни (113—128 в год в Кекертарссуаке и Илулссате).

Омываемая теплым Западногренландским течением юго-западная Гренландия имеет наиболее теплый и мягкий климат. Средняя температура января от минус 1 до минус 4°, средняя температура июля в Ивигтуте около 11°. Но в целом и здесь лето холодное, сырое, а зима ветреная и снежная. Лишь на крайнем юге в летние месяцы, в местах, защищенных от ветра, или на южных склонах температура может подняться до +20°. Более суров климат восточного побережья, вблизи которого круглый год движутся льды, приносимые из Центральной Арктики холодным Восточногренландским течением. Наиболее неприветлива и безотраднa природа постоянно блокированного льдами северного побережья. В долгую полярную ночь здесь стоят морозы до —52°. Лишь 2—3 месяца в году благодаря непрерывному солнечному сиянию держатся невысокие положительные температуры. Осадков мало (менее 200 мм), поэтому ледяной щит на севере далеко отступает от побережья¹.

Соответственно климатическим различиям в различных районах острова и растительный покров Гренландии неодинаков. В целом, как считают, он сравнительно скуден, однако обнаружено свыше 1000 видов растений, в том числе около 450 высших. Флора Гренландии бога-

че любого другого района Арктики. Растительность сосредоточена лишь в зоне, свободной от вечных льдов, — в фьордах, на морском побережье и на возвышенностях. Разнообразнее всего растительный мир южной и юго-западной Гренландии, отличающейся более мягким, субарктическим климатом (средняя температура июля +10°).

Там в наиболее солнечных и защищенных от ветра долинах сохранилось несколько березовых перелесков. Стволы деревьев достигают высоты 4—7 м; нередко они искривлены, а иногда тянутся параллельно земле. Здесь же встречается американская рябина, ива, можжевельник — все они больше напоминают кустарник, чем деревья. Долина с лучшим березовым «лесом» (Кингва, близ Тассермиута) объявлена заповедником.

Ольха, ива часто встречаются вдоль рек. В их подлеске — заросли мхов, лишайников и папоротников. Среди травянистого покрова обычны дягиль, вейник, манжетка красивая с ее пальчатыми серебристыми листьями, ясколка, кассиопея, ястребинка, куропаточья трава. За скалами, там, куда не проникают морские ветры, на кислой неплодородной почве растут ива, овсяница и горный плаун. В глубине влажных и сравнительно теплых фьордов юга доминирует медвежья ягода, много голубики; американская карликовая березка там по высоте мало превышает кустики голубики. Лишь в самых благоприятных условиях это изящное деревце может достичь 0,5—1 м высоты.

В глубине Сёдре-Стрёмфьорда в условиях несколько более сухого климата деревья и кустарники не растут, но хорошо представлена травянистая растительность, сходная со степной. Здесь на рыхлой плодородной почве растут кобрезия, осока, чернобыльник, лапчатка и даже полынь. На увлажненных местах юго-западного побережья травяной покров приобретает типично луговой характер, его называют «голубыми лугами». В лугах преобладает душистый колосок, вейник, мятлик, щучка, ожика, цветут лютик, колокольчик, фиалки. Встречаются луга с довольно высоким травостоем, могущие служить пастбищами, на некоторых из них заготавливают сено для коров и овец. Выше по склонам наряду с исчезающей голубикой попадаются кустики водяники, осока, еще выше — желтые цветы одного из самых красивых растений острова — горного мака, не приметная камнеломка, нежно-сиреневые огоньки родо-

¹ Физическая география частей света. М., 1963.

дендрона. На кочках горных торфяных озер поселяются черника и ива. Поверхность этих своеобразных озер покрыта толстым слоем плавающего мха, мощный рост которого обусловлен обилием питательных веществ от помета (гуано), оставляемого многочисленными гнездящимися в окрестностях водоема птицами. Во мхах, образующих плотные ковры, тонут ноги, лишайники, кустика, образуют не менее плотные серебристо-зеленые подушки, которые в скалах над побережьем приобретают желтый, а еще выше — коричневый цвет.

Кассиопея растет во внутренних районах плоскогорий, в глубине фьордов, но никогда — на берегу океана. Растущая там же куропаточья трава — красивое растение с крупными белыми, похожими на анемоны цветами, встречается от низин до горных вершин, но единственное условие ее произрастания — богатая известью почва и обилие влаги. Чрезвычайно богата растительность на обильно удобренной почве птичьих базаров: здесь характерны злаки (мятлик, лисохвост), звездчатка, горец, щавель, смолевка, образующие красивый густой покров.

В низкоширотном арктическом поясе (68° — $68^{\circ} 30'$ с. ш.), где средняя температура июля плюс 5— 10° , на прогреваемых солнцем каменистых склонах еще встречаются заросли карликовых ив, карликовые ерники в окружении таких пышно цветущих трав, как дягиль, аралиевка, звездчатка, большецветный иван-чай, нередко брусника, кассиопея, горный щавель. Тонкие, в миллиметр толщиной, веточки карликовой ивы обычно прячутся во мху и мелком щебне. Лишь концы их длиной не более сантиметра видны снаружи. На каждой из таких веточек два листика величиной с ноготь и цветочная почка с совсем незаметным мужским или женским цветком. Еще более сливается с поверхностью почвы мхообразный вереск. Между периодами цветения это короткие (3—5 см) побеги толщиной с канцелярскую скрепку, покрытые еще более тонкими иглообразными листиками. В период цветения такой кустик осыпан мириадами крошечных висячих белых колокольчиков, окрашенных изнутри в ало-красный цвет. Более заметны дриады и лапландский рододендрон, нередко покрывающие значительные пространства.

Во влажных низинах выделяется вереск с его крупными, свисающими с длинных стеблей фиолетовыми цветами, встречаются лисохвост, аир. Вблизи рек

и озер можно встретить красные цветы кипрейника, белые цветы кислицы; отдельными островками высится осока, под ногами стелются мышехвостник и монция, к крупным камням жмется хрупкий хвощ, открытые места предпочитает пушица.

В наименее благоприятных для существования растительности местах — на свободных ото льда участках восточного и западного побережий севернее $68^{\circ} 30'$ с. ш. и во всей Северной Гренландии, а также на нунатаках, возвышающихся над ледяным щитом, встречаются среди щебня только отдельные пятна растительности, состоящие из мхов, лишайников, единичных экземпляров стелющейся полярной ивы, камнеломок, куропаточья травы, крупки, горного мака. В талой воде ледникового щита, на поверхностном слое снега поселяются зеленые кремнистые водоросли. Мельчайшие эти растеньица свободно плавают и могут поэтому встречаться даже в отдельных капельках растаявшего снега.

Здесь отмечена весьма небольшая часть растений Гренландии. Нами не упомянуты, европейские травы, занесенные еще норманнами: мышиная вика, пастушья сумка, лапчатка гусиная, мокрица, подорожник и др. Некоторые из этих видов вымерзли, но большинство еще можно встретить на местах старых селений норманнов. Растения, занесенные сравнительно недавно (всего их 125), встречаются лишь в местах обитания человека; растительный мир острова в целом пока от нежелательных «иммигрантов» свободен. Из всей массы трав, мхов, лишайников, водорослей и деревьев хозяйственное значение имеют, пожалуй, только луговые травы. Кроме сена для домашнего скота местное население запасает летом ягоды, прежде всего медвежью, голубику, морошку. Весной и летом эскимосы с удовольствием едят молодые побеги дягиля — они не только богаты витаминами, но и вкусны. Впрок готовят росенроден — высокую, до 30 см, траву с мясистыми корнями; ее квасят, пересыпая черникой, в кожаных мешках. Одуванчик (стебли и корни) едят свежими вместе с жиром.

Не столько для насыщения, сколько для удовольствия эскимосы с давних пор готовят из смолы ивы и тюленьего жира своеобразную «жевательную резинку» — лишнее подтверждение истины: «Ничто не ново под луной!» Из овощей в некоторых стойбищах выращивают

в открытом грунте картофель и редис. В парниках зреет и другая зелень, а редис дает два урожая.

С незапамятных времен единственным источником пищи и большинства предметов первой жизненной необходимости для эскимосов был океан. Традиционное хозяйство было основано почти исключительно на морских промыслах. Морской зверь давал людям все: пищу, корм для собак, жир для обогрева и освещения жилищ, шкуры шли на изготовление одежды, ремней упряжи, охотничьих поплавков, обтяжки лодок, жилищ, из костей изготовляли орудия труда и подпорки в хижинах. Даже древесный материал давала людям не безлесная суша, а море, прибывая к берегам стволы сибирского кедра или канадского клена. Море и сейчас служит основным источником пропитания для четверти населения острова.

Важнейший объект охоты гренландцев — кольчатая нерпа. Это небольшой (весом до 50 кг) тюлень. Интересной его особенностью является то, что он способен дышать сквозь дыры, которые проделывает во льду до двухметровой толщины. Благодаря такой своей способности он не уходит, как другие морские звери, в море в 3—5-месячную полярную ночь Северной Гренландии, а продолжает держаться у берега. Нерпу добывать легче, чем других тюленей или моржей, так как она любопытна и доверчива. Поэтому охота на нее нередко становится единственным способом выжить, когда другие виды охоты и лова становятся невозможными.

На морского зайца, который изредка встречается близ берегов в больших стадах, охотятся не только из-за мяса, но и из-за шкуры, из которой изготавливают прочные ремни. Чтобы они были достаточно длинными, шкуру с тюленя снимают несколько необычным способом: широкими кольцами, начиная с хвостовой части туши, потом из этих колец нарезаются ремни.

Еще реже встречаются пятнистые тюлени; они водятся в основном у южных берегов острова, причем в погоне за рыбой заходят во фьорды. Красивая шкура этого тюленя высоко ценится — из нее шьют праздничную одежду.

Хохлач, крупный, до 2,5 м длины, тюлень, размножается и воспитывает своих детенышей на дрейфующих льдинах. Ранее он играл большую роль в промыслах населения стойбищ в районе Нанорталика, так как

весной, мигрируя к Девисову проливу, проходил вблизи побережья. В настоящее время поголовье хохлача сильно уменьшилось.

Вдоль всего побережья обитает другой крупный тюлень — гренландский (весом до 160 кг). Он также размножается на плавучих льдах и относится к мигрирующим. Самки рожают детенышей в районе Ян-Майена и Ньюфаундленда, а к берегам Гренландии тюлени приходят летом в поисках пищи. Впервые за большой промежуток времени стада тюленей увеличились до промысловых масштабов в 1930-х годах; в настоящее время они снова уменьшаются.

Важнейшим промысловым животным полярных областей является морж. Поскольку он добывает себе пищу (моллюсков) главным образом на дне моря, то его ареал ограничен районами с глубиной от 10 до 80 м. Иногда в зимние и весенние месяцы морж приходит на дрейфующем льду к западным берегам Гренландии, где на него охотятся с мотоботов. Летом зверь снова уходит на север и встретить его можно только в заливе Мелвилл и у Туле.

Совсем невелики стада китообразных, обитающих в гренландских водах. Ранее большое значение для экономики эскимосов имели самые крупные из них — гренландские киты, но с тех пор поголовье их резко уменьшилось. Это вызвано главным образом хищническим истреблением животных¹. Китов Северной Атлантики в первой трети XX в. отстреливали в массовых количествах. Еще в XVIII в. у Гренландии охотились на китов с тысяч китобойных судов.

У юго-западного побережья и теперь ведется охота на финвала; иногда мотоботы с гарпунными пушками отваживаются на погоню за более крупным китом-горбачом. Гораздо реже можно здесь встретить стаи крупных дельфинов-гринд. Так же редки косатки, белые и синие киты, кашалоты; более частые и многочисленные гости прибрежных вод — дельфины мелких видов.

В морях, омывающих Северную Гренландию, довольно часто появляются нарвалы. Эти сравнительно небольшие (до 3 м) китообразные могут жить далеко в море, в ледяных разводьях, так как в случае смерзания льдин самцы пробивают бивнями отверстия, через которые дышит все стадо. Эскимосы Туле охотятся на них

¹ *Игнатьев Г. М.* Гренландия. М., 1956, с. 167.

из-за ценного жира и, главное, шкуры («маттака»), весьма вкусной и богатой витамином «С», которую они жуют в сыром виде.

По сравнению со всем разнообразием морских зверей, обитающих у берегов Гренландии (нами названы лишь несколько из 23 видов), количество видов сухопутных млекопитающих острова невелико — их всего 9: северный олень, мускусный бык, белый медведь, полярные волк и заяц, песец, лемминг, горноста́й и росомаха.

Северный олень — один из старейших обитателей Гренландии; найдены кости оленей, живших здесь свыше 3 тыс. лет назад. Это крупное животное проникло на остров, очевидно, через Девисов пролив. Поголовье его в различные периоды было крайне неодинаковым, что зависело от суровости зим и наличия корма. Так, в первой половине XIX в. оленей было до 200 тыс., после ряда чрезвычайной суровых зим поголовье резко упало. Вновь возросло оно лишь после 1910 г., а в 1930 г. снова сократилось. В 1960-х годах, только по официальным данным, ежегодно отстреливалось 5—6 тыс. оленей, но именно в эти годы отмечен большой прирост стада. В 1970 г. лишь в районе Сёндре-Стрёмфьорд — Паамиут было зарегистрировано около 100 тыс. оленей. Сейчас они обитают главным образом в области Манитсок и Сисимиут (на западе); в других частях острова олень встречается реже; на севере его нет совсем.

Мускусный бык (или овцебык)¹ — самое «доисторическое» животное из обитающих ныне в Гренландии. Многие миллионы лет назад неисчислимые стада его паслись в степях Центральной Азии. В период оледенения ареал обитания быка сместился в Северо-Восточную Азию и Европу, а после исчезновения льда — в Северную Америку, Северную и Северо-Восточную Гренландию. Поголовье его было весьма значительным до конца XIX в., когда полярные эскимосы, весьма ценящие вкусное мясо этого животного, начали охотиться на него с винтовками. Бык был полностью выбит

¹ Имя свое мускусный бык получил вовсе не из-за какого-то особого запаха, как обычно считают. Оно происходит от слова «мускег», означающего на языке индейцев племени кри «тундра» и служившего им для отличия овцебыка от быка южного — бизона. Услышав впервые слово «мускег», французские миссионеры приняты его за «муске», что по-французски означает «мускус», — отсюда и начало этого многолетнего заблуждения.

почти повсюду, кроме крайнего северо-востока острова. В 1962 и 1965 гг. в западную часть Гренландии было перевезено стадо мускусного быка в 27 голов. Оно хорошо прижилось на новом месте; есть надежда, что бык широко размножится на западе острова, в области, где он раньше никогда не обитал.

Белый медведь встречается чаще всего на широких ледяных полях побережий северо-запада и северо-востока. Он остается на них и, когда лед дрейфует на юг, прямо со льдин охотится на свою основную добычу — кольчатую нерпу. «Путешествуя» таким образом, медведь за лето добирается до юго-востока и даже Баффиновой Земли. Зимует зверь на берегу, устраивая между скалами берлоги в снегу. Самка забирается в берлогу поздней осенью, а к Новому году рождает одного-двух медвежат, которых выкармливает молоком до апреля. Затем все покидают берлогу и уходят на лед, где к этому времени появляется масса бельков — детенышей тюленя, не умеющих плавать. Нерпы и бельки живут в течение 2—3 недель в снеговых норах, имеющих выход в воду. Найдя такую нору по запаху, медведица осторожно подкрадывается к ней, поднимается на задние лапы и обрушивается на нее всем своим весом, при этом она отрезает путь в спасительную воду и нерпам и белькам. С наступлением лета медведь охотится не только на нерпу, но и на водоплавающую птицу, ныряя и хватая ее из-под воды.

Поголовье белого медведя, возросшее к началу XX в., позднее уменьшилось. Очевидно, это было связано с изменением миграций морского зверя, которым он питается. В настоящее время, характеризующееся некоторым похолоданием и тенденцией к сдвигу миграций к югу, увеличивается и количество медведей в Восточной Гренландии.

Белый песец (в настоящее время значительно смешавшийся с американским голубым песцом) весьма многочислен на всей северной половине острова. Чистопородный белый песец (он крупнее голубого) обитает лишь на островах Элсмир и Земле Вашингтона. В Туле белый песец приходит вслед за леммингами, своей основной пищей, на зимовку по молодому льду. Самый ценный, голубой, песец живет в районе Туле постоянно. Гораздо крупнее тулеского голубой песец юго-запада, лучше обеспеченный кормом — здесь больше полярной мыши — лемминга. Охота на песца всех

видов — весьма важная отрасль промыслового хозяйства.

Заяц водится в Гренландии повсюду, кроме южного побережья и залива Мелвилл. Полярный заяц чаще встречается в глубине побережья, чем на береговой полосе. Питается он побегами ивы, круглолистным щавелем, при необходимости ест любую траву. Охотятся на зайца ради зимнего ослепительно белого и очень плотного меха. Летом буровато-серая (или чисто-серая у зайчат) шкурка ценится гораздо ниже, поэтому летом охоты на зайца почти нет.

Полярный волк, этот удивительно красивый, крупный, сильный хищник, водился раньше вдоль всего северного побережья, где его добычей были олени. После уменьшения оленьего стада волк стал питаться зайцами и телятами мускусного быка, изредка падалью. Однако резкое падение численности зайцев в начале 1930-х годов сделало дальнейшее пребывание волка на острове невозможным, и он исчез полностью.

Лемминг водится вдоль всего северного побережья; южнее залива Кейна он не встречается. Этот небольшой зверек прекрасно приспособлен к жизни в полярных областях — для того чтобы найти корм, ему не нужно даже подниматься на поверхность снега; в самые снежные и суровые зимы он роет в нем длинные ходы, находя траву и лишайник по запаху. Летом лемминг живет в земляных норах на сухих участках, зимой — под снегом. Он единственное млекопитающее острова, которое приносит потомство несколько раз в году. Лемминг — основная пища ряда животных, поэтому характерные резкие колебания в его численности сопровождаются аналогичными переменами в поголовье песцов и горностаев, а также некоторых птиц.

Область обитания горностаев полностью совпадает с ареалом расселения лемминга, на которого он главным образом и охотится. В годы «неурожая» леммингов горностаев может прокормиться другой пищей — яйцами птиц, птенцами и самими птицами, падалью.

Росомаха — животное пришлое, ранее она никогда в Гренландии не водилась. В последние годы появляется в районе Туле, приходя скорее всего с канадского берега.

Птичий мир Гренландии насчитывает всего 52 вида постоянных обитателей суши острова. Относительное видовое разнообразие, как и невысокая плотность за-

селения птицами участков суши, вызвано длительным периодом сильной заснеженности и коротким сезоном летней вегетации растений. В море пищи достаточно круглый год, поэтому на побережье и островах селятся в огромных количествах морские птицы.

Постоянных гостей острова — перелетных птиц — насчитывается в Гренландии около 20 видов; самые многочисленные из них — буревестники, утки, чайки и чистики. Более редок прилетающий сюда на краткий срок для кормежки на лугах юго-запада коротконосый исландский гусь. Эта крупная птица линяет в середине лета, потом она летит на «зимние квартиры» — к берегам Британских островов.

Гораздо богаче видовое разнообразие нерегулярно прилетающих на остров перелетных — их до 150 видов. Эти птицы в основном из Европы и Америки. Часто во время перелета они сбиваются с курса и опускаются на арктические берега, редко бывающие для них гостеприимными, — особенно высок процент гибнущей птицы в период осенних штормов.

Из крупных хищных птиц Гренландии самая распространенная — полярная сова. Сова находится в сильнейшей биологической зависимости от количества леммингов, которыми она питается. В «лемминговые годы» сова кладет больше, чем обычно, яиц и успешно выращивает многочисленное потомство. Наоборот, в периоды, когда леммингов становится мало, сова почти вообще не кладет яиц, лишь отдельные особи выводят птенцов, но в меньших количествах.

Сову превосходит размерами орлан-белохвост. Эта самая величественная птица Гренландии гнездится вдали от побережья, высоко в скалах. Она никогда не была многочисленной, но в 1960-е годы орланов стало совсем мало из-за хищнической охоты на них. Когда орнитологи в конце 1960-х годов подсчитали, что на всем протяжении цепи гнездовой орлана (от о. Диско до мыса Фарвель) осталось лишь около 60 пар птиц, то с 1973 г. охота на орлана была полностью запрещена, еще через несколько лет все гнезда (обычно орлан использует одно и то же гнездо много лет) поставлены на учет и охраняются.

Еще одна птица-хищник — кречет гнездится в Гренландии, а зимует в Исландии.

Большинство гренландских птиц водоплавающие, но гнездятся отдельные виды их на разном удалении от

моря и на разных высотах. На берегу выводят птенцов ряд гусей, люрики, топорики, чистики, кайры, ласточки. Эти небольшие птицы совершают самые дальние перелеты — из Гренландии через Западную Европу и Африку в Антарктиду. На плоских участках скал выют гнезда из водорослей чайки: самая крупная из них, морская, выделяется черными спинкой и крыльями; не намного уступает ей по величине серая, а также небольшая чайка — белокрылая. Все три вида чаек проводят в Гренландии и лето и зиму, питаясь рыбой, ракообразными, моллюсками. Чайки эти распространены почти вдоль всех побережий острова.

Гага — единственная из утиных, живущая у морской воды. Ранее гага была чрезвычайно многочисленной, но интенсивная охота и в особенности не ограниченный никакими нормами сбор яиц на гнездовых вблизи городов и поселков сильно сократили ее поголовье. В настоящее время посещение мест гнездовых, обычно устраиваемых этой птицей на плоских островах, куда не могут добраться песцы, запрещено. С апреля по сентябрь запрещена охота и на местного баклана, красивую черную птицу.

Прибрежные птичьи колонии чаще всего смешанны, их составляют многие виды размножающихся здесь птиц. У каждого вида на скалах птичьих базаров есть своя зона; сообща им легче охранять яйца или птенцов от общих врагов. Изредка встречаются одновидовые колонии, но они гораздо малочисленнее обычных смешанных.

В некотором удалении от побережья селится кряква обыкновенная, луток, морянка. Поскольку горные области освобождаются от снега раньше, чем прибрежные, то такие птицы, как бекас, галстучник, ржанка, исландский песочник, которые в Гренландии питаются исключительно насекомыми, выют гнезда на высоте до 800 м над уровнем моря; здесь же, в скалах, гнездится баклан. Еще дальше от моря, на островах пресноводных озер, также селятся серые утки. Снежным и краснозобым гагарам часто не хватает скудной озерной растительности, и они летают на кормежку в близлежащие фьорды и на побережье. Сравнительно немногочисленные камешки селятся у проточной воды крупных ручьев; здесь самки и подрастающие птенцы питаются личинками комаров, вылавливая их в ледяной воде. Из птиц, добывающих пищу на суше, самые распространенные —

белая куропатка, снежный воробей, лапландский подорожник, горный конек. Виды эти распространены повсеместно (особенно снежный воробей), так как питаются и зернами растений, и насекомыми. Чисто насекомоядные дроздовые (дрозд белобровый, каменка) предпочитают открытые места и выют гнезда в каменных россыпях на плоскогорьях, где птенцы в совершенной безопасности (пресмыкающихся на острове нет совсем), как и птенцы воробья, часто селящегося под могильными плитами на городских кладбищах.

Потепление прибрежных вод, вызванное усилением в первой четверти XX в. теплого течения Ирмингера, явилось причиной не только упомянутой ранее перемены маршрутов миграций морского зверя, но и появления у берегов острова массы рыбы, ранее здесь не обитавшей, главным образом трески. Появились также пикша, камбала, колючая и сельдяная акулы, зато дальше на север ушли старые промысловые виды: полярная и фьордовая треска, увак (холодолюбивая мелкая треска), палтус.

Количество трески стало увеличиваться после столетнего перерыва; в разряд промысловых вошли такие ранее редко попадавшие в сети виды рыб, как обычная, пятнистая и плоскоголовая зубатки, а также пинагор; стали регулярными хорошие уловы морского окуня. Промысловое значение получил черный палтус, но ныне в поисках его приходится плыть до Девисова пролива и брать эту рыбу на полукилометровой глубине, как и красного глубоководного окуня. Более легка добыча камбалы, встречающейся у берега. Весьма распространена в водах вдоль побережья Скорсбисунн — мыс Фарвель — Туле полярная глубоководная акула, которую ловят ради мяса и жира.

Одна из самых ценных рыб — лосось, который заходит в реки и ручьи на всем протяжении побережья; имеются и озерные его разновидности. С 1964 г. лососевые стали вторым (после трески) по промысловому значению видом рыбы. Кроме лосося в пресные воды заходят еще два вида рыб: скальная форель и американский угорь.

Из прибрежных промысловых зон наиболее важным для экономики Гренландии является западное побережье, вдоль которого протянулась цепь банок с глубиной от 20 до 100 м. Течения Девисова пролива содействуют образованию глубоких водоворотов; по перифе-

рии этих гигантских воронок в поверхностные слои океана выносятся глубинная вода, богатая питательными веществами, обуславливающими рост основной пищи рыбы — планктона. Самые мелкие виды рыб — мойва и песчанка вылавливаются местным населением в огромных количествах. Рыбу сушат, разбрасывая по прибрежным скалам, затем ее складывают в кожаные мешки и зимой используют на корм собакам.

Самые распространенные из ракообразных — приобретающие все большее промысловое значение красные глубоководные гренландские креветки. Эти крупные, длиной до 15 см, рачки покидают придонные слои океана лишь по ночам. Ловля креветки облегчается тем, что это животное предпочитает гладкое песчаное дно на глубине, вполне доступной современным траловым сетям, — от 200 до 600 м.

Как растительный, так и животный мир Гренландии прошли длительный цикл приспособления к суровым климатическим условиям Арктики. Медведь, горноста́й, заяц, песец, лемминг приобрели защитную белую окраску, даже волк и олень полярных областей значительно светлее своих более южных собратьев.

Приспосабливаясь к скудности кормовой базы, гренландские животные стали всеядными. Так, хищник белый медведь может поедать растительную пищу, а травоядный олень — охотиться на леммингов.

Для флоры и фауны острова в результате деятельности человека возникли серьезные экологические проблемы. Наиболее глубинные причины возникновения этих проблем коренятся в капиталистическом способе производства. При реализации своих планов освоения Гренландии датские власти не всегда ориентировались на экологически обоснованные методы экономического развития, что вызвало загрязнение природной среды. Примером может служить отравление вод фьорда Мармори́лийка солями тяжелых металлов, что нанесло большой урон флоре и фауне региона. Усугубил ситуацию хищнический промысел животных. Количество морского зверя у обитаемых частей острова сильно уменьшилось, поголовье некоторых ластоногих было почти полностью уничтожено.

С целью сохранения природы Гренландии создано несколько заповедных зон. Самый крупный заповедник — национальный парк Гренландии занимает часть северной и всю северо-восточную часть острова. Пло-

щадь парка составляет 700 тыс. км² (это самый большой заповедник мира). На его территории имеются все виды гренландского ландшафта: ледяной щит, прибрежная, свободная от льда полоса, озера, острова, фьорды, реки и т. д.

В национальном парке обитает большая часть стада мускусного быка; именно здесь в основном размножаются белые медведи, полярные зайцы, белые песцы.

Упряжки мчатся
сквозь века

Впервые люди пришли в Гренландию не менее 5 тыс. лет назад. Первые поселения людей с эскимосской культурой на острове обнаружены на Земле Пири; стоянки людей этой культуры, возникшей примерно за 2000 лет до н. э., были найдены археологами около Индепенденс-фьорда, и поэтому их культура получила название «Индепенденс». Заселение острова шло несколькими волнами. Раскопки показывают, что то были охотники на тюленей и мускусных быков.

Весьма сходна с Индепенденс по типу орудий и жилищ культура Саркак, появление которой датируется 2—1,5 тыс. лет до н. э. Представители обеих палеоэскимосских культур различаются, в частности, отделкой орудий (у Саркак они более изящны и совершенны). Отличие это могло зависеть от местного камня — охотники культуры Индепенденс делали наконечники и резцы из кремня, а саркакцы использовали серый сланец, который легче обрабатывается и шлифуется. Археологи раскопали стойбища палеоэскимосов. Их дома представляли собой каменные стенки, которые крылись, очевидно, шкурами; в середине жилища было место для костра, огражденное камнями: в те далекие времена жировых ламп гренландцы скорее всего не знали. У очагов найдены небольшие растрескавшиеся от жара камни, возможно, их опускали в деревянные или кожаные сосуды для варки пищи. Ученые полагают, что культура

Индепенденс исчезла с лица земли потому, что была совершенно не приспособлена к изменившемуся климату, ставшему крайне суровым.

Стойбища людей, принадлежавших к культуре Саркак, впервые найденные у залива Диско, позднее были обнаружены вдоль всего западного побережья и на восточном берегу к югу от Ангмагссалика. Эти люди были охотниками на оленей, в охоте им помогали крупные собаки.

Лучше всего исследованы стойбища у Илуиссата и Готхоба (Нуука). Трудности при раскопках здесь были связаны не только с условиями вечной мерзлоты, но и с тем, что жилища были легкими, типа яранг, с центральным расположением очага, их каменная часть, как правило, разбиралась для более поздних построек.

Началом нашей эры датируются первые следы культуры Дорсет, сменившей саркакскую. Вместо лука и стрел люди Дорсета пользовались гарпуном и копьем; собак у них не было, но имелись небольшие сани с полозьями из бивней моржа. Судя по всему, дорсетцы не имели с саркакцами ничего общего, кроме путей миграции. Они продвигались на юг Гренландии, селясь в тех же местах, что были облюбованы их предшественниками за сотни лет до этого.

Исходя из того что дорсетцы не унаследовали ни орудий, ни собак, ни покроя одежды саркакцев, ученые утверждают, что Дорсет вообще был совершенно иным типом культуры, чем Саркак и последовавшая за ней культура Туле. Эскимосские предания, в которых дорсетцы названы «тунит», т. е. «жители материка», повествуют о их гибели от рук «людей моря», по-видимому, их вытеснили позднее с материка другие племена. Примерно в 900-х годах н. э. дорсетцев почти не осталось в Гренландии.

К 1000 г. н. э. остров был по существу безлюден, но на пути к нему уже были две новые волны мигрантов. Одни из них, норманны, плыли по бурной Атлантике на исландских ладьях, другие, эскимосы — морские охотники, спускались с северо-запада на юг вдоль побережья на своих узких умиаках.

Норманнов вел Эрик Рыжий, норвежец, замешанный в нескольких убийствах, лишенный за это права жить на родине и поселившийся в северо-западной Исландии. Эрик Рыжий отличался тяжелым, вспыльчивым

характером. В дикой драке им были убиты сосед и его два сына. После этого преступления Эрик должен был бежать с острова.

Ранее он слышал о земле, лежащей к западу от Исландии. Он приплыл туда и три года там прожил, досконально исследовав юг острова, окрещенного им Гренландией, а затем вернулся в Исландию. Узнав от Эрика о зеленом острове, 700 переселенцев в 986 г. покинули Исландию на 25 тяжело груженных запасами зерна и скотом ладьях. К новой родине добралось только 14 судов. Остальные либо повернули назад, либо разбились о скалы у мыса Фарвель...

Норманны основали два главных поселения: Естербюгден (вблизи нынешнего Какортока) и Вестербюгден (у Готхоба). Так образовалась первая скандинавская колония в Гренландии, просуществовавшая несколько веков. Численность ее населения не превышала 11 тысяч. Норманны выстроили много каменных зданий, самыми высокими из которых были церкви (более 10) и два монастыря — их величественные руины еще высились у Юлианехоб-фьорда в начале XIX в. Колонисты разводили коров, лошадей, коз, овец, свиней; сена и зерна для скота было в достатке. Хлеб они, судя по всему, не выпекали, им хватало мяса, молока, сыра. Охотились на оленей, зайцев, птицу, тюленей, ловили форель, лосося и т. д.

Прибывшие на остров в конце 1-го тысячелетия н. э. новые эскимосские переселенцы принадлежали к неоэскимосской культуре Туле. Их важнейшими занятиями были китобойный и зверобойный промысел, гончарное дело и изготовление изделий из кремнистого сланца. Люди Туле оказались лучше своих предшественников приспособлены к суровым условиям острова. Их не могла удовлетворить охота на прибрежном льду, и они смело выходили в открытое море. Им был известен не только гарпун с поворотным наконечником, но и охотничьи поплавки, большие лодки (умиаки) для охоты на китов. Их большие жировые лампы из камня предназначались для обогрева жилищ. Кости морского зверя шли на стропила землянок.

Когда, где и при каких обстоятельствах эскимосы стали перенимать скандинавскую материальную культуру — точно не известно. На острове Инугсук в раскопе среди эскимосских предметов быта было найдено множество вещей норманнского происхождения, в том

числе одежда. Севернее, на Инглефельде, в 1500 км от колонии норманнов найден фрагмент кольчуги.

Находки на Инугсуке позволяют особо выделить культуру эскимосского населения, селившегося здесь в XIII—XIV вв. (культура Инугсук). Ее главное отличие от культуры Туле — заимствование ряда элементов европейской материальной культуры, достигнутое, бесспорно, в результате контактов с норманнами. Например, изготовление пил из китового уса, клепачных бочек, божков или кукол в европейской одежде. Техника охоты здесь еще более совершенствовалась — появились новые типы гарпунов, каяк приобретает «современную» форму, характерную элегантностью линий. Благодаря этим и иным достижениям люди Инугсук смогли продвигаться на север до Скорсби и о. Клавиринг.

Контакты между эскимосами и норманнами были далеко не всегда дружественными. В хрониках гренландских священников говорится и о столкновениях эскимосов с жителями норманнских селений во второй половине XIV в.

Раскопки свидетельствуют о том, что норманны, жившие в Гренландии в XV в., не прерывали связей с Европой. Датский археолог П. Нерлунд извлек в 1921 г. из норманнских захоронений прекрасно сохранившиеся в вечной мерзлоте 30 плащев и рубах, 17 капюшонов с длиннейшими косицами, 5 круглых шляп, чулки, остроносые туфли и т. д. Их покрой доказывал, что скандинавская мода шла в ногу с элегантным миром Венеции и Бургундии! Найденные в раскопах скелеты людей свидетельствовали о гвардейском росте норманнов — мужчины высотой 185 см не были редкостью, женщины были более миниатюрны, в среднем 156 см. Но более поздние находки говорят о начавшемся вырождении гренландцев, все чаще встречаются искривленные болезнями кости, впалые грудные клетки. Профессор К. Хансен сделал обоснованный вывод о значительном ухудшении пищи поселенцев, ее дефиците во второй половине XV в.

Очевидно, гренландцы жестоко страдали в условиях становившегося все более суровым климата, не позволявшего содержать достаточное количество скота. Очередным ударом для колонии было полное прекращение подвоза европейских товаров. Причин этому было много — и «черная смерть» в Европе (эпидемия чумы), и угасание датского мореплавания под давлением могу-

щественной Ганзы, и экспорт русского меха и африканской слоновой кости, сделавших для европейцев риск опасных «гренландских плаваний» за шкурами песка и бивнями моржей неоправданным.

История окончательного угасания гренландских средневековых городов пока не раскрыта. Лишь эскимосские предания глухо повествуют о какой-то битве при Какертоке, где были истреблены якобы последние норманны. Во всяком случае, когда корабли датской эскадры бросили в 1474 г. якоря у берегов острова, моряков встретили только эскимосы. Полуразрушенные дома и церкви были пусты. Затем в истории связей Гренландии и Европы снова наступает длительный столетний перерыв.

Вторичное открытие европейцами Гренландии произошло в 1576 г., его совершил английский капитан Фробишер, искавший путь в Индию через северные моря Америки. За ним последовал Д. Девис, выдающийся мореплаватель, впервые составивший точную карту острова в результате трех экспедиций. С 1605 г. остров посещали и датские ученые.

В эти годы в Европе появился интерес к Гренландии и ее обитателям. Циркулировали слухи об «ужасных» обычаях островитян, являвшиеся плодом чистой фантазии. Капитаны судов некоторых стран похищали островитян и пытались привезти их в Европу, но пленные, как правило, бросались за борт или вскоре умирали на чужбине.

С начала XVII в. появляется интерес к Северу и несколько иного плана. Основанная в 1614 г. голландская «Североморская компания» послала суда в Девисов пролив и к западногренландскому берегу — это событие стало увертюрой к столетней войне за китовый жир для ламп Европы. В этой острой борьбе конкурентов принимали участие тысячи людей — англичан, голландцев, французов. Первой из этой борьбы вышла Дания, оказавшаяся слабее других, хотя и успевшая включить белого медведя Гренландии в свой герб.

Остров стал для предпринимателей золотым дном. В его водах охотилось до 10 тыс. китобоев, только крупных китов добывалось в год до 1000, число людей, погибших при этом, также измерялось многими сотнями, ведь охота велась с обычных баркасов. Но прибыли перевешивали стоимость человеческих жизней, ибо были баснословными. Голландия считала годовой доход

сотнями тысяч гульденов при сравнительно небольших затратах.

Формально Гренландия считалась датской территорией (до начала XIX в. Дания и Норвегия составляли единое государство со столицей в Копенгагене). Не имея возможности конкурировать с великими морскими державами в океане, датчане стали колонизировать сушу, где ничьей конкуренции можно было не опасаться.

3 мая 1721 г. из Бергена вышел небольшой парусник «Надежда», целью его рейса была организация торговли с эскимосами. Два месяца спустя, 3 июля, «Надежда» бросила якорь у южного берега острова. Колонизация Гренландии началась.

Во главе экспедиции стоял Ханс Эгед, норвежский пастор, проникшийся мыслью о необходимости обращения эскимосов в христианство. Ни в Норвегии, ни в Дании Эгед не находил поддержки своим планам у светских и духовных властей. Его попытки организовать миссию за свой счет ни к чему не привели — будучи человеком небогатым, он безуспешно пытался изыскать средства, обращаясь к богатым купцам. Лишь через 13 лет бесплодных усилий, в 1721 году после окончания долголетней Северной войны, было принято государственное решение создать миссию, а для обеспечения ее финансовой поддержки — торговую компанию.

Деятельность Х. Эгед в Гренландии нельзя назвать типично миссионерской. Он изучал язык, пытался проникнуть во все тонкости эскимосских обычаев, для того чтобы успешнее бороться с наиболее «нехристианскими» из них, например детоубийством¹. Жена пастора первой познакомила гренландцев с начатками гигиены, она лечила их и погибла в оспенном бараке во время эпидемии.

В целом миссия Эгед мало способствовала распространению христианства, религии, идеалы которой были слишком чужды охотникам (несмотря на то что пастор даже изменял некоторые непонятные эскимосам слова в молитвах, например «агнец божий» превратился у него в «божьего тюлененка!»). Определенные успехи были достигнуты в области борьбы с болезнями и вредными

¹ Пастор боролся с обычаем убивать новорожденных девочек, топить осиротевших детей, казнить заподозренных в колдовстве и «краже душ», с кровной мстостью и т. д.

обычаями эскимосов, хотя уничтожить самый страшный бич их здоровья — туберкулез ему не удалось. Эту сторону деятельности Х. Эгед и его жены Гертруды можно вполне сравнить с подвигом А. Швейцера, боровшегося в глубине Африки с болезнями, губительными суевериями и предрассудками местного населения.

Что же касается торговой деятельности Эгед, то она, несмотря на привилегию монополии, шла, по словам датского историка Эрнгора, «еще хуже пасторской». Пастор не мог конкурировать с голландскими торговцами, скупавшими мех непосредственно в местах охоты эскимосов. Поэтому датская торговая компания лопнула еще в 1727 г., после чего из Гренландии «в целях экономии» были отозваны все датчане. Лишь Эгед получил «милостивое» разрешение остаться. Он продолжал свое дело в одиночку, несмотря на невыносимо тяжелые условия жизни.

Прибывшие на остров члены немецкой секты гернгутеров конкурировали с Эгед в «борьбе за души», но их деятельность была объективно полезна эскимосам. Многочисленные и располагавшие большими средствами, чем норвежец-одиночка, они организовали обеспечение ослабевших стариков и больных (ранее обрекавшихся на смерть), создав сеть богаделен и больниц, хотя и весьма примитивных. Некоторые из гернгутеров оставили ценные этнографические описания не тронутого европейской цивилизацией эскимосского общества. Один из них, С. Кляйншмидт, создал в 1851 г. эскимосскую письменность и составил весьма полный эскимосский словарь. Он же организовал первую гренландскую типографию.

Как известно, миссионерская деятельность почти всегда предшествует колонизаторской — ведь эксплуатировать гораздо удобнее не «диких язычников», а христиан, послушных земным законам, тем более если их учит этому церковь. Поэтому государства, имевшие какие-то виды на «не освоенные» колонизаторами других стран территории, как правило, не жалели средств на создание собственных миссий, выполнявших роль форпостов колонизации. Не была в этом смысле исключением и Дания, тратившая большие средства на миссионерскую деятельность в своих южных колониях. Что же касается Гренландии, то перспективы колонизации ее огромной территории были весьма незначительными.

Интенсивная экономическая колонизация, то есть

развитие новых и увеличение доходности старых отраслей, требовавшие инвестиций капитала в местную экономику, здесь не имела смысла, так как явно не окупила бы затрат. Поэтому экономическая политика датчан в колониальный период истории Гренландии, внешне разительно отличавшаяся от политики других метрополий, имеет все те же сугубо меркантильные соображения, в основе которых всегда лежала возможность наживы (или ее отсутствие). Поэтому идеалистичны и в корне неверны объяснения буржуазных историков и этнографов такой политики какими-то особыми «убеждениями» или моральными качествами датских королей и их администраторов. Там, где затраты на интенсивную колонизацию оправдывались, например в Африке или на Вест-Индских островах, датские колонизаторы ничем не уступали в жестокости по отношению к бесчеловечно эксплуатируемому местному населению или завезенным в трюмах кораблей рабам голландским или английским «коллегам».

Бесперспективность колонизации Гренландии «классическим способом» была причиной и малого внимания датских властей к миссионерам, и даже попыток избавиться от расходов на их содержание. Но избранный для этого путь — создание на острове торговых компаний для оплаты из их прибылей расходов на миссии — оказался неудачным, «самоокупаемости» не получилось. Созданные в XVIII в. в Гренландии частные торговые компании обанкротились. Власти, окончательно убедившись в невозможности экономической эксплуатации населения острова, издали в 1775 г. указ, согласно которому собранные были в укрупненные стойбища (для коллективной охоты на китов) эскимосы снова распускались по старым охотничьим угодьям. Монополию на гренландские промыслы и торговлю взяло в свои руки само государство, так как оно могло легче справиться с убытками, чем частные компании. Надо отметить, что на социальном и экономическом положении эскимосов деятельность частных компаний и миссий почти не отражалась. Коренное население острова часто голодало в весенний период, что вело к большой смертности.

В начале XIX в. деятельность миссионеров сходила почти на нет, торговые компании из средства материальной поддержки миссий все более становятся самодовлеющими организациями, хотя их успехи были по-прежнему более чем скромными. Не исключено, что торговле

мешала королевская инструкция 1782 г., согласно которой замораживались цены, ниже которых покупать товары у эскимосов запрещалось, определялся процент отчислений от прибыли на помощь неимущим, запрещалось торговать спиртным. Установленный Данией в начале XIX в. запрет иностранцам охотиться на китов привел к повышению поголовья зверя; в совокупности с уменьшением трат на миссии это повлияло на баланс датской торговой компании — в начале XIX в. она впервые получила некоторую прибыль.

После того как доход от торговли стал стабильным (середина XIX в.), часть его использовалась на нужды острова — заинтересованное в росте охотничьей добычи государство повышало закупочные цены, разнообразило ассортимент товаров в факториях. Однако существенных улучшений в быте охотников (жилья, орудий труда и пр.) почти не происходило; вместо этого повышалась их зависимость от Дании. Во время праздничных раздач или через слуг при домах чиновников к эскимосам попадала водка. Распространялась привычка к употреблению привозных товаров, например кофе, чая, но это отнюдь не улучшало жизнь эскимосов. Обратимся к запискам 1863 г. одного немецкого путешественника: «Хижина, куда я вошел, протекала; единственное, что защищало от дождя полуголых, грязных, голодных людей, был кусок шкуры — это было все их состояние. Они предложили ее мне в обмен на кофе».

Инспектор Восточной Гренландии этнограф Г. Ринк полагал, что причина, лежавшая в основе негативных процессов, идущих среди коренного населения, — утрата эскимосами самоуважения; средством вернуть его он считал воспитание у них национальной гордости. Им была основана в 1861 г. газета, в которой он печатал на эскимосском языке патриотические статьи, помещал предания о великих охотниках и т. п. В 1862 г. по его инициативе были созданы датско-эскимосские советы попечителей, ведавшие социальной помощью.

Между тем вывоз товаров из Гренландии (а значит, и доход от торговли) за вторую половину XIX в. упал на 20 %, население же за этот период на треть увеличилось. Датская администрация не верила тогда в возможность поднятия гренландской экономики до уровня, когда она могла бы приносить весомую прибыль. Поэтому колониальная политика не была направлена на интенсифика-

цию промыслового хозяйства. До поры до времени в Гренландии сохранялись традиционные экономика и общественные отношения.

В XIX в. Дания пыталась проводить в своих гренландских владениях политику «невмешательства». Источником обогащения датского правящего класса — буржуазии был тогда не колониальный грабеж, а собственное интенсифицированное сельское хозяйство, которое вышло по качеству продукции на одно из первых мест в мире.

Проводимая Данией политика консервации экономически отсталых отношений среди аборигенов острова не исключала отдельных улучшений быта и хозяйства гренландцев. К таким мерам можно отнести сооружение нескольких небольших больниц (1856 г.) и подготовку медсестер-эскимосок, открытие торговых факторий.

После первых контактов с белыми переселенцами эскимосы Северной Америки и Северо-Восточной Азии в полной мере испытали все виды угнетения. Грабеж, обман, репрессии были примерно одинаковы в Азии и Америке. Пути этих групп в корне разошлись лишь после победы Великой Октябрьской революции в СССР: азиатские эскимосы, как и другие народы советского Севера, стали равноправными гражданами страны, строящей социализм. Эскимосы же по ту сторону Берингова пролива до сих пор разделяют участь индейцев и других дискриминируемых в США и Канаде национальных меньшинств. К началу XX в. гренландские эскимосы претерпели лишь сравнительно небольшие изменения в материальной и духовной сферах бытия. Традиционные формы хозяйства, во многом характерные для охотников каменного века, почти целиком сохранились. Однако разложение натурального хозяйства и возникновение товарного началось уже в конце XIX в. с расширением торговли и распространением факторий.

Датские фактории с самого начала их организации несколько отличались от подобных учреждений в других колониях (например, на Аляске), поскольку их деятельность более жестко контролировалась как государственными инспекторами, так и смешанными советами попечителей. В результате здесь держались твердые цены, спиртное и другие запретные товары в продажу не поступали, выбор продовольственных товаров был ограничен, чтобы как-то затормозить привыкание гренлан-

дцев к европейской пище и сохранить по возможности дольше их традиционную пищевую базу. Не исключено, что вся политика «консервации» была задумана датскими властями в соответствии с планами эксплуатации населения острова в будущем, когда она станет экономически выгодной. Пока же датчане сохраняли традиционные отрасли хозяйства, а также основные элементы самобытной материальной культуры эскимосов, иначе население просто не выжило бы.

Известно, что эксплуатация возможна на таком уровне развития производительных сил, когда появляется известный излишек продукта (сверх необходимого для воспроизводства рабочей силы), который и присваивается владельцами средств производства. Но в Гренландии XIX в. продукта не доставало и на упомянутое производство, об этом свидетельствуют хотя бы периодически повторявшийся голод и вызванная им большая смертность населения. В Гренландии производство средств производства издавна находилось в руках самих охотников (каяки, гарпуны, сани), а фабричные орудия (винтовки, ножи) стоили по сравнению с продуктами охоты весьма дешево. Практически ими были обеспечены все производители. Отсутствовал и такой делающий эксплуатацию возможной фактор, как внешнеэкономическое принуждение. Большие возможности для эксплуатации появляются в XX в., когда в связи с развитием океанического лова на смену самодельным каякам и умиакам приходят мотоботы, сейнеры и другие дорогостоящие средства производства, отчужденные от рядовых производителей.

Дело в том, что из-за некоторого потепления климата, впервые ставшего заметным уже в 1910-х годах, морской зверь ушел на север и зверобойный промысел в Гренландии захирел. Но так как в это время у берегов острова появилось много рыбы, то эскимосы переключились на рыбный промысел. Быстрая перестройка структуры хозяйства требовала крупной финансовой поддержки властей.

Основным проводником складывавшихся товарно-денежных отношений становятся торговые фактории. Буржуазные ученые преувеличивают положительную роль, которую сыграли фактории в экономической поддержке, а затем и в культурном развитии населения острова. Эскимосов обучали там приемам использования современных орудий охоты и лова, уходу за ними,

ремонту и т. д. Но в целом это были предприятия, основанные, конечно же, с целью получения торговой выгоды, что, впрочем, не исключало своеобразной заботы управляющих факториями об увеличении эффективности охоты и повышении уровня жизни охотников — ведь это усиливало рентабельность отрасли.

В 1920-х годах произошли некоторые изменения в административной структуре острова. По закону 1925 г. Гренландия была разделена в административном отношении на Восточную и Южную. Во главе каждой из этих единиц стал Земельный административный совет (ланнсрод), состоявший исключительно из датчан. Королевских инспекторов сменили ланнсфогеды — датские же чиновники, обладавшие помимо широких административных прав возможностью контролировать торговлю и обмен, а также судопроизводство. Им непосредственно подчинялись старосты городских или стойбищных коммун, назначавшиеся почти исключительно из эскимосов. При этом сохранялось существовавшее с начала XX в. местное самоуправление — советы коммун. Они распоряжались пособиями на строительство жилищ, выдавали ссуды, производили иные социальные выплаты.

Закон 1925 г. был призван покончить с консервацией Гренландии. Основной целью его было развитие связей гренландского общества и островной экономики с окружающим миром. Промысловое хозяйство должно было при этом развиваться настолько, чтобы можно было прекратить выплату государственных дотаций (за исключением пенсионного обеспечения). Осуществление этого плана встретилось с рядом трудностей.

Нужно учитывать, что экономика маленькой Дании была в 30-е годы отягощена последствиями мирового экономического кризиса, правительством было озачеено ликвидацией их, а не удовлетворением нужд своей колонии. Поэтому экономика острова в межвоенный период была фактически предоставлена самой себе. Медленно развивалось производство соленой рыбы (до 1939 г. ее вообще не вывозили); кроме небольших промышленных предприятий в Ивигуте была пущена в ход лишь одна жиротопная фабрика в Сисимиуте, там же находилась единственная, тоже небольшая, судоремонтная верфь. Моторные суда в практику входили медленно — до войны это были немногочисленные беспалубные мотоботы со слабосильными керосиновыми

двигателями; владели ими пайщики-кооператоры. Кооперативы поощрялись датскими властями в качестве средства для увеличения отдачи от сделанных капиталовложений.

Начала развиваться добыча полезных ископаемых. В 1924 г. дала уголь шахта у Кутдлгссата, с 1933 г. стали добывать мрамор в Агпате, а с 1936 г. — в Марморилийке. На всем восточном побережье, от мыса Фарвель до Ауссиайта, охота на морского зверя постепенно отступала на второй план. Взамен развивались ловля рыбы и отчасти овцеводство (в районе Какортока).

В 1930-х годах с развитием воздушного и морского транспорта Гренландия приобретает важное экономическое и стратегическое значение. На право владения крупнейшим островом мира начали претендовать несколько стран, особенно Норвегия, которая мотивировала свои притязания тем, что остров был открыт норвежцем Эриком Рыжим и в течение нескольких веков после этого заселен преимущественно норвежцами. Международный суд в Гааге в 1933 г. решил, однако, многолетний датско-норвежский конфликт в пользу Дании. Дания ревностно защищала прибрежные воды Гренландии от посягательств пришлых рыбопромышленников, одни из которых пытались добиться разрешения на облов этих вод, апеллируя к международным инстанциям (фарерцы), другие — насильственно захватывая участки побережья и острова Восточной Гренландии (норвежцы). Датские власти, отдавая себе отчет в том, что удержание Гренландии во многом зависит от настроений коренного населения острова, увеличили вклады в здравоохранение, строительство жилищ и экономику Гренландии. Шаги эти были вынужденными и с экономической точки зрения: прибрежный лов исчерпал свои возможности, вклады же в модернизацию рыболовного флота увеличили бы доходы основной отрасли экономики и соответственно уменьшили бы субсидии, которыми Дания по необходимости поддерживала находящееся в процессе перестройки хозяйство Гренландии.

Перед войной эскимосы переключились с охоты на морского зверя на рыбную ловлю. Однако равноценной замены эта не была. Охота позволяла вести почти стопроцентно натуральное хозяйство, так как давала все необходимое для поддержания жизни человека. Рыба же годилась лишь в пищу людям да на корм собакам.

Когда зверь ушел на север, то эскимосам стало не хватать шкур для одежды, для обтяжки лодок и хижин, жира для отопления и освещения жилищ, да и мясную пищу в суровых условиях Арктики рыба могла заменить далеко не полностью. Ослабленные неполноценным питанием, одетые в плохо защищающие от холода и сырости одежды из ткани и клеенки, эскимосы стали легкой добычей различных болезней, прежде всего туберкулеза. Распространению инфекции способствовала повышенная концентрация населения, вызванная все тем же переходом от индивидуальной охоты к коллективному рыболовству. Если раньше охотники стремились расселиться на как можно более обширном пространстве, особенно в северной части зоны обитания, то теперь население стало концентрироваться в портовых городках и у рыбоперерабатывающих центров, с тем чтобы как можно быстрее сдавать скоропортящуюся добычу. К 1940 г. большая часть охотников уже переселилась в рыбацьи поселки.

В годы второй мировой войны немцы неоднократно пытались высадиться на побережье Гренландии. Иногда это им удавалось. Гитлеровское командование стремилось использовать остров для установления вдоль побережья цепи метеорологических станций с целью составления прогнозов погоды, необходимых германскому военно-морскому флоту и авиации для проведения агрессивных действий против СССР и его союзников. В эти годы посол Дании в США Х. Кауффман, назначенный еще довоенным датским правительством, заключил с США и Канадой соглашение, по которому эти страны признавали, несмотря на коллаборационистскую политику, проводимую в годы войны правительством Дании, ее права на Гренландию. Взамен по этому соглашению они получили право на строительство военных баз на острове. Такие базы были нужны во время войны, во-первых, потому, что благодаря им стало возможным установление воздушного моста между США и Англией, по которому союзникам по антигитлеровской коалиции перебрасывались самолеты и другая военная техника.

Во-вторых, это давало возможность вывозить из Гренландии в США криолит — минерал, необходимый военной промышленности. В-третьих, союзники стали получать сводки погоды, весьма необходимые для организации бомбардировок Германии. Местная грен-

ландская администрация отказалась подчиняться приказам датского коллаборационистского правительства. Власти организовали из охотников и рыбаков так называемые санные патрули. Это были небольшие вооруженные отряды, которые, действуя в контакте с союзниками, уничтожали немецкие метеостанции на восточном побережье острова.

В годы войны население Гренландии получало необходимые продукты и иное снабжение не из Дании, а из США и Канады. Закупочные цены на рыбу и продукты овцеводства в этот период вдвое возросли. Гренландцы могли не только удовлетворять собственные потребности в местных продуктах, но и отправлять значительное количество их на экспорт. Возросло потребление привозных товаров, оборот в магазинах увеличился на 75 %.

После краха гитлеровской Германии Дания старалась поддерживать достигнутый уровень жизни населения Гренландии. В послевоенные годы удалось победить основные причины высокой смертности среди эскимосов — туберкулез и другие болезни. Резко увеличился прирост населения, достигавший в отдельные годы 4,8 %! За сравнительно небольшой срок население острова увеличилось вдвое. Этот демографический взрыв, во многом схожий с подобными явлениями в более теплых странах, отличался прежде всего тем, что его негативные последствия не могли быть смягчены увеличением производства собственных пищевых продуктов.

Демографический взрыв требовал коренных изменений в экономике, перевода ее с традиционного пути на современные рельсы. В условиях Гренландии речь могла идти о промышленной обработке рыбы на уровне современных требований мирового рынка. Но параллельно с развитием рыбной промышленности нужно было создать буквально на голом месте соответствующую инфраструктуру, поднять уровень общего и специального образования, повысить крайне низкую производительность труда.

Подобный прогресс в социально-экономическом развитии был невозможен при сохранении старого статуса острова как датской колонии и «закрытой» территории. Такое положение перестало удовлетворять как датскую администрацию, так и наиболее активную часть гренландского населения. По окончании войны делегацией, состоявшей в большей своей части из членов ланнсрода,

в Копенгагене было высказано пожелание об отмене колониальных отношений как «устаревших». Летом 1948 г. датский премьер-министр заявил в ООН о намерении Дании превратить Гренландию в равноправную часть государства. Одновременно датское правительство, опасавшееся, что антиколониальное большинство членов ООН может настоять на полном отделении бывшей колонии от Дании, подготовило доклад, в котором обрисовало тогдашнее положение гренландцев, указав, что оно сложилось как результат последовательно проводимой национальной политики, никогда не ставившей себе целью эксплуатацию аборигенов острова. Далее, не дожидаясь выражений сомнения в выводах доклада со стороны крупных империалистических государств, которые, как, например, США, были бы заинтересованы в полном отделении соседствующей с ними Гренландии с целью беспрепятственного и неограниченного размещения там своих военных баз и капиталов, Дания пригласила на остров двух представителей ООН, которые сделали вывод, что датский доклад в общих чертах верен.

После того как прошел общегосударственный референдум, в котором подавляющее большинство населения высказалось за предоставление Гренландии статуса равноправной части государства, а не колонии, в 1953 г. было внесено соответствующее изменение в конституцию Дании. В 1954 г. это решение датского парламента признала ООН.

Встал вопрос о дальнейшем пути экономического развития Гренландии. Если до тех пор имела место тенденция к приблизительному поддержанию баланса между датскими вкладами в гренландскую экономику и окупаемостью их, то с начала 1950-х годов тенденция эта постепенно исчезает. Возможности нетрадиционных источников средств к существованию были весьма ограниченными. Население находилось в полной зависимости от рыбацкой удачи.

Тогда-то и появился план поднять жизненный уровень эскимосского общества, с тем чтобы превратить гренландскую экономику в более органичную и приносящую доход часть датского капиталистического хозяйства. При этом считалось само собой разумеющимся, что отрасли экономики и производственная культура, достигнув уровня развитых стран, далее будут прогрессировать самостоятельно, благодаря индустриали-

зации остров перестанет поглощать огромные суммы из кармана датского налогоплательщика и превратится в обычную административную область государства с рядом конкурентоспособных капиталистических предприятий.

Чтобы достичь этого, предусматривалось создание оснащенных современными орудиями производства рыболовных промыслов, поощрение разведения овец и оленей, усиленная разработка полезных ископаемых. Для обеспечения работы этих предприятий нужно было сосредоточить население в относительно крупных поселках современного типа. С целью стимулирования переселения гренландцев из их привычных традиционных жилищ в новые дома часть жилья в поселках передавалась гренландцам безвозмездно, а часть — в рассрочку.

В начальный период индустриализации предусматривалось и широкое привлечение датского частного капитала, хотя доля государственного сектора экономики должна была превалировать. Датские власти стали разрабатывать планы массивов вмешательства в социально-экономическую жизнь Гренландии, по существу игнорируя традиции народа. При составлении этой программы на 50-е годы, получившей наименование «План Г-50», не были проведены этносоциальные, психологические и иные исследования, не были проанализированы различные варианты совмещения системы традиционных хозяйств и современной экономики. Общим результатом недостаточной теоретической разработки «Плана Г-50» стала несостыкованность хозяйств, породившая в свою очередь массу больших и малых проблем социально-классового характера.

Чиновникам из министерства по делам Гренландии понадобилось 10 лет, чтобы уяснить себе, что ситуация, в которой оказалась экономическая и демографическая политика Дании в Гренландии, была тупиковой. Лишь в 1964 г. появилась новая программа развития Гренландии — «План Г-60», — фактически действующая и ныне. В этом документе «данизаторские» тенденции звучали уже гораздо слабее. Напротив, большее внимание уделялось развитию эскимосской культуры. Но задача эта была сложна в силу слабой изученности буржуазной наукой культуры гренландцев; кроме того, весьма не просто было выработать методику и практические реко-

мендации для органичного вращения традиционной культуры в современную действительность.

В начале 1960-х годов стала развиваться потребительская, а затем и производственная кооперация в таких основных отраслях экономики, как рыбная ловля, овцеводство, оленеводство и консервная промышленность. Инициатива в организации первых кооперативов принадлежала государству.

В XX в. в Гренландии образовалась тонкая прослойка местной элиты, если можно назвать «элитой» мелких и мельчайших торговцев, шкиперов кооперативных и государственных сейнеров, владельцев овцеводческих ферм (основанных на собственном труде), служащих государственных или частных компаний. Частники, беспощинно ввозя предметы роскоши, могли продавать их дешевле. Так появлялась возможность успешной их конкуренции с Гренландской торговой компанией; кроме того, частники более внимательно относились к меняющимся запросам покупателей и более оперативно к ним приспосабливались.

«Консервация» острова сыграла с ее создателями злую шутку — в эпоху, исторически благоприятную для возникновения буржуазии, здесь для развития промышленности не было создано условий (как в «классически» колонизованных странах). Теперь же для основания современного предприятия требуется первоначальный капитал, в 425 раз больший, чем в середине XIX в.¹ Как метко замечает Л. Рейснер, «время Фордов миновало в странах Запада, а в большинстве развивающихся стран оно и не начнется»². И для Гренландии, еще недавно едва ли не самой неразвитой из всех оставших в развитии стран, это замечание, пожалуй, подходит больше, чем для любой иной.

Форсированное же экономическое развитие, волей датской администрации спрессованное на исторически кратком отрезке времени, не направило социальное развитие в нужном монополистам направлении, а, напротив, до предела обострив социальные диспропорции, стало причиной негативных демографических и этнопсихологических сдвигов, не вызвав при этом сколько-

¹ Эльянов А. Я. Развивающиеся страны: накопление в системе воспроизводства. — В кн.: Развивающиеся страны: накопление и экономический рост. М., 1977, с. 38—39.

² Рейснер Л. И. О пределах капиталистической трансформации освободившихся стран. — Азия и Африка сегодня, 1978, № 11, с. 30.

нибудь заметной классовой дифференциации среди аборигенов.

Впрочем, ломка старых производственных отношений, попытки насильственно навязать гренландцам капиталистическую модель развития бесследно не прошли. Образовавшаяся в результате осуществления планов Г-50 и Г-60 диспропорция между традиционным и современным укладами, социально-экономическая несбалансированность стали причиной возникновения поля острого социального напряжения. Снять это напряжение датские субсидии не могли. Более того, они неожиданно оказали обратное воздействие. Глубокий разрыв между развитыми странами и Гренландией не удалось уничтожить даже в условиях, которых лишено большинство развивающихся стран, — с помощью миллионов датских крон. И в сознании гренландцев стала укрепляться мысль о том, что этот разрыв непреодолим в рамках буржуазно-капиталистического развития, олицетворявшегося для них в датском капитале.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что большинство гренландцев имело что-либо против прогрессивных по их объективному значению для населения острова послевоенных перемен. Однако политическим катализатором датские реформы, естественно, служить не могли уже в силу ограниченно-реформистской программы правившей в Дании социал-демократической партии. Этот их недостаток перечеркнул, очевидно, в глазах гренландцев даже бесспорные положительные их качества, после чего провал проводимой Данией экономической политики в Гренландии стал неизбежен. Эскимосы получили достаточно полное представление о «ценностях» предлагаемого им датской администрацией пути развития. Путь этот вел к созданию на острове капиталистического общества, а в условиях по существу отсутствия местной гренландской буржуазии ее место готова была занять буржуазия датская, давно уже проникавшая в Гренландию (имеются в виду владельцы частных предприятий и фирм). Возникла реальная опасность дальнейшего обострения социальных конфликтов и на этом фоне постепенное превращение датской буржуазии в Гренландии в правящую верхушку общества.

Отсюда следовал логический вывод — поскольку основным результатом государственного единства с Данией становилось проникновение органически чуждых эскимосскому обществу капиталистических отношений,

то необходимыми мерами для пресечения подобного нежелательного процесса могли стать автономизация Гренландии, ликвидация зависимости от Копенгагена, введение самоуправления.

Таким образом, классовое по глубокой своей сути движение против наступления капитализма приняло в Гренландии в условиях инфильтрации в островную экономику исключительно датского частного капитала, активности датской буржуазии конкретную форму национально-освободительной борьбы.

Эскимосы, осознав себя как национальное и в целом социальное единство, поднимают голос против диктата датских властей, против засилья датчан в областях культуры и массовой информации, против навязываемой чуждой им антигуманистичной социальной модели развития, против лишения их права самим выбирать пути для своей родины.

Эта борьба протекала в отличие от подобных процессов в большинстве других освободившихся стран в мирной, бескровной форме. Судя по всему, именно такой исход удовлетворяет правящую Социал-демократическую партию Дании, чьи лидеры осознали полную бесперспективность насильственного сохранения изживших себя отношений. За предоставление Гренландии статуса самоуправления стояло абсолютное большинство населения Гренландии и Дании.

Дебаты и переговоры в фолькетинге и ланнсроде увенчались полным успехом прогрессивного гренландского движения — 1 мая 1979 г. длившееся два с половиной столетия безраздельное господство Дании прекратилось. Гренландцы получили право на самоуправление в областях внутренней политики, экономики, социального и культурного строительства.

Вместе с тем остров формально остался административной частью Дании; Гренландия в лице своих представителей продолжает участвовать в работе общегосударственного парламента и подчиняется его решениям во внешнеполитических вопросах. Возникает естественный вопрос: почему же она не отделилась окончательно? Ответ почти полностью ограничивается экономической плоскостью: потому, что пока отказ от права на получение ежегодных безвозмездных¹ датских

¹ Из ежегодной суммы субсидий, далеко превышающей 1 млрд. крон, лишь 89 млн. крон предоставляются займы.

субсидий привел бы к развалу экономики и ее инфраструктуры, просвещения и здравоохранения.

С мая 1979 г. началась передача управления островом гренландскому правительству. Передача различных сфер власти происходит поэтапно и к настоящему времени еще не завершена. Наиболее важные области экономики управляются пока смешанными органами. Примером может служить «Общий совет по минеральному сырью», состоящий из выборных эскимосских представителей и датских специалистов.

В феврале 1982 г. в ходе референдума относительно членства Гренландии в «Общем рынке», членом которого является датское государство, большинство островитян высказалось за то, чтобы самим распоряжаться богатствами недр и рыбными ресурсами, за выход из состава десятки. В соответствии с результатами этого референдума руководство «Общего рынка» было вынуждено в феврале 1984 г. принять решение о выходе Гренландии из этой организации (с 1 января 1985 г.).

Потомки великих охотников

В настоящее время общая численность эскимосов на Земле достигает 90 тыс. человек. Из них свыше 40 тыс. живет в Гренландии, 18 тыс. — в Канаде, 30 тыс. — в США и 1,3 тыс. — в СССР. В самой крупной гренландской этнической группе специалисты отмечают различия между эскимосами Восточной, Западной и Северной Гренландии.

С этнонимом «эскимосы» европейцев впервые познакомил французский пастор Биар; в его отчете о поездке в Америку в 1611 г. употреблено слово «эскимантсик», которое на языке индейцев-вобинаков означало «поедатели сырого мяса» — так они называли эскимосов, лакомящихся сырым мясом. В настоящее время термин «эскимосы» в гренландской и датской прессе и научной литературе почти полностью вытеснен этнонимом «гренландцы». Вызвано это по меньшей мере двумя причинами: во-первых, из-за стремления избежать «расизма наоборот», отдельные проявления которого встречались в 70-х годах, когда постоянно проживавших и даже родившихся в Гренландии датчан избегали выбирать в различные административные органы только потому, что они «неэскимосы». Вторая причина носит чисто антропологический характер: дело в том, что начиная со времен норманнов эскимосы подвергались смешению с европеоидами, об этом говорят антропометрические данные останков эскимосов XV—XVIII вв. Более всего

подвергалось смешению с европеоидами население Юго-Западной Гренландии, а наименее — эскимосы крайнего севера.

Термин «гренландцы» применяется сейчас ко всем без исключения постоянным жителям острова независимо от цвета кожи или степени примеси эскимосской крови. Этому этнониму не противоречит его эскимосский аналог «инук» (мн. число — «инуит») — самоназвание эскимосов, означающее «люди», или «настоящие люди», которое они относили и к Расмуссену, имевшему, как известно, в жилах более датской, чем эскимосской, крови.

От своих далеких предков эскимосы унаследовали монголоидные черты внешности, многие из них напоминают северных индейцев (чипевеев или атапасков). У них узкие, но не раскосые, как у азиатов, глаза. Одно из старинных заблуждений — о крайней низкорослости эскимосов — противоречит действительности, ибо средний рост их (162 см — у мужчин и 152 см — у женщин) несколько даже выше, чем у японцев, и аналогичен среднему росту населения Западной Франции.

У гренландцев крепкое телосложение, ноги и руки несколько короче, чем у европейцев, красивой формы. Череп удлинённый, несколько тяжеловатый, лоб узок, скулы сильно развиты, при довольно массивной челюсти подбородок хорошо очерчен. Нос прямой, короткий и неширокий. Волосы черные, жесткие, прямые. Растительность на лице незначительная, хотя и встречаются эскимосы-бородачи. Грудная клетка удлинённая и узкая, кожа — светло-оливковая или цвета легкого загара. Лицо и руки, особенно у мужчин, из-за сильного облучения отраженным от снега солнцем постоянно буро-коричневы от загара.

Внешние черты эскимосов описать гораздо легче, чем их психологию. Поэтому выводы свои в этой области ученые-эскимологи делают с крайней осторожностью и только в тех случаях, когда они бесспорны. Тем не менее описания эскимосского характера весьма значительно отличаются друг от друга, не говоря уже о заметках старых авторов. Так, у французских миссионеров-иезуитов эскимосы по дикости и кровожадности сравниваются с волками. С другой стороны, в дневниках Ф. Хансена высказано искреннее убеждение в том, что гренландцы — «самые честные, порядочные, добродушные люди под Солнцем».

Хорошо знавший эскимосов, проживший с ними в иглу не одну зиму датский этнограф К. Биркет-Смит говорит, что гренландцы — люди, в которых «свет и тени распределены равномерно. Некоторые народы выигрывают при близком знакомстве. Что же касается эскимосов, то большинство хвалебных слов им уделали европейцы, знавшие их поверхностно. Тем не менее крайней несправедливостью будет утверждать, что тесное общение с ними ведет к разочарованию. Напротив, лишь глубоко проникнув в их душу, начинаешь понимать, что они не ангелы, но и не воплощение распушенности, а просто живые люди».

Самые очевидные, бросающиеся в глаза качества их — несокрушимый оптимизм и чувство юмора, выработавшиеся скорее всего как средство самозащиты в превратностях нелегкой жизни. Эскимос всегда готов посмеяться над окружающими и над собой. Он часами готов слушать, забыв обо всем, забавные истории. Состязания певцов, высмеивающих друг друга, собирают слушателей из всех соседних и даже отдаленных стойбищ; взрывы хохота служат поощрением импровизаторам, придумывающим все более едкие шутки.

Другое ярко выраженное качество — чувство коллективизма: для эскимоса нет ничего страшнее быть отвергнутым обществом. Известны случаи, когда волей или неволей противопоставившие себя большинству одиночки умирали без всякой видимой причины, лишь в результате нервного потрясения. Отсюда — исключительная доверчивость эскимосов. Они верят всему, что высказано «с надлежащим авторитетом», — это качество в недавнем прошлом весьма облегчало «работу» шаманов.

Замечательна глубина сочувствия гренландцев. Коллектив стойбища чувствовал себя единым социальным телом в значительно большей степени, чем европейская сельская община. Если, например, один эскимос плакал (причина здесь могла быть и не очень глубокой), то вскоре начинали вытирать слезы и его соседи.

Давно и справедливо замечено, что лучших спутников, чем эскимосы, в путешествиях по ледяным пустыням Арктики не найти. Их отличают верность, самопожертвование, заботливость, готовность помочь новичку.

В традиционном эскимосском обществе смерть вызывала гораздо менее заметное потрясение, чем теперь. Ее значимость оценивалась совсем иными мерками. Воз-

можно, причиной этому была частота, «обыкновенность» смерти в жизни охотничьих племен. В настоящее время положение значительно изменилось. Сейчас не убивают новорожденных девочек, не оставляют умирать от голода стариков, так как исчезла необходимость регулирования полового состава племен с целью сокращения его численности, исчезла угроза голодовок. С другой стороны, участились убийства в нетрезвом состоянии, в драках и т. п. Здесь отчетливо видно разлагающее влияние проникшей западной буржуазной культуры.

Датских специалистов, приезжающих на остров с семьями в командировку, а также местных датчан насчитывается около 10 тыс. Срок их пребывания в Гренландии сильно колеблется — от 3 месяцев (их здесь называют не очень уважительно «соммерданскере», т. е. «летние датчане») до десятков лет. Постоянно живущие на острове датчане заняты во всех областях производства, они принимают также участие в научной и культурной жизни острова. Многие из них — специалисты с высшим образованием, значительную часть составляют техники и высококвалифицированные рабочие.

Обе этнические группы находятся в непосредственном контакте, нередки смешанные браки (ни для Гренландии, ни для Скандинавских стран в целом расовые предрассудки не характерны), причем браки эти заключаются как в Гренландии, так и в Дании, где постоянно находится значительное число эскимосов (учащиеся профтехучилищ, студенты и др.). Эскимосский язык стал официальным (наравне с датским) в Гренландии задолго до получения ею статуса самоуправления, что же касается прессы и литературы, то и в колониальную эпоху количество изданий на эскимосском языке превосходило число датских изданий. Из местных газет ни одна не издавалась исключительно на датском языке, а некоторые из них выходили только на эскимосском.

Незнание датскими специалистами эскимосского языка всегда порождало большие и малые проблемы в производственной и культурной областях, более всего — в деле просвещения. Многие датские педагоги и миссионеры, пытавшиеся в краткий срок изучить эскимосский язык в степени, достаточной для общения, убеждались, один за другим, в утопичности своих пла-

нов. Причем дело было не в отсутствии настойчивости или способностей у датчан, но в редкой трудности эскимосского языка.

Язык этот, вернее западногренландский его диалект (на котором говорит подавляющее число гренландцев), до сих пор не отнесен ни к одной известной науке языковой группе, хотя одни исследователи утверждают, что находят отдельные соответствия ему в уральско-угорских праязыках, другие — в языке индейцев квакиутл. Особенность, более всего поражающая приступающих к изучению эскимосского языка, — его полисинтетичность, позволяющая отдельным самостоятельным и полусамостоятельным морфемам сливаться в слова, иногда достигающие удивительных размеров. Каждая часть такого слова придает ему дополнительное значение или оттенок, так что в целом оно вполне может заменить простое, а иногда и сложнораспространенное предложение русского языка. Понять смысл нелегко, хотя система его построения достаточно ясна: вначале идет корень, затем — различные дополнения, объясняющие степень, способ движения, направления. Вот пример такого слова: «окалокатигиниарумагалуарпавкит». Подстрочный перевод его («язык-использовать-вместе-для-стремиться-к-хотеть-весьма-делать-я-тебя») мало что объясняет европейцу, вместе с тем смысл слова весьма несложен: «Я бы хотел поговорить с тобой».

Не менее труден перевод с русского на эскимосский. Даже самые простые предложения переводятся весьма непривычным для нас образом. Например, предложение «Женщина видит пса», переведенное дословно, вряд ли будет понятно гренландцам, на классическом же эскимосском оно прозвучит как «Арнапкингмектакува», буквально: «Что касается женщины — пес — его очевидность для нее».

Морфология эскимосского языка не легче синтаксиса. Значение существительных конкретизировано до крайних пределов. Для эскимосов не бывает просто «снега»: ведь снег летящий, лежащий, тающий, спрессованный, вырезанный в форме кирпича и т. д. — совершенно разные вещи, поэтому они и обозначаются разными словами, которых так же много, как и состояний снега. Это относится и ко всем остальным понятиям вещного мира. Конкретизация их наименований позволила лингвисту О. Есперсену заметить, что эскимосский так же отличается от европейских языков, как нерог-

лифическое письмо — от современного «универсального» алфавита, 25—30 знаками которого можно запечатлеть многие тысячи слов.

Сложность словообразования в эскимосском языке усугубляется поразительно развитой системой суффиксов. Если, например, к русскому слову «дом» можно присоединить не более 8—10 суффиксов, то эскимосское «иглу», по наблюдениям Ринка, может «принять» до 80 суффиксов, каждый из которых придает слову новое значение. При этом каждое из 80 новых слов также может меняться с включением в себя 61 полусамостоятельной части слова, каждое из новообразований способно при помощи суффиксов превратиться в еще 70 новых слов, принимающих в свою очередь до 8 смысловых частиц каждое. Прочитируем датского эскимолога О. Бугге: «Европеец, если только он не знал эскимосского с детства, не в состоянии выучиться говорить на нем бегло и правильно... ибо мозг его мыслит не по-эскимосски».

Наконец, крупнейшей препоной для активного использования эскимосского языка в сферах производства, науки и т. д. является архаичность его грамматики и лексики, отсутствие в нем абстрактных понятий. В настоящее время европейские термины активно заимствуются, и вполне возможно, что эскимосский займет должное место в ряду современных языков. Как говорит датский лингвист Р. Петерсен, «гренландский язык с точки зрения описательности столь же гибок, как латынь, так что решающую роль здесь сыграют исключительно практические факторы». Когда этот процесс завершится — судить трудно, пока же язык совершенно непригоден для перевода на него технической или специальной литературы. Попытка перевести конституцию государства также потерпела фиаско — перевод «захлебнулся» в описательных периодах, которые переводчики употребляли вместо отсутствующих в эскимосском понятий. Ими являются не только «бюджет», «закон», «конституция», «парламент», «индустрия», но и «равноправие», «власть», «образование», «выборы», «правительство», «армия» — короче, все слова, все понятия, которые человечество выработало за последние 2—3 тысячи лет. Наиболее реальным и действенным решением острых проблем двуязычия представляется широкое обучение гренландцев датскому языку; основа этой программы была заложена уже в 50-х годах. Овла-

девшие датским языком гренландцы могут легко быть приобщены к сокровищам мировой культуры, науки и техники. Этого труднее достичь путем перевода на эскимосский язык и издания необозримого моря современной литературы и наследия минувших веков.

Изучение датского или другого европейского языка стало весьма популярным среди городского населения острова. Знание датского языка не только дает явную и немедленную выгоду в виде работы переводчиком или посредником между датским и эскимосским персоналом на производстве, но и открывает широкие возможности для получения дальнейшего образования в Дании, где эскимосские студенты пользуются рядом льгот. В настоящее время датским языком владеет половина эскимосского населения, число гренландцев, совершенно не знающих датского, упало уже к середине 70-х годов до 14 %. При этом основную роль в степени знакомства с языком играет место проживания эскимосских семей — в городских поселках людей, не говорящих по-датски, почти нет, в то время как в стойбищах их сохранилось больше. Старики, даже живущие в городах, знают датский хуже молодежи, среди которой практически невозможно встретить эскимоса, не умеющего объяснить с датчанином.

Естественно, процент знания датского языка выше в смешанных датско-эскимосских семьях, при этом некоторую роль играет национальность главы семьи, его профессия.

В целом традиционная эскимосская семья, ее величина и структура были изначально обусловлены экономикой общества охотников и циклом времени года. Это была так называемая большая семья, состоявшая из супругов-стариков (или одного из них), женатых сыновей с женами и детьми, иногда и другими, более дальними родственниками. Часто несколько «больших семей» жило в одном зимнем доме, расходясь на лето по отдельным летним хижинам. Таким семейным сообществам легче было преодолевать трудности выживания в условиях Севера. Поддерживалось общее и единое производство: мужчины добывали зверя, изготавливали орудия труда, строили жилища, в то время как женщины сообща ловили рыбу, готовили еду, консервировали добычу. Неспособные к активному труду старики исполняли более легкую работу, воспитывали детей. Экономии

ка такой семьи предполагала почти полное потребление продукта ее членами, таким образом, накоплений быть не могло. Здесь осуществлялось практически простое воспроизводство. Торговля шкурами имела лишь спорадический характер.

Раскол «большой семьи» начался в довоенный период, но всеобщий характер он приобрел лишь в 50-х годах. Причиной этого процесса был рост товарной экономики и в немалой мере влияние примера датчан. Тем не менее, несмотря на сильно упавшее в последнее десятилетие среднее число членов семьи, оно остается вдвое большим, чем в средней датской; при этом семьи в стойбищах крупнее, чем в городах и поселках. «Большая семья» ныне полностью исчезла; вообще совершенно явна тенденция сближения гренландского типа семьи с европейским. Хотя есть и заметная разница — она выражается в устойчиво большом количестве детей у эскимосов. Довольно высоко по сравнению с европейскими показателями и количество матерей-одиночек, причем больше всего их среди горожанок.

Проблема миграции населения в Гренландии еще исследована недостаточно. Пока определены только масштабы внутренинного переселения — они довольно значительны. Необычно большой размах миграции является результатом двух процессов. Во-первых, это выражение экономически обусловленной тенденции к переселению в город, после того как захирел зверобойный промысел. Во-вторых, это результат целенаправленной демографической политики концентрации населения в течение последних тридцати лет, недвусмысленно сформулированной в «Плане Г-60»: «Для создания на острове современного промышленного производства необходимо сосредоточить население в нескольких городах, таким образом будут достигнуты выгоды укрупненного производства и оптимального использования техники. Концентрация населения — необходимое условие и для того, чтобы сделать экономически и технологически достижимым предоставление населению коммунальных удобств в нужном объеме и качестве. Поскольку население наиболее нуждается в помощи именно при переезде в город, нужно ее оказывать, сократив для этого инвестиции стойбищам».

При этом особое внимание уделялось четырем незамерзающим портам: Готхобу, Фредериксхобу, Суккер-

топпену и Хольстейнборгу. Отсюда можно сделать вывод, что датско-гренландская администрация применяла в демографической политике прежде всего экономические рычаги. Труд городского населения и оплачивался лучше. Однако в отдельных случаях применялся и более жестокий прием — в стойбища переставали поступать средства на социально-бытовые нужды, власти «забывали» о необходимости их экономического развития, технического перевооружения производственных отраслей, банковские конторы отказывали в ссудах, когда рыбаки хотели провести эти усовершенствования за свой счет, закрывались магазины и т. п.

Гренландский лансрод прилагал немалые усилия к тому, чтобы обеспечить вчерашних охотников работой, однако они представляют собой ныне наименее приспособленную к интеграции в городском обществе часть населения. Невозможность приспособиться к нему без весьма значительных трудностей создала ряд проблем как для них самих, так и для общества в целом. Жизнь эскимоса-охотника была нелегкой и исполненной смертельных опасностей. Социальная монолитность, тесное сотрудничество и коллективизм, глубокая общность интересов, постоянная готовность к взаимовыручке и самопожертвованию были не добродетелями, а компонентами отработанной тысячами высокоразвитой техникой выживания. Датский социолог В. Йенсен говорит: «Этот образ жизни был одновременно необходимостью и социальной философией». «План Г-50» разрушил это общество, древние его институты, ничего не дав эскимосам взамен. Возникший морально-психологический вакуум немедленно оказал вторичное воздействие на уже распадавшееся традиционное общество. Длительная искусственная изоляция ослабила иммунитет к чуждым влияниям, который обычно ярко выражен у малых национальных групп. Кроме того, влияния эти обрушились не на крепкие своей солидарностью «большие семьи», а на их осколки, семьи-одиночки, оторванные от родных мест, привычного образа жизни, коллектива. Ни один институт, «символ» новой среды, в которую попали эскимосы, не обладал в силу своей чужеродности для них никаким значением, не мог привести в движение соответствующие стереотипы поведения, регулятивный механизм все чаще оказывался выключенным, не срабатывал, может быть, он просто не годился в новых условиях.

Информация о «большом мире» начала поступать в Гренландию бессистемно (при помощи кино, радио, телевидения, школьного образования и т. д.) и отнюдь не постепенно. Обновленное сознание гренландцев с особенной жадностью впитывает самое внешнее, броское и заманчивое из набора ценностей современной цивилизации. Но при этом, как заметила советский экономист Л. Рейснер, «весь длительный путь экономического, культурного, научного и технического прогресса, породившего современный комфорт и уровень жизни, остается вне поля зрения». Гренландия пока не располагает средствами для приобретения всех плодов прогресса, достигнутого кропотливым трудом народов развитых стран. И здесь деформированная возбужденными извне потребностями психика отдельных гренландцев толкает их в поисках этих средств на преступления. Поэтому уже в начале 50-х годов на острове проявляется и более не исчезает пугающий рост уголовных преступлений, алкоголизма, венерических заболеваний и иных результатов психосоматических сдвигов, принявших массовый характер. Так, в 1946—1970 гг. на тысячу человек, умерших в Гренландии, приходилось 45 погибших в результате нападений или драк (в Дании это число равно 9, на Фарерах — 5); частота травм в результате физического насилия здесь также выше, чем в Дании, в 6—7 раз. Помощь по безработице (ранее вещь неслыханная и ненужная), оказываемая в размерах, приближающихся к датским, сделала возможным тунеядство — порок, до последних десятилетий эскимосам также совершенно чуждый.

Зарождение и разрастание прослойки деклассированных элементов, которые по существу становятся или станут в ближайшем будущем люмпенами, объясняются несколькими взаимосвязанными факторами. Быстрота роста населения в условиях Гренландии не дает возможности для трудоустройства безработных. Специфические экологические условия острова не позволяют прибегнуть к тем «клапанам», которые снижают давление деклассированных социальных групп на социально-экономическую жизнь в других развивающихся странах, пораженных демографическим взрывом, и дать работу людям в традиционных аграрных отраслях, которые, правда, малопродуктивны, но способны все же их прокормить. Поэтому доля люмпенов в гренландском обществе растет, и вряд ли этот рост при сохранении

нынешнего уклада снизится в обозримом будущем. С другой стороны, датские субсидии, гарантирующие всем прожиточный минимум, не дают этим люмпенам умирать с голоду. Они превращаются обычно в «динамичную антисоциальную силу, легко поддающуюся влиянию экстремистских лозунгов, препятствующих проведению прогрессивных преобразований»¹.

Впрочем, все сказанное отнюдь не означает, что подобный путь неизбежен для всех или даже большинства переселенцев. Эту часть городского населения нельзя, пожалуй, рассматривать как четко ограниченную группу со значительно худшими, чем у остальных горожан, жизненными условиями. Речь может скорее идти о смешанной группе, представители которой по причине сильных социальных и экономических стимулов сменили среду обитания на новую, вначале, возможно, казавшуюся большинству из них более благоприятной, но впоследствии не предоставившую им возможности подняться на новую ступень социальной лестницы.

Известные проблемы возникают и с более интегрированными в современное общество трудящимися. Как и другие народы на ранней стадии развития, гренландцы соблюдали множество весьма сложных и тонких предписаний и правил, сохранивших силу до нашего времени. Между тем у европейцев соответствующие правила были давно забыты; взамен появились новые, связанные с процессом труда в товарном производстве, с трудовой дисциплиной в частности. Эти предписания кажутся воспитанному в старых традициях эскимосу столь же нелепыми и ненужными, как нам, скажем, закон, согласно которому гренландка после родов должна не только готовить и есть пищу отдельно, но и не брать воду из общего котла. Наоборот, совершенно недопустимым было для уважающего себя эскимоса пропустить возможность охоты, когда тюлень подходил к берегу. Тогда в стойбище на второй план отходили все без исключения дела, и сегодня к таким «неважным» делам гренландцы относят работу на шахте или предприятии. Возникает парадоксальное положение, когда при массе безработных остается незанятым значительное число рабочих

¹ Медовой А. Экономический рост и социальные проблемы молодых государств.— Азия и Африка сегодня, № 12, с. 4.

мест. Причем проблему обостряет упомянутый рост прослойки деклассированных элементов, утративших потребность в труде и отказывающихся подчиняться трудовой дисциплине. На вчерашних охотников, превратившихся в промышленный пролетариат, неизбежно обрушатся все проблемы современного капиталистического мира, а решать их будет не легко. До окончательного перехода к товарной экономике и глубокого осмысления новых условий жизни, ее зависимости от остального мира гренландцы внешним миром интересовались мало. Никто не мог и не хотел сравнить свой уровень благосостояния с уровнем в других странах или хотя бы с немногочисленными датчанами, жившими в Гренландии. Между жизненным стандартом одних и других была пропасть в несколько социально-экономических формаций, жизнь их строилась на совершенно иных предпосылках. Было бы странно ожидать от гренландцев недовольства своим традиционным хозяйством, пищей, всем освященным веками образом жизни. «Самоед, потребляющий тюлений жир и прогорклую рыбу, не беден, потому что в его замкнутом обществе у всех имеются одинаковые потребности»¹. Если недовольство и имело место, то скорее из-за перехода к новой экономике, повлекшего за собой не только положительные, прогрессивные перемены, но и мучительный процесс ломки многих испытанных столетиями и привычных институтов и обычаев.

Настоящее же недовольство, глубокое неудовлетворение создавшимся положением могло возникнуть лишь тогда, когда гренландцы, в основной своей массе порвав с традиционной экономикой и став на новую хозяйственную основу, обнаружили, что положение их не поднялось до уровня европейцев (точнее — датчан), стоящих на той же экономической базе и исполняющих схожую работу на том же профессиональном уровне. Поток информации при всей его поверхностности смог все же ознакомить основную массу эскимосов и с возможностями «большого мира», которые могут открыться перед Гренландией и ее народом в результате активного использования всех материально-технических и культурных ценностей, что накопило человечество. Окончательно перелом в национальном сознании

оформился в конце 1960-х — начале 1970-х годов. Социальное неравенство привело к зарождению классового сознания, у гренландцев как бы раскрылись глаза на то, что они платили за датскую помощь и сотрудничество слишком дорогой ценой — отказом от любых моделей политического и экономического развития, кроме капиталистического.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 55.

Зверобой спускается в шахту

Еще в 1750 г. датскими властями была основана Королевская гренландская торговая компания, в ведение которой перешли все фактории острова, впоследствии она стала единственной организацией, ответственной за снабжение населения Гренландии, закупку, обработку и сбыт продукции, транспортную связь и т. д.¹ Предоставление компании широкой монополии и, значит, ключевой роли в развитии экономики острова было направлено к тому, чтобы исключить возможности неконтролируемого влияния на гренландцев извне и сохранить их традиционную производственную культуру, основанную на морской охоте.

Предусматривались довольно жесткие меры пресечения не только экономического, но и негативного морального воздействия европейцев на эскимосское общество, опасность которого считалась реальной при всей незначительности датского населения по сравнению с общей численностью эскимосов («колонизаторских войск» на острове не было никогда, число служащих же не превышало в начале XIX в. 200 человек на 6 тыс. эскимосов). Датчанам, согласно дат-

¹ Фактически островитяне попали в полную зависимость от компании. Рацион эскимосов стал состоять на $\frac{1}{4}$ из привозной «магазинной» пищи, что было далеко не позитивным явлением. Перерыв в снабжении продовольствием нередко вызывал голод, вымирали целые стойбища.

ским установлениям запрещалось входить в эскимосские хижины, нанимать служанок они могли лишь из числа пожилых эскимосок и т. д. Постепенно все больший процент служащих компании стал приходиться на долю местного населения. (В 1970 г. из 3700 служащих компании 3400, или 92 %, были гренландцы.)

Несмотря на то что в наши дни Королевская гренландская торговая компания утратила монополию в ряде отраслей экономики, она сохранила за собой доминирующее положение в хозяйственной жизни острова благодаря материальной поддержке государства, которой она пользовалась в значительно большем, чем частные фирмы, объеме. Впрочем, приносила доход и некоторая предпринимательская деятельность компании.

Королевская гренландская торговая компания в послевоенный период постепенно превращалась из торгово-промышленной организации в административно-экономический орган государства. Она стала одним из директоратов министерства по делам Гренландии, причем самым влиятельным. В ее обязанности по-прежнему входит обеспечение снабжения и большей части производственной деятельности в Гренландии, организация нормальной работы всех видов транспорта, закупка и продажа охотничьей и рыбной продукции, профессиональное образование, технологическое совершенствование различных отраслей хозяйства.

В 1980 г. началась передача предприятий и целых отраслей компании гренландскому самоуправлению.

Датскими властями делались уже в прошлом определенные попытки «смягчить» монополию, включив в некоторые сферы деятельности компании частный капитал.

Однако такие факторы, как непредсказуемые колебания климата, отдаленность острова от источников снабжения и рынков, узость отраслей и чувствительность гренландской экономики к мировой конъюнктуре, отпугивали частных предпринимателей и с неизбежностью снова вели к монополии (сначала — частной, потом — государственной). Лишь монопольное право, позволяющее сосредоточить в одних руках как доходные, так и убыточные сферы производства и бытового обслуживания, обеспечивало решение насущных

экономических и социальных задач на протяжении многих лет. НТР, происходящая в мире, содействовала глубоким изменениям предпосылок к экономическому развитию, оказав тем самым влияние на возможности частнопредпринимательской деятельности и в Гренландии.

Новые технология и транспортные средства несколько уменьшили предпринимательский риск, повысили норму прибыли, позволив приступить к осуществлению старых планов создания конкурентоспособных, не нуждающихся в государственных дотациях частных предприятий.

Заинтересованное в инвестициях в гренландскую экономику датское правительство оказывало необходимую поддержку частной инициативе датчан и гренландцев, особенно на первых порах (например, в форме займов на льготных условиях). Оказание помощи как государственному, так и частному капиталу в экономике острова давало гарантии стабильности датско-гренландских связей на будущее и избавляло частный капитал от непроизводительных трат на создание инфраструктуры (включая строительство жилищ, школ, больниц, транспортных и коммуникационных сетей, гаваней, систем электро-, тепло- и водоснабжения).

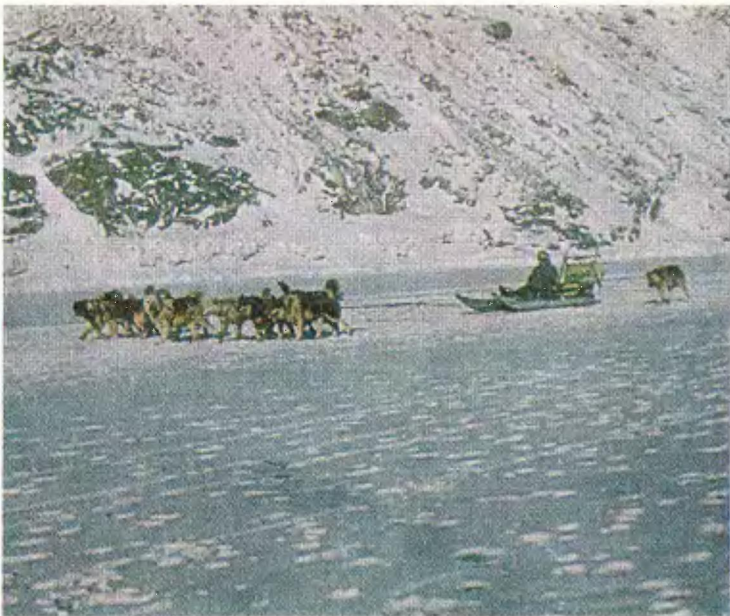
Датское правительство вкладывало капитал в развитие гренландской экономики, бытовой и производственной инфраструктур, их модернизацию, надеясь если не немедленно, то в конечном счете в будущем получить прибыль.

Важным фактором, стимулирующим экономическое развитие Гренландии и определяющим политику датчан в отношении этой страны, были прежде всего интересы датского капитала. В этой связи хотелось бы сослаться на мнения самих датчан.

В своем исследовании, опубликованном в 1972 г., группа датских ученых Географического института Копенгагенского университета (М. Бук, С. Фольке и Б. Нильсен) приходит к следующему выводу:

«Расходы датского государства в связи с Гренландией можно вполне рассматривать под тем же самым углом зрения, что и помощь развивающимся странам. Однако вклад государства в Гренландию был в гораздо большей степени массивным, чем обычно в от-

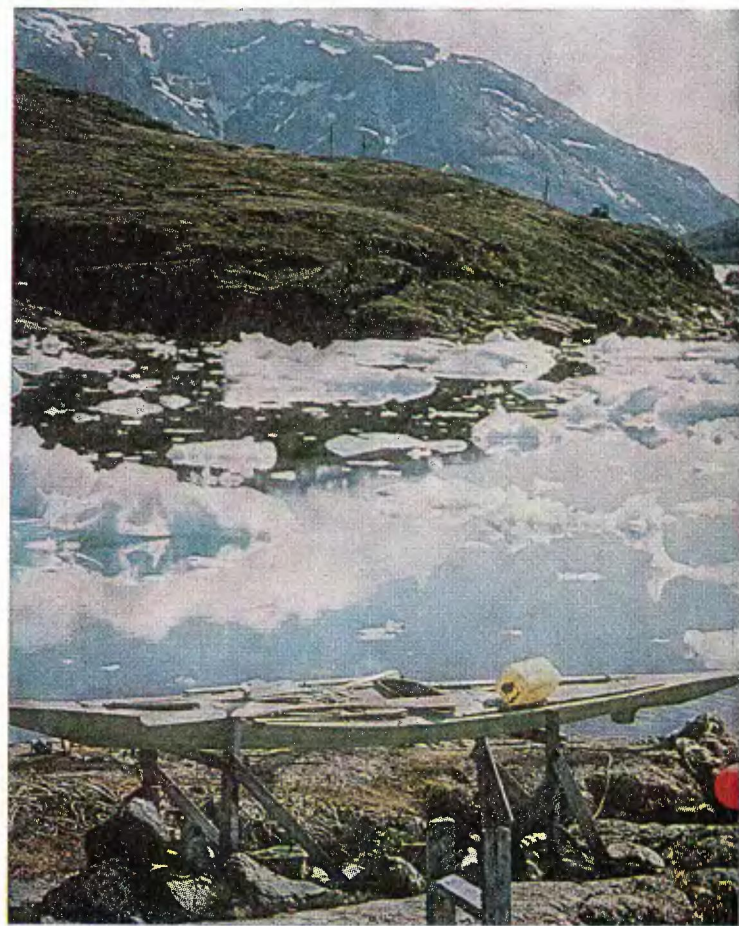

Гренландская семья

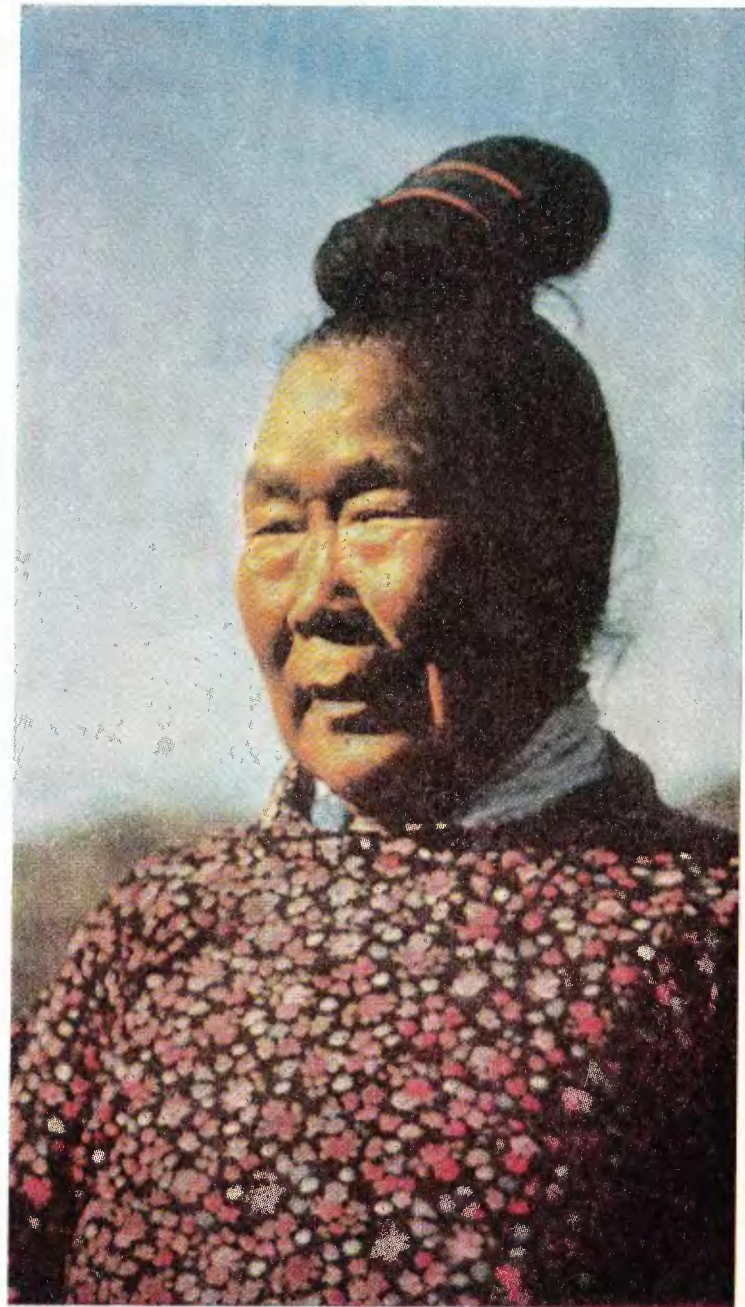
Санный транспорт

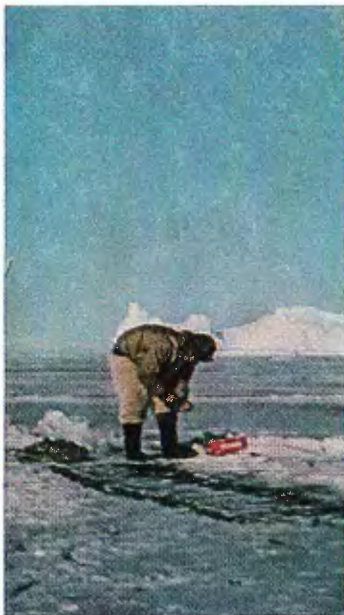
На эскимосской лодке

▶
Традиционная прическа эски-
мосских женщин

У входа во фьорд

▶
Эскимос-студент

Гренландец на фоне айсбергов

Гренландцы у окраины небольшого поселка

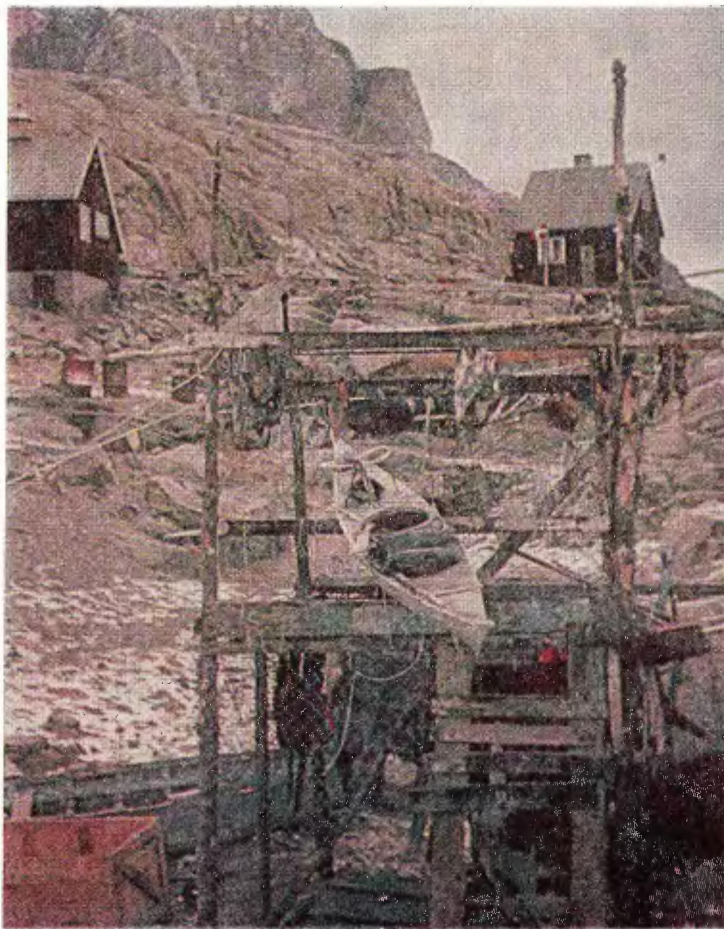

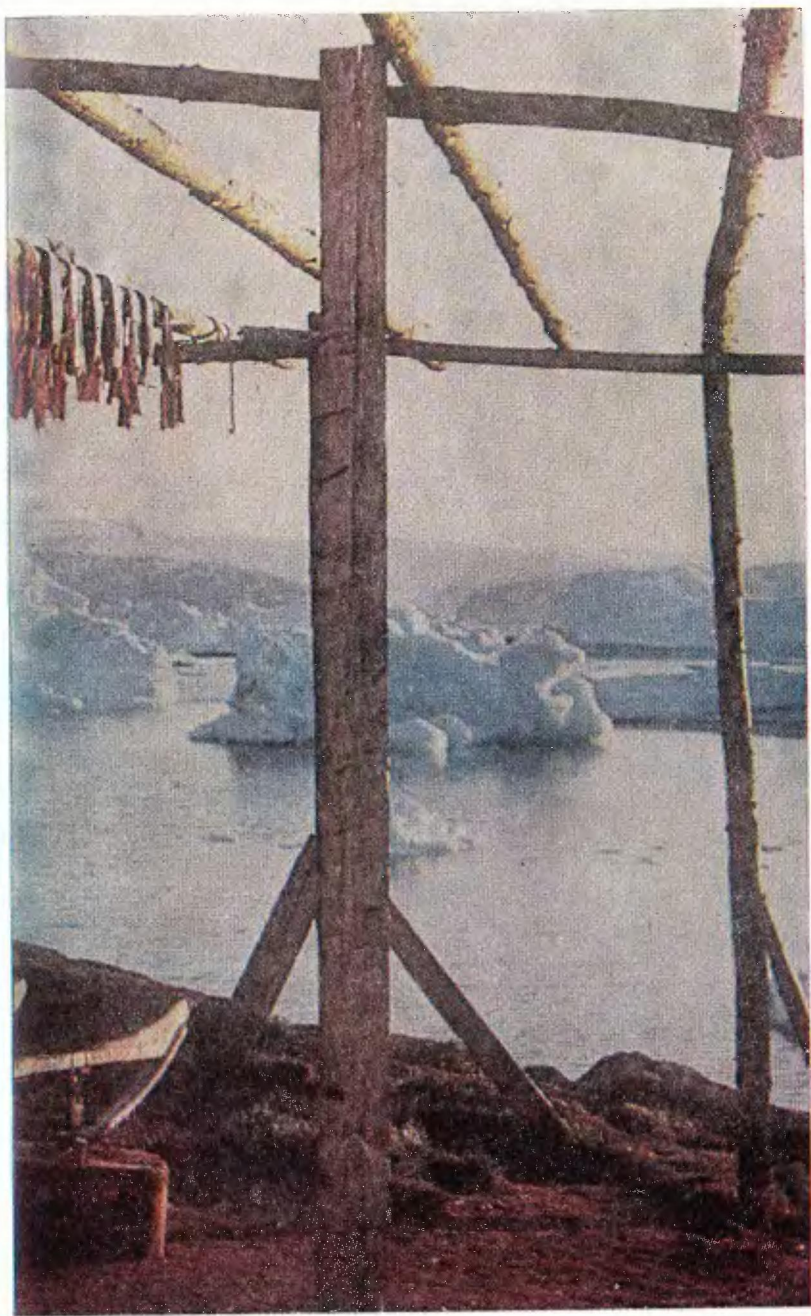
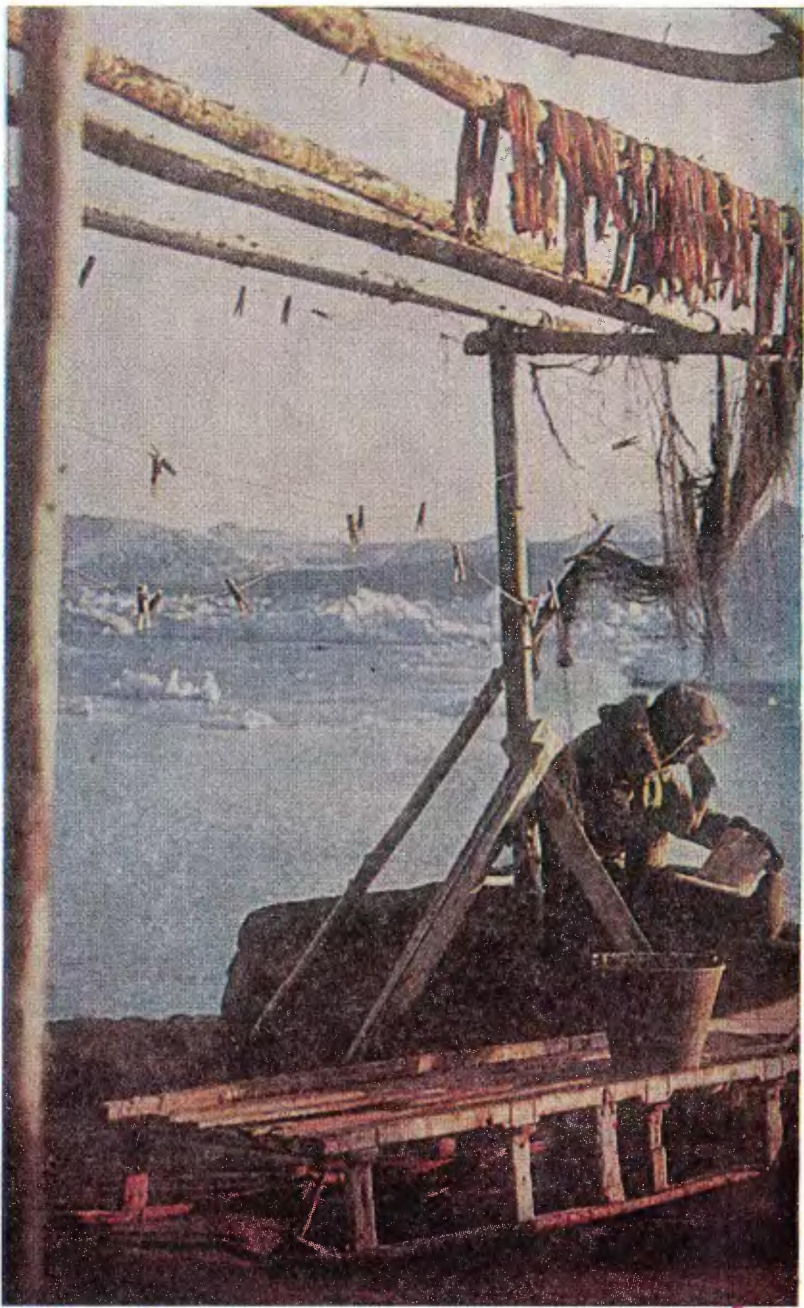
◀ Промысловики
◀ Ремонт судна

▶ Сооружение для сушки шкурок

Хозяйственные постройки

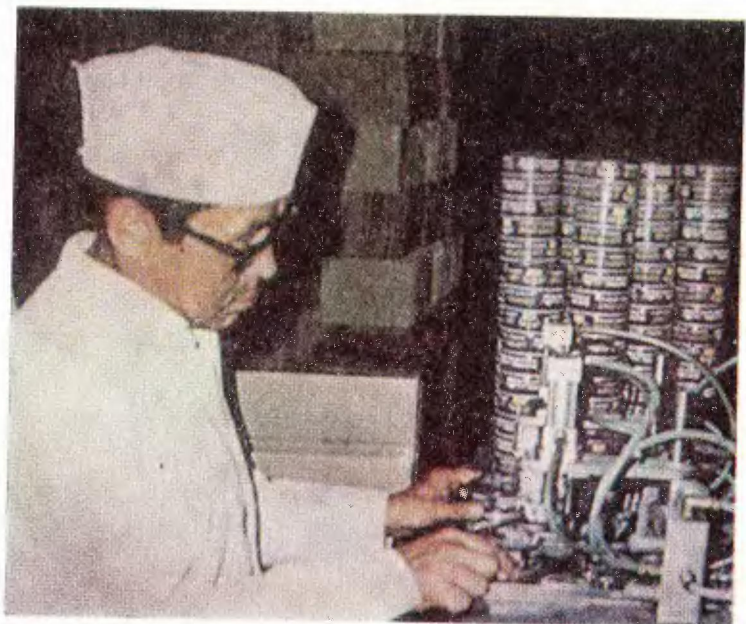

◀ Маленькая пристань

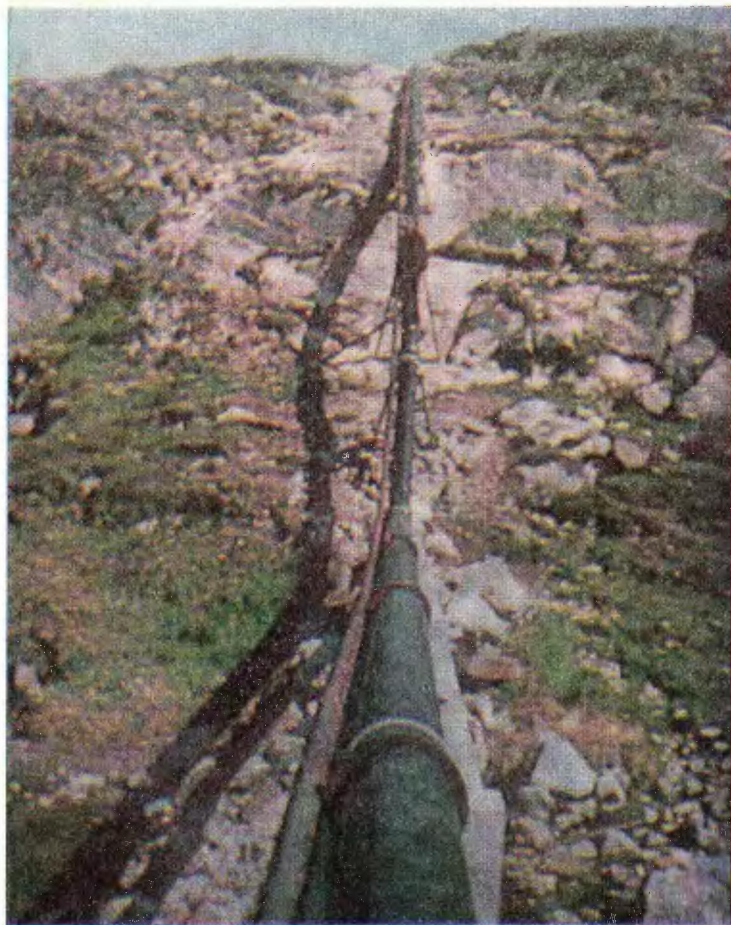
◀ В цехе консервного завода

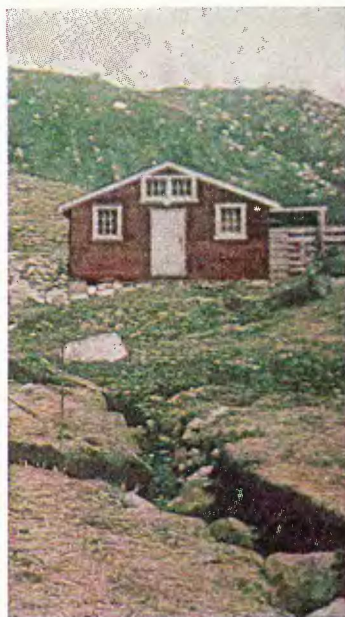

▶ На рыболовном судне

▶ В сети попадают самые различные виды рыб

Водопровод среди скал

▶ В поселке Якобсхавн
▶ Свежий улов

На окраине Скорсбисунна
Летом на восточном побережье

ношениях с развивающимися странами. Вследствие принадлежности Гренландии Дании и доминирующей роли датского государства датские предприниматели могли оперировать в Гренландии вне конкуренции с другими странами и имели, так сказать, гарантированные государством доходы. Главная часть государственных расходов пошла на развитие и поддержание инфраструктуры в Гренландии — жилища и социальные учреждения, транспорт и общественные предприятия. Такое развитие инфраструктуры явилось предпосылкой осуществления политики концентрации и приватизации экономики. Как указывалось, из развития инфраструктуры извлекли выгоды главным образом датские предприятия, а гренландские предприятия только в скромном объеме смогли использовать новые возможности. Жители же страны различным образом получили некоторую долю от миллиардов, затраченных датским государством в Гренландии, не столько в форме заработной платы, сколько в виде улучшения жилищных условий, обеспечения социальными учреждениями, улучшения средств коммуникации. С другой стороны, исследователи-социологи указывают на целый ряд негативных последствий всей «политики модернизации»: рост алкоголизма, преступности, т. е. на симптомы того, что что-то в обществе неблагополучно.

Итак, расходы были произведены прежде всего в экономических и политических интересах Дании. Только в этом свете можно понять объем государственных затрат, которые находятся в явной диспропорции к численности населения Гренландии. Так же как и другие затраты, расходы, связанные с Гренландией, оплачиваются датскими налогоплательщиками, т. е. прежде всего людьми, живущими на заработную плату.

Как указывалось, большая часть выплачиваемых средств приходится на датские предприятия (таким образом, часть из них возвращается налогоплательщикам). Производя эти затраты, государство поддерживает прямо или косвенно датскую экономику. Прямо — предоставляя датским предприятиям возможность сбыта товаров и услуг, косвенно — финансируя ту инфраструктуру, которая является необходимым условием частных датских капиталовложений в Гренландии.

Статистических данных об объеме частных капиталовложений не имеется, так же как и данных о размерах доходов, которые датские предприятия получают от Гренландии. Однако ориентировочные подсчеты государственных расходов и доходов предприятий ясно показывают, что прежде всего датчане, а не гренландцы пожинаяют урожай»¹.

Что касается распределения расходов датского государства на Гренландию в 1970—1971 гг., то картина выглядит следующим образом.

Из общей суммы 1 153,1 млн. крон расходуется на:

- 1) финансирование инфраструктуры, которая является необходимым условием частных датских капиталовложений в Гренландии,—44 %;
- 2) выплачено в Дании датчанам за работу, выполненную в Гренландии,— 12,7 %;
- 3) датчанам, работающим в Гренландии,— 24,6 %;
- 4) гренландцам — 14,3 %;
- 5) на нужды гренландского ланнстинга и коммун — 0,8 %;
- 6) на прочие нужды острова — 3,6 %.

По данным датского министерства по делам Гренландии, опубликованным в 1982 г., проживающим в Гренландии датчанам (составляют 18 % населения острова) было выплачено в форме заработной платы 936 млн. крон, а гренландцам, составляющим 82 % населения,— 1 006 млн. крон (естественно, нужно учитывать, что в отличие от датчан большая часть гренландцев заработную плату не получает, основывая свой бюджет целиком или частично на традиционных промыслах).

Государством была выработана хозяйственная модель, в которой достигнут своеобразный компромисс между государственным и частным секторами экономики. Государство передало большинство ставших рентабельными предприятий частному капиталу, оставив за собой убыточные и особо важные. Однако взамен администрация присвоила себе право жесткого контроля в области планирования, закупочных цен, заработной платы и охраны труда на частных предприятиях. Отдавая себе отчет в том, что подобная, часто мелочная регламентация способна отпугнуть частный капитал,

государство все же предоставило ему ряд привилегий, недоступных предпринимателям в Дании. Ныне в Гренландии нет ни таможенного налога, ни ограничений статей импорта — взимается лишь налог в пользу коммунальных касс. Любой житель острова имеет право вести оптовую и розничную торговлю, а также на частную производственную деятельность. Лишь одна сфера торговли ограничена — экспорт гренландской продукции. Он был централизован и сосредоточен в руках Королевской гренландской торговой компании.

Более всего частный капитал сосредоточился в торговле, хотя мелким торговцам и нелегко конкурировать с магазинами и факториями компании, сохраняющими стабильность цен и не зависящими от скачков конъюнктуры.

Королевская гренландская торговая компания предложила в 1961 г. ланнсроду передать часть своих предприятий в коллективное владение местному населению. Так возникла сначала потребительская, а затем и производственная кооперация Гренландии. Компания, а также датские кооператоры подготовили руководителей и служащих гренландских кооперативов, обеспечили поставки датских товаров.

Одним из первых производственных кооперативов стала овцеводческая ферма в Игалико. Предоставленные кооперативу пастбища были подготовлены к использованию сельскохозяйственной станцией компании. Затем были организованы другие кооперативные фермы, владеющие животноводческими помещениями, необходимым оборудованием и складами аварийного запаса корма (на случай плохого укоса). В настоящее время функционируют 10 производственных кооперативов. Крупнейший из них — «Сипенек» в Сисимиуте, специализирующийся на разведении оленей, завезенных сюда из Норвегии в 1952 г. Часть кооператоров производит здесь первичную обработку оленины и шкур. В «Сипенеке» занимаются и рыболовством. Кооператив арендовал у Королевской гренландской торговой компании рыбоконсервную фабрику, а с 1974 г. фабрика перешла в собственность кооператива.

Традиционная эскимосская экономика, основанная на натуральном хозяйстве морских охотников, как указывалось выше, подверглась ломке и перестройке после ухода морского зверя от гренландских берегов на север.

¹ Цит. по: *Ольсен А. Гренландия сегодня.*

В экономике острова главную роль начало играть рыболовство. Это подорвало натуральное хозяйство, развитое здесь испокон веков. С 1920-х годов начинается переход эскимосских хозяйств к товарной экономике. Процесс этот, потребовавший в других обществах столетий, свершился в Гренландии при жизни одного поколения.

Следует, однако, заметить, что экономическую активность эскимосов никто не сдерживал, как, впрочем, и не поощрял. Без поддержки же у гренландцев не хватало ни капиталов, ни знаний, ни желания для участия в торговле и других нетрадиционных отраслях экономики.

Согласно уже упоминавшемуся датскому плану развития Гренландии в 1950-х годах (Г-50), было решено приступить в первую очередь к созданию инфраструктуры, без которой развитие современного производства немислимо. Началось жилищное, затем промышленное строительство, развивалась транспортная сеть и средства сообщения, росло число ремонтных предприятий, начал выполняться план школьного и больничного строительства и т. д.

В суровых природных условиях Гренландии приходилось преодолевать большие трудности при сооружении объектов инфраструктуры — прокладке протяженных коммуникаций, линий электропередачи, непропорционально высоки были расходы на транспорт, необходимый для эффективной связи с весьма удаленными и труднодоступными районами.

«План Г-50» проводился со всей возможной жесткостью и бескомпромиссностью. Дания отпускала средства во всевозрастающем количестве, но требовала их освоения в минимальные сроки. Остров наводнили датские специалисты. Новая экономика требовала урбанизации — и в городские поселки, часто возникавшие на пустом месте, свозились соблазненные «дарами цивилизации» и щедрыми посулами нанIMATEЛЕЙ семьи вчерашних охотников и рыбаков. Корпуса промышленных предприятий возводились в лихорадочной спешке — ведь строительный сезон на острове короток. Местная рабочая сила при этом использовалась в весьма ограниченном размере — подготовка ее требовала длительного времени. Поэтому работу выполняли датчане, оплачиваемые государством.

Администрация стремилась с целью удешевления

строительства переложить его частично на датский частный капитал. В попытке привлечь предпринимателей государство шло на уступки — предоставляло налоговые, монопольные и иные льготы. Однако отрицательные факторы: рискованность вкладов в гренландскую экономику на этом этапе, невозможность быстрого получения прибыли — перевешивали, доля частного капитала в экономическом строительстве 1950-х годов была ничтожной. На основе этих фактов уместно было бы подчеркнуть известное марксистское положение о менее развитых ступенях капиталистического производства, когда новые предприятия, требующие крупных затрат капитала на продолжительное время, ведутся «не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, например, проведение дорог, каналов и т. п...»¹.

Итоги выполнения «Плана Г-50» подводились в начале 1960-х годов. Они оказались весьма обескураживающими во всем, что касалось участия местного населения в экономическом строительстве. Ни психологически, ни профессионально, ни морально гренландцы не были подготовлены для участия в работе новых предприятий — необходимость такой подготовки датские реформаторы не учли.

Естественно, новые предприятия, рассчитанные на использование местной рабочей силы, были в первые годы убыточными. Тем не менее уже начался обратимый процесс перехода основной части населения к новому, более прогрессивному социально-экономическому укладу. (В 1960 г. в традиционных частных промыслах, включая ловлю рыбы, было занято лишь 35,5 % населения.)

Главными направлениями перспективной программы развития страны на 1960-е годы — «Плана Г-60» были: 1) увеличение занятости коренного населения путем ликвидации сезонной безработицы; 2) концентрация населения в оптимальных для развития индустрии городах; 3) электрификация, механизация промышленных отраслей, в первую очередь рыбообрабатывающих комбинатов; 4) улучшение школьного и профессионального образования с учетом ожидавшегося в 1966—1975 гг. демографического скачка; 5) обеспечение жильем возросшего городского населения.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 262—263.

Конкретное выражение «План Г-60» получил в решении сосредоточить основную часть промышленности в четырех незамерзающих портах, население которых намечалось увеличить вдвое. Предполагалось сселить в города 35 % населения стойбищ Западной Гренландии.

Трудности, возникшие при проведении «Плана Г-60» в жизнь, были весьма велики. Дания вкладывала значительные суммы в развитие ее гренландского амта (в 1950 г. было освоено 45 млн. крон капиталовложений, в 1960 г. — 141 млн., а в 1967 г. — 452 млн., т. е. вдесятеро больше). Суммы эти росли «в такт» с развитием отраслей материального производства и инфраструктуры; они достигли 1 125 млн. крон в год, не считая вкладов различных «общественных фондов». Эти и иные инвестиции облегчили, безусловно, решение в Гренландии основной задачи малых развивающихся стран — накоплен необходимый для экономического прогресса капитал, при этом страна не подала в зависимость от транснациональных корпораций или крупных империалистических государств. Но не все проблемы можно было решить лишь с помощью датских капиталовложений. Некоторые типично гренландские особенности экономических и социальных традиций затрудняют решение этих проблем.

Трудно, например, покончить с сезонной или пульсирующей безработицей. Если летом, в сезон охоты, лутины, а также строительных работ, рабочей силы остро не хватало, то зимой по вполне объективной причине сезонной остановки ряда предприятий уровень безработицы достигал 17 %. В то же время существовала острая проблема нехватки квалифицированных рабочих. Для ее преодоления в 1960 г. были созданы технические училища, несколько ранее организованы курсы по подготовке матросов, мотористов и шкиперов прибрежного плавания, а также специалистов по рыбопромышленной отрасли.

Крупнейшими учебными заведениями системы профобразования являются Строительное училище в Сисимиуте, готовящее строителей и монтажников (550 учащихся), Центральное профучилище в Готхобе (300 учащихся), Шкиперское училище с мореходной школой, находящееся там же (специальности: судовождение, эксплуатация двигателей, добыча рыбы, навигационная служба и пр., 280 учащихся), Рыболовное училище

в Паамиуте, Социально-педагогическая школа в Нууке с филиалом в Сисимиуте (дошкольное воспитание, бытовое обслуживание, социальное обеспечение, 350 учащихся), Торговое училище (торговля и учет), Нуукское медучилище, Какорттокское училище связи. Всего в системе профобразования на 1978 г. обучалось 1785 человек. Кроме того, работают различные курсы с отрывом от производства (популярностью этой формы обучения обусловлена разбросанностью селений на острове). Государство выплачивает курсантам стипендию в размере средней зарплаты на последнем месте работы.

Сложнее готовить из числа местного населения специалистов с высшим образованием, потребность в которых растет. Имеются две возможности получения высшего образования: в вузах Дании и в филиале Рейкьявического университета (Кулусук, Восточная Гренландия). Так, в 1979/80 учебном году высшее образование получили всего 32 эскимоса, что далеко не достаточно для потребностей страны.

Не трудно заметить, что стратегия развития гренландской экономики охватывает не только традиционные, но и новые отрасли народного хозяйства острова. Длительные дискуссии предвоенного периода о возможности и целесообразности привлечения охотников к работе на современных предприятиях давно забыты. Сейчас эскимосы — шахтеры, технологи рыбообрабатывающих комбинатов или водители тяжелых самосвалов уже не исключение, а привычное явление. Раньше всего тенденция привлечения местной рабочей силы на современные предприятия стала заметной в горнодобывающей промышленности.

Полезные ископаемые и горнодобывающая промышленность. Наиболее широко разрабатывавшимся полезным ископаемым Гренландии был до недавнего времени криолит — минерал, содержащий 54,4 % фтора, 23,8 % натрия и 12,8 % алюминия. Используется криолит как флюс при выплавке алюминия, а также при производстве эмали. Основное месторождение этого минерала находилось близ Ивиггута (юг Восточной Гренландии). Общие запасы криолита составляли 3,5 млн. т; ныне все они уже подняты на-гора, складированы и постепенно вывозятся на экспорт. В 1981 г. отправлено 44 тыс. т (запаса хватит до 1985 г.).

Месторождение каменного угля на острове Диско

(Атаникердлук) довольно богато — оно может удовлетворить всю потребность Дании в угле (2 млн. т в год). Уголь залегает здесь в породах мелового и третичного возрастов. Имеются выходы угля и на полуострове Нугсуак, но пласт его не превышает 0,1—1,5 м.

В районе Уманака (Восточная Гренландия) находятся два месторождения мрамора. Качество камня весьма высокое, хотя он и несколько крупнозернист. Кроме наиболее ценимого белого мрамора имеются горные породы с серо-желтым, розовым и голубым оттенками. Добыча камня была довольно развита в довоенное время, затем шахты забросили, в настоящее время их восстанавливают и расширяют — уже несколько лет мрамор вывозят за границу.

Железная руда найдена в различных частях острова, но одно из месторождений по запасам сырья в нем многократно превосходит все остальные, вместе взятые. Это Исукасья у Нуука (Готхоб-фьорд). Месторождение обнаружено на самой границе материкового льда; большая часть неглубоко залегающего рудного тела скрыта подо льдом. Высота залегания — 1200 м над уровнем моря, общий запас руды — 2 млрд. т, содержание в ней металла — 38 %. Основная трудность в разработке месторождения кроме льда, делающего невозможной разработку открытым способом, — отсутствие достаточно богатых источников энергии и значительное расстояние от рудника до порта (150 км горной дороги).

Хромовая руда в количестве 2,5 млн. т залегает пластом мощностью в 1—3 м (в отдельных местах — до 20 м) на Фискенессете, к югу от Нуука. В руде содержится 350 тыс. т хрома и 3 тыс. т ванадия.

Молибденовые руды Мальмбьерга (Конг-Георге-фьорд, Восточная Гренландия) залегают неглубоко и в весьма значительных количествах (124 млн. т). Содержание металла в них — 0,25 % — считается удовлетворительным, но добыча тормозится высокой стоимостью вывоза руды и еще более — неудобным расположением месторождения на склоне горы между двумя действующими ледниками.

Значительное месторождение свинцово-цинковой руды располагалось у Местерс-Вига (Восточная Гренландия), мощность жил варьировала от 5 до 20 м. В руде содержалось до 12 % свинца и 10 % цинка. Добыча велась в 1950—1963 гг., годовой вывоз составлял 38 тыс. т свинцового блеска и 7,5 тыс. т свинцово-цинковой

руды. В настоящее время месторождение почти полностью выработано. Более перспективной представляется жила у Марморилийка (на северо-востоке), содержащая $1/10$ часть мировых запасов свинца и цинка, около 2 млн. т. Рудное тело залегает на высоте 600 м в толще гренландского мрамора. Добыча руды началась в 1972 г. закрытым способом; ее транспортируют из рудника «Черный ангел» в вагонетках подвесной дороги над Каумаруюк-фьордом на обогатительную фабрику. Отсюда концентрат вывозят на судах. В 1981 г. добыто 38 тыс. т свинцовой и 140 тыс. т цинковой руды.

Крупнейшее месторождение урановой руды в Гренландии находится на юге, в Кванефельде (Нарссак), оно расположено на высоте 600 м. Концентрация урана в руде невысока (0,003 %), но добыча ее рентабельна. Запасы руды определялись в 3,5 млн. т, в ней содержится не менее 16 тыс. т урановой руды. Расположение и условия залегания допускают разработку открытым способом, имеется площадка для строительства обогатительной фабрики. Транспортировка ее продукции также не представляет проблемы — месторождение залегает на берегу судоходного фьорда.

Почти два десятка датских и международных нефтяных компаний производили разведку на нефть в районах западногренландского шельфа. Однако пока она ничего не дала. Бурение скважин на восточном шельфе еще не производилось.

Разведка и добыча полезных ископаемых в Гренландии производится на основе Закона 238 от 1965 г., согласно которому частные лица или фирмы имеют право на разведку сырья или добычу лишь по получении разрешения властей (концессии). Закон не устанавливает процента дохода, отчисляемого государству, отчисления могут назначаться лишь после того, как концессионер вернет себе все вложенные в разведку и разработку средства. Такая политика была направлена на поощрение частнопредпринимательской деятельности.

Акционерное общество «Гринэкс» (дочернее предприятие «Коминко Лимитед», Ванкувер) взяло концессию на разработку свинцово-цинковых руд у Марморилийка. Другое канадское общество получило 8-летнюю концессию на комплексную разведку сырья на Диско, некоторые фирмы Канады — право на разведку

угля у Нугссуака, хрома — в Кекертаурссуатсиайте и т. д.

Пока иностранные концессионеры занимались исключительно геологической разведкой, никаких проблем не возникало. Но когда начались разработки ископаемых, отдельные стороны деятельности этих фирм не могли не вызвать резкую критику со стороны как гренландцев, так и датской общественности. Так, перед началом разработки «Гринэксом» шахты «Черный ангел» не было оговорено, какой процент гренландцев должен быть принят на новые предприятия. В результате «Гринэкс» стал завозить подавляющее число рабочих из Дании, набирая из эскимосов не более $\frac{1}{10}$ от общего числа. Лишь под нажимом профсоюзов компания обязалась в случае появления вакансий заполнять их исключительно за счет местной рабочей силы.

Разработка полезных ископаемых приводит к серьезному загрязнению природной среды. Через два года после начала разработок свинцово-цинковой руды в районе «Черного ангела» в водах фьорда впятеро повысилась концентрация кадмия, во много сотен раз — свинца. Погибла вся донная флора, ушла рыба. Возникла опасность отравления всего живого цианидами. В дальнейшем под нажимом общественности загрязнение фьорда удалось отчасти приостановить.

В условиях послевоенного падения на мировом рынке цен на уголь добыча его в Гренландии была убыточной. Однако в дальнейшем рост мировых цен на нефть заставил по-новому взглянуть на «угольные возможности» Гренландии. Возобновились разведочные работы, в районе Диско — Нугссуак обнаружили новые запасы угля в 20 млн. т.

Добыча свинцово-цинковой руды «Гринэксом» в Марморилийке, начавшаяся в 1972 г., принесла за три года доход в 91 млн. крон, 50 млн. из которых ушли за океан, после чего условия концессии были пересмотрены. В настоящее время здесь работают 300 человек, которые в день добывают 2 тыс. т руды. За год на острове добывается по 36 тыс. т свинцового и цинкового концентратов.

Если раньше географическое положение острова считалось крайне невыгодным, а транспортировка минерального сырья — весьма затруднительной, то использование быстроходных крупнотоннажных судов в настоящее время существенно изменило это положение. «Нео-

жиданно» оказалось, что Гренландия занимает очень даже выгодное географическое положение между двумя нуждающимися в минеральном сырье континентами.

Рыбная промышленность. Товарная добыча рыбы производилась уже в 1930-х и даже 1920-х годах, когда рыбу брали с умаков, лишь изредка оснащенных подвесными моторами, и немногих мотоботов. Однако рыбная промышленность как отрасль была создана лишь в послевоенной Гренландии. Механизация промыслов началась в основном после вступления в 1959 г. в силу закона, которым государство взяло на себя ответственность за развитие рыбной промышленности (включая строительство и оборудование фабрик и гаваней). Средства вкладывались в ограниченное число рыбопромышленных центров: Готхоб (Нуук), Илулиссат, Манитсок, Сисимиут, Асиайт, Паамиут, Касигиангуит. Там же строились и жилища для рабочих. Промышленное строительство крайне удорожалось из-за удаленности Гренландии от стран — поставщиков стройматериалов. Были и другие сложности. Так, приходилось возводить склады-холодильники, намного превосходящие по объему типовые: из-за ограниченных транспортных связей здесь должны были скапливаться и храниться большие запасы неотправленного продукта. Нужно было строить дополнительные жилища для сезонных, временных рабочих.

Потребовалось не только увеличить рыболовный флот, но и произвести замену уже имевшихся судов, так как из-за ухода рыбы от берегов острова рыбаки должны были идти за ней все дальше в открытое море, а для этого мотоботы не годились. Увеличение численности и тоннажа судов повлекло за собой перестройку причалов, нефтегаваней, судоремонтных верфей; все эти объекты возводились в Гренландии впервые и обходились намного дороже, чем стоили бы в Дании.

В конце 1950-х годов Королевская гренландская торговая компания разработала программу развития рыбной промышленности, основанную на широком вовлечении в предпринимательскую деятельность эскимосов. Предусматривались распространение в кредит холодильной техники, филетировочных машин, льготы в промышленном строительстве. Сотрудничество частного и государственного капиталов должно было

содействовать созданию рентабельной, способной выдержать конкурентную борьбу на мировом рынке гренландской рыбной промышленности.

В 1960 г. было основано акционерное общество «Готхобская рыбная промышленность»; в Готхобе (Нууке) выстроен современный рыбный порт и судоремонтные мастерские. Здесь же поднялись корпуса рыбообрабатывающего комбината — крупнейшего в то время комплекса предприятий. Но с пуском комбината на полную мощность возникла проблема нехватки квалифицированной рабочей силы, было трудно найти замену уезжавшим на родину командированным датским специалистам. Вторая трудность была связана с начавшимся в 1967 г. падением цен на рыбопродукты (в основном на треску). Лишь в последние годы вновь появляется надежда на рентабельность этой отрасли.

Частные креветочные комбинаты возникли в пяти пунктах, рядом с подобными же предприятиями Королевской гренландской торговой компании работают Какортокский филиал Датского общества консервно-филейных фабрик, мелкие частные рыбозасольные и копильные предприятия в поселках Напассоке, Арсуке и др.

5 тыс. гренландцев работают на рыбных промыслах и 2 тыс. — на предприятиях по обработке добычи. Казалось, развитию отрасли ничто не должно было мешать, но проблемы возникли там, где их никто не ждал.

Изменение океанических течений в середине 1970-х годов заставило треску уйти от берегов острова. Если в 1960 г. общий улов ее здесь достигал 400 тыс. т, то к 1974 г. он упал до 40 тыс. т. Несколько лет подряд в сезон (путину) стояла крайне неблагоприятная для лова погода. Одновременно на мировом рынке наблюдалось падение цен на рыбу, с которым совпал и нефтяной кризис. Весьма отрицательно отразилось на отрасли и вступление Дании в «Общий рынок», членами которого были установлены минимальные закупочные цены на рыбу, распространявшиеся на все страны рынка, кроме Гренландии, которая была вынуждена сбывать добычу по более низким ценам мирового рынка.

Капиталовложения в отрасль делались без учета возможности ее временного сворачивания, связанного

с ухудшением улова; было приглашено из Дании много специалистов высшей квалификации, требовавших соответствующей оплаты, сильно возросли и другие производственные издержки. В совокупности все указанные факторы содействовали резкому росту цены производства и соответственно падению доходов. Это в свою очередь начало тормозить модернизацию производства, в частности обновление флота. Поэтому, когда 1 января 1977 г. Данией был принят закон о 20-мильной рыболовной зоне, «отогнавший» от берегов острова все иностранные рыболовные суда, Гренландии он помог мало — все еще был невелик процент судов, способных выходить на лов за 20-мильную зону. Более того, малочисленность инспекционного флота, его неэффективность не позволяют следить за выполнением закона 1977 г. Иностранные компании, пользуясь этим, превышают квоту вылова отдельных видов рыбы; так, в январе 1981 г. возник конфликт по поводу превышения судами ФРГ квоты по лососевым, а летом 1980 г. незаконный облов фарерцами креветки в прибрежных зонах стал причиной конфликта на уровне правительств. Планируется принятие ряда мер как правового, так и экономического характера, чтобы вывести отрасль из кризисного положения, однако уже сейчас видно, что на пути превращения ее в стабильно доходную встретится немало трудностей.

Охотничий промысел. Справедливое в целом утверждение, что охотничий промысел в Гренландии в настоящее время сильно сократился и даже находится в состоянии упадка, требует ряда оговорок. Верно то, что охота не является более крупнейшей отраслью экономики острова, но есть области, и весьма обширные, где она это свое значение сохранила. Так, например, в районе Туле рыбы мало, климат не позволяет ни обрабатывать землю, ни заниматься животноводством. Полярным эскимосам остается одно — вести, как и раньше, традиционное охотничье хозяйство, которое для большинства населения острова является вчерашним днем.

Особенность охотничьего промысла в том, что он развит в самых малонаселенных местах острова и ведется теми же средствами, что и полвека назад, т. е. его нельзя модернизировать с целью облегчения труда, как это делается в других отраслях. Труд гренландского охотника, несмотря на высокую его оплату, остается тяжелым и опасным, как и много лет назад.

Семьи, ведущие традиционное хозяйство (большинство их проживает на севере и востоке), не могут обойтись без ряда продуктов, которые дает охота на кольчатую нерпу. По-прежнему в ходу у эскимосов все восемь видов охоты на этого зверя: с прозрачного льда, с заснеженного льда (один охотник стережет у лунки, в то время как другие едут сужающимися кругами на санях, сгоняя к ней нерпу), сетями, с ледяных закраин, «утók» (охотник с винтовкой подкрадывается к нерпе, толкая перед собой санки с белой ширмой), «савссат» (охота на зверя, запертого в узкостях дрейфующим льдом), с каяков (на чистой воде). В послевоенный период популярной стала охота на крупные виды тюленей со шхун и сейнеров в водах Восточной Гренландии. Так же охотятся на небольших китов и гринду (первых бьют из гарпунных пушек, вторую — из винтовок).

На медведей охота ведется лишь в районе Туле. Общее число медведей, добываемых в год, не превышает 100—120 голов.

Морскую птицу добывают везде, где открывается вода, кроме гагачьих заповедников, скал, где выводит детенышей кайра, и, естественно, территории национального парка. Закрыты эти районы и для сбора яиц, весьма популярного в других местах, где в нем участвует едва ли не все население. Более важным для гренландцев промыслом является охота на белую куропатку, которая ведется круглый год. Охотятся на эту птицу даже дети, причем малолетний охотник может добыть за день несколько десятков тушек, что является неплохим подспорьем в семейной экономике.

Охота на зайца, шкурка которого широко используется для шитья камиков, сохранила полностью свое бывшее значение также лишь в районе Туле. Гораздо более значительный и стабильный доход населению приносит охота на песца. Его бьют из ружей и винтовок, ловят западнями, капканами и плашками. Годовая добыча достигает 2,5—3 тыс. песцов.

Охота на диких оленей невелика. Стотысячное стадо оленей, кормившееся в районе Паамиута в 1970—1978 гг., уменьшилось впятеро из-за нехватки кормов. Естественно, резко уменьшилась и добыча. Охотятся на оленя главным образом летом, забираясь целыми семьями по протокам и озерам на умиаках далеко в глубь материка. Попутно охотятся на линяющих гусей и

другую птицу. На саях зимой за оленем отправляются только гренландцы, живущие севернее Сёндре-Стрёмфьорда. Цель охоты на дикого оленя — шкуры, идущие на экспорт, и мясо, по вкусу превосходящее мясо домашнего оленя. Охота разрешена 1 месяц зимой и 2 месяца летом; за этот период добывается до 5 тыс. шкур.

Всего промысел приносит доход около 11 млн. крон в год. Из них 7 млн. крон, как правило, выплачиваются охотникам при сдаче продукции, а остальные 4 млн. они получают от Королевской гренландской торговой компании позднее, когда товар будет продан и из общей прибыли вычтут издержки.

Овцеводство. Гренландская овца принадлежит к скандинавской породе; для нее характерны крупные размеры, шерсть с длинной, жесткой остью и мягким густым подшерстком. Стригут овец раз в году — в июне, получая от 1 до 3 кг шерсти с каждого животного. Вес овец — 55—65 кг, баранов — 65—75 кг. Гренландские овцы нетребовательны к корму, устойчивы к простудным и иным заболеваниям.

Овец настойчиво пытались разводить на острове еще до второй мировой войны, однако без особого успеха. После войны Королевская гренландская торговая компания организовала курсы овцеводов и одновременно собственные племенные фермы. После окончания таких курсов каждому эскимосу предлагалось стадо в 100 голов и участок; такое же число овец нужно было вернуть компании через несколько лет. Кроме того, новому овцеводу предоставлялась ссуда на постройку дома и овчарен. Селились овцеводы, как правило, на землях, которые обрабатывались еще норманнами: здесь прекрасные пастбища и сенокосы, с которых давно были убраны камни. Отрасль приносила хорошие доходы. Кроме того, оказалось, что завезенная из Исландии овца дает в новых условиях лучшую шерсть и достигает большего убойного веса, чем на родине. Размеры стада ограничивались не из-за недостатка кормов (в скудные годы овцы охотно поедают не только сухие листья кустарников, но и сушеную мойву, в которой недостатка нет никогда), а из-за трудностей доставки запасов сена к местам зимовки скота — лошадей на фермах нет, а использовать механический транспорт на скальных тропях невозможно. Немало хлопот причиняет и капризная погода. Подувший среди зимы с гор фён может

растопить снег и неожиданно предоставить возможность пастбы, но нередкая здесь пурга в начале лета может застичь скот в горах, на пастбище, и, покрыв землю толстым слоем снега, обрець овец на гибель. Так, в 1966—1967 гг. стада овец в Юлианехобском дистрикте уменьшились с 48 тыс. до 20 тыс., а это самый «овцеводческий» из дистриктов Гренландии. Во время последнего массового падежа скота (1976 г.) гренландское стадо уменьшилось на 1/4. В настоящее время численность его достигла 45 тыс. (1980 г.).

Неудачи последних лет в овцеводстве поставили на повестку дня вопрос об аварийных запасах кормов. Сейчас эту проблему пытаются решить, осушая заболоченные низины побережья, откуда сено можно вывозить, используя тракторы. Общая площадь годных для культивации или мелиорации пустошей составляет 600 га. Исходя из того что 1 га может в гренландских условиях прокормить 100 овец с ягнятами, подсчитано, что по окончании подготовки этих пастбищ они дадут гарантированную возможность содержания более 60 тыс. овец с приплодом. Однако пока культивирована едва треть территории будущих пастбищ.

Оленеводство. В 1952 г. из Северной Норвегии было завезено в Гренландию 270 домашних оленей. Через 8 лет их стало уже 3 тыс. Росту стада содействовали вполне благоприятная для них природа и опыт приехавших по контракту оленеводов лапландцев и гренландцев, окончивших специальные курсы.

Любопытно, что никто из гренландцев, даже окончивших курсы, не желает посвятить себя оленеводству полностью, все они работают в стаде сезонно, охотясь в остальное время на морского зверя. Социологи объясняют это тем, что норвежские лапландцы привыкли когда-то к крайне тяжелому труду оленевода под страхом голодной смерти, позже эта профессия стала для них традиционной. Эскимосов же к неперемennomу занятию именно оленеводством ныне голодная смерть не принуждает; оно для гренландцев нетрадиционно. Поэтому местное население, и к более легким, но новым для него видам деятельности привыкающее с трудом, отказывается принять во владение стада оленей, на каких бы выгодных условиях они им ни предлагались. Более того, эскимосы активно протестуют против расширения чуждой им отрасли экономики, отнимающей у них старые охотничьи угодья. На оленеводческих фермах Королев-

ской гренландской торговой компании стадо оленей уменьшилось до 2,1 тыс. голов.

Из других видов домашних животных в Гренландии имеется около 200 лошадей исландской низкорослой породы, которых используют для верховой езды. Есть на острове и около полусотни коров смешанной породы. Из домашней птицы содержится ок. 0,5 тыс. кур.

В 1952 г. в Нарссакке была построена мясоконсервная фабрика, но из-за слабого развития овцеводства загружена она пока наполовину; часть цехов используется для обработки креветок.

В последние годы небольшие площади в южной части острова засеиваются яровой рожью, овсом и ячменем, которые скашивают по достижении ими молочно-восковой спелости, оставляя лишь часть на силос. Посев проводят обычно в мае, сенокос — в августе — сентябре. Урожай достигает 40—60 т зеленой массы с 1 га. В конце 1960-х годов были проведены первые засе-вы полей норвежским штаммом тимефеевки, отличающейся морозоустойчивостью. Косят ее один раз в лето, масса сухого сена достигает 3,5 т с 1 га. Делались попытки сажать турнепс, который дает здесь с гектара 480 ц клубней и 120 ц зелени. Репу сеют в крайне ограниченных количествах, ее урожайность — 700 ц с 1 га, используется она как столовый овощ. Столь же немного сажают малопопулярный среди местного населения картофель, которого снимают по 150—300 ц с 1 га.

Большая часть исследований по развитию перспективных отраслей сельского хозяйства Гренландии ведется на Сельскохозяйственной станции, находящейся у Какортока. Она располагает собственными полями, пастбищами, сенокосом, животноводческими и техническими помещениями, складами.

Транспорт. В условиях крайней изрезанности и гористости береговой полосы основным средством коммуникаций в Гренландии с давних времен служило море. Это касается плавания лодок и других судов в открытой воде, и езды по льду на санях с собаками.

Основная масса грузо-пассажирских перевозок осуществляется небольшими частными и принадлежащими компаниям судами. Между крупными портами курсируют регулярно два пассажирских теплохода.

Большое развитие получили воздушные перевозки, в основном на дальние расстояния. Вначале на внутри-гренландских авиалиниях использовались 30-местные

летающие лодки «Каталины», затем их сменили 20-местные вертолеты. По длине ряда вертолетных линий Гренландия ныне занимает первое место в капиталистическом мире. Со столицей Дании — Копенгагеном остров связывают реактивные лайнеры компании «САС», доставляющие как пассажиров, так и скоропортящиеся продукты в аэропорт Сёндре-Стрём-фьорд. Более тяжелые грузы доставляются судами торгового флота.

В городах и поселках за последние 30 лет появилось много грузовиков, автобусы. Из легковых автомобилей распространены «джипы», есть немало «Москвичей».

Электроэнергетика. Суровый климат и необходимость перебрасывать энергию на большие расстояния крайне осложняют энергетическое хозяйство Гренландии. Потребление электроэнергии, совершенно незначительное до войны, ныне обгоняет рост промышленности. В настоящее время на острове имеется несколько электростанций, обслуживающих отдельные районы и не объединенных пока в единую энергосистему из-за больших расстояний. Все они тепловые, работают на привозном жидком топливе, поэтому электроэнергия обходится дорого, особенно после повышения цен на нефтепродукты, начавшегося в 1973 г.

На жидком топливе работает 95 % ТЭС, в год завозят 120 тыс. м³ дизельного топлива. 60 % используемой энергии идет для обогрева зданий, 20 % — на освещение и 20 % потребляет промышленность. С 1974 г. в Гренландии началась многолетняя кампания борьбы с утечками тепла. Применяется специальная термоизоляция, содействующая сбережению тепла и ограничивающая расход энергии. В перспективе — строительство в городах теплопроводов для использования горячей воды ТЭС в обогреве жилищ, это позволит снизить потери тепла с 65 до 35 %; такие комбинированные системы уже действуют в Нанорталике, Паамиуте и Манитсоке.

Технические расчеты перевода теплостанций на уголь пока не проводились, однако уже сейчас можно сказать, что он потребует полного переоборудования ТЭС.

В начале 80-х годов датская и гренландская пресса много писала о возможности использования электростанциями гидроресурсов острова. Однако водные пото-

ки страны «работают» с большими перепадами, зависящими от времени года и даже суток.

В условиях энергетического голода интересным представляется использование энергии ветра. Но она годна лишь как дополнительный источник, так как пока не решена проблема ее аккумуляции.

Зов Лунного человека

Немецкий географ Ратцель сказал однажды, что корень культуры народа не уходит в почву вертикальным стволом, но широко ветвится в различных направлениях. Необычное сравнение истоков национальной культуры с корнями, справедливое в подавляющем большинстве случаев, можно применить к гренландской культуре с оговорками. Нижняя, теряющаяся во мгле веков часть этого «корня» вряд ли имела боковые побеги — эскимосы были отрезаны расстояниями или барьером холода не только от далеких очагов цивилизации Азии и Европы, но и от более близких древних культурных центров Америки — Мексики и Гватемалы. Зато верхняя, наиболее близко расположенная к нашему времени часть «корня» мощно ветвится.

Культура гренландцев не составляет более исключения в широком процессе международного культурного общения, в ходе которого происходит, как известно, взаимообогащение различных культур. Поскольку в новое время основным субъектом культурного обмена с Гренландией была Дания, то сложилось не вполне обычное положение, когда населению острова, географически относящегося к Америке, все более присуща современная культура не американского, а европейского типа.

В искусственно «закрытой» Гренландии традиционная культура, застывшая на пределе возможностей общества каменного века, стала мертвым канонем, тор-

мозившим как народное творчество, так и процесс прогрессивного культурного обмена. К настоящему же времени древняя традиционная и современная составные части гренландской культуры переплелись весьма тесно, и с каждым годом это взаимопроникновение углубляется. Однако данный процесс не зашел настолько далеко, чтобы воздвигнуть непреодолимые трудности в выделении чисто эскимосских и заимствованных европейских черт культуры Гренландии.

Вследствие огромных размеров Гренландии и достаточной удаленности отдельных групп этноса друг от друга, а главным образом из-за различий в экологических условиях, традиционные эскимосские промыслы были не везде одинаковы. Отсюда и различия в их материальной культуре. Таких форм культуры несколько: полярная (район Туле), арктическая (западный берег севернее Полярного круга), субарктическая (к югу от Полярного круга) и переходная из арктической в субарктическую (район Ангмагссалика). С позиции общезскимосской культуры наиболее типичной является арктическая форма. Ее характерные черты — охота на тюленя со льда зимой и весной, каячная охота (ранее — охота на кита) летом, осенью — охота на оленей, ловля форели в ручьях и озерах. Полярная культура возникла на основе охоты со льда, поскольку вода открывается здесь лишь на 1,5—2 месяца. Когда Туле «открыли» европейцы, оказалось, что здесь давно прекратились охота на оленя и ловля рыбы, эскимосы прочно забыли и каяк и умиак. Вновь эти полезные орудия труда вошли в обиход лишь после переселения в полярный дистрикт нескольких семей с западного берега. Субарктическая норма культуры представлена прежде всего орудиями труда, нужными на охоте в открытой воде. Жилища здесь группируются у проливов и фьордов; в период охоты нет необходимости в дальних переездах со всей семьей, как в Туле, поэтому собачьи упряжки менее распространены, да и сами сани вдвое меньше, чем полярные. Именно с этой формой культуры раньше всего познакомились европейцы в XVIII в., отчего она стала более известной и превратилась в некую норму эскимосской трудовой деятельности и быта, что в общем не совсем справедливо.

Общезскимосская материальная культура имела почти во всех составляющих ее частях непосредственное отношение к морю, морским промыслам, из которых на

первом месте стояла охота на тюленя. Для того чтобы добраться по льду до открытой воды или доставить добычу домой, эскимосы использовали сани, запряженные собаками. Гренландские сани по сравнению с нартами народов советского Севера шире и короче, они более приспособлены для поездок в сложных условиях, где путь часто преграждают скалы и торосы, поэтому и собак в них запрягают не цугом, а веером — отсюда их большая маневренность. Полозья гренландских саней, слегка поднятые спереди, сзади загибаются под прямым углом и соединяются на уровне груди человека поперечной планкой — это помогает удерживать груз на крутых подъемах и облегчает управление. Материал для изготовления саней — доски из плавника¹, скрепленные ремнями из шкуры тюленя. Они подвижны в сочленениях и лишь слегка изгибаются на неровном льду или выступах скал, там, где жесткая конструкция не выдержала бы. Управляют собаками эскимосы в отличие, к примеру, от ненцев не шестом-хореем, а многометровым бичом с короткой ручкой, которым владеют в совершенстве, без промаха попадая в нужную собаку на расстоянии 20 м.

Более массивные, чем нарты, эти сани имеют положительную плавучесть и не тонут даже со значительным грузом, а это важно в ледовых походах.

Еще более высокого уровня технологического совершенства достигли эскимосы в сооружении каяков. Каяки произвели весьма сильное впечатление на первых европейцев в Гренландии — о них говорится уже в «Саге о Винланде», — ибо не многие «примитивные» народы мира могут похвалиться тем высоким мастерством, с которым эскимосы строят каяки и управляют ими. Легкий и гибкий планочный набор каяка целиком обтягивается шкурой, так что открытым остается лишь деревянное кольцо вокруг проема для гребца. Когда же он затягивает шнуры подола кожаной куртки вокруг этого кольца, шнуры капюшона — вокруг лица, а завязки рукавов — у запястий, то представляет собой как бы единое целое с каяком. Он может даже перевернуться с ним без особых последствий: один удар веслом —

¹ Когда не хватало дефицитного дерева, полозья делали из бивней моржа. В датском Национальном музее хранятся полозья саней с Пэллибэй, изготовленные из скрученных замороженных полос шкуры мускусного быка; перекладыни саней сохранить не удалось — они были сделаны из ломтей мороженого мяса!

и суденышко снова выравнивается, а внутри его ни капли воды! Стремительность, лаконизм и элегантность линий обводов каяка столь же замечательны, как бесшумность и быстрота его хода.

Второй тип лодок — десятиметровый беспалубный умиак, или «женская лодка», в предвоенный период все реже использовался для охоты на китов, в основном на нем перевозили грузы или отправлялись в гости. Вдоль бортов умиака привязывались пузыри, что способствовало его остойчивости. Сейчас настоящих умиаков не осталось, термин же применяют к деревянным баркасам.

При охоте на китов на носу умиака стоял лучший охотник с тяжелым гарпуном в руке. Вообще гарпунов в Гренландии существует несколько типов, но все они с поворачивающимся поперек входного канала раны наконечником. Длина древков варьирует от коротких — для бросания с каяка — до десятиметровых, используемых в парной охоте, когда у отверстия во льду стоит охотник с гарпуном, а его товарищ лежит, глядя в другое отверстие и приманивая тюленя свистом и шевелением гарпуна. Довольно длинен гарпун для весенней охоты, когда тюлени выползают греться на лед. Охотник, одетый в шкуру, движется по льду, с удивительной точностью копируя тюленя, пока не подберется к лежбищу на расстояние, равное длине гарпуна. Для бросания гарпуна употребляется деревянная копьеметалка — орудие, употребляемое еще только в Австралии и Новой Гвинее. Поскольку основную ценность в безлесной Гренландии представляет древко гарпуна, то его сочленение с наконечником устроено таким образом, что при резком движении раненого зверя оно отделяется и всплывает; наконечник же, привязанный ремнем к пузырю из шкуры тюленя, остается в теле животного.

При охоте на мелких тюленей используют маленький гарпун «блэреспюдет» с цельным древком и более длинным, с несколькими крючьями, наконечником. Непосредственно к древку крепится и небольшой пузырь. После того как тюлень загарпунен, в него копьеметалкой бросают тонкие дротики, также с отделяющимся древком; добивают зверя охотничьим ножом.

В последнее время на тюленя с каяка охотятся только с винтовкой. На передней части каяка при этом устанавливается рама с белой ширмой, которую издали легко принять за кусок льда.

Ловля тюленей сетями издавна практиковалась как со льда, так и на открытой воде, но настоящее свое развитие она получила с XVIII в., когда появились дешевые сети из Европы.

С каяков же охотились эскимосы на оленей, подстерегая их в местах переправ через проливы или озера и бросая в них дротики. На суше с этой целью использовались стрелы и лук. С уходом в начале XIX в. оленей с прибрежных частей острова исчезло и это старинное оружие, изготавливавшееся с большим искусством из китового уса или дерева и дважды оплетенное шнуром из жил.

Традиционное хозяйство гренландцев отвечает требованиям почти непрерывной борьбы с холодом, ведущейся в условиях полного отсутствия обычных топливных ресурсов и строительных материалов, когда для того, чтобы разжечь скупой огонь в жилище, нужно найти, выследить и убить осторожного зверя, а неудачный сезон охоты еще недавно означал верную смерть от холода жителей всего селения. Отсюда — высокое совершенство, которого эскимосы достигли не только в охоте, но и в изготовлении жилья и одежды.

Видов одежды немало: от почти невесомых камлеек и женских летних брюк, похожих на шорты, до многокилограммовых одеяний из шкур белого медведя, в которых нелегко передвигаться, но можно часами подстергать тюленя у отдушины. Шитье надежных, красивых, удобных предметов одежды и обуви — важнейшая обязанность женщины, от их качества зависит удача, а часто и жизнь охотника, поэтому гренландская пословица гласит: «Слава охотника — в руках его жены!»

Самая распространенная одежда — тюлений анорак с капюшоном, сшитый из двух слоев шкуры, меховые штаны и камики. Под анорак надевается рубашка из меха тюлененка, лисы или из птичьих шкурок. В Туле анораки шьют из лисы, на восточном берегу — из лисы или собаки. Там до сих пор штаны шьют из медвежьей шкуры.

В хорошо протопленных помещениях эскимосы ходят почти обнаженными: женщины носят лишь кожаные треугольные передники вроде бикини, мужчины — плотно облегающие кожаные шорты. Летом на улице мужчины ходят в коротких, до колен, меховых брюках.

Охотясь на китов, мужчины облачались в «мех для прыжка» — одежду, напоминавшую комбинезон, сши-

тый из высушенных кишок или скобленой кожи и совершенно водонепроницаемый. В такой одежде, затянутой у лодыжек, кистей и вокруг головы и надутой через трубку на груди, охотник мог прыгать в воду, подплывать к убитому киту и приступать к его разделке на плыву. Иногда так добывали копьём еще живого кита.

Одежда украшалась бисером (очень скупо) и разноцветными меховыми аппликациями. Особенно красивыми были женские сапоги высотой до середины бедер. Шкуры для шитья сапог и другой одежды выделялись крайне примитивно из-за отсутствия в Гренландии источников дубящих веществ. Чаще всего ограничивались тем, что шкуры мяли долгие часы, предварительно соскоблив с них жир. Исключение составляли использовавшиеся для детской и нижней одежды птичьей шкурки: жир с них осторожно скусывали и обсасывали их — так соединялось приятное с полезным!

Традиционные жилища гренландцев, как и других народов Севера, двух видов — летнее и зимнее. Первое делается из конусообразного деревянного каркаса, обтянутого шкурами; второе может быть из камней или снега — в полярной области; в других местах его строят лишь из камней или дерна, иногда плавника, имеются остатки жилищ, сложенных из частей скелета кита. Короче, жилища строились до недавнего времени только из местного материала, от чего в немалой мере зависела его форма, величина и т. д. Кроме того, само расположение жилищ диктовалось условиями охоты, рыбной ловли, климатических особенностей района и др.

В полярных и арктических областях стойбища располагались в глубине заливов и фьордов (где можно охотиться со льда) или у устьев рек. В субарктической области зимние жилища группировались у шхер или проливов. Как на севере, так и на юге стойбища были небольшими — в 1920-х годах более половины их насчитывало до 50 жителей, а четверть — лишь 25 и менее человек.

Наиболее типичным жилищем для «большой семьи» была прямоугольная в плане полуземлянка (задняя часть ее нередко заглублялась в склон горы). Крыша из дерна опиралась на потолочную балку, покоившуюся на ряде столбов-опор. Общие спальные нары, расположенные вдоль стен, делились перегородками из шкур на отделения для «малых семей» (просторными они не были — отсек шириной в 1 м 25 см был достаточным для

одного мужчины, двух его жен и 6 детей). На низких подставках перед каждым таким отделением горела жировая лампа.

Лампы делались из камня в форме полумесяца. Куски жира располагались вдоль сильно выгнутой задней стороны, а вдоль передней насыпался мох. Уложенный правильно, он горит ровным сильным пламенем, почти не давая копоти. Над лампой постоянно висел котелок с тающим льдом; еще выше, под самым потолком, подвешивалась деревянная рама с натянутыми ремнями, на ней сушили одежду.

Зимой полярные эскимосы строят снежные хижины¹ из кирпичей, выпиливаемых в плотном снегу. Их укладывая спирально с постепенным сужением витков вверх, отчего постройка приобретает форму купола. Затем швы заделываются снегом, устраивается вход (подкопом — так лучше сберегается тепло). После того как внутри разведут огонь, а стены слегка оттают и «схватятся» морозом, хижина становится настолько прочной, что на нее может даже влезть человек.

Переход эскимосов-охотников от торфоземляных зимних и временных летних хижин, расположенных на местности крайне разбросанно, к более современным, размещенным более концентрированно жилищам был тесно связан с процессом перехода от охоты к рыболовству. И в настоящее время облик поселений отличается в зависимости от занятий жителей. На севере и востоке Гренландии, где охота на тюленя сохранилась, люди живут в мелких стойбищах. Напротив, в рыболовецких районах западного побережья, где наиболее развита промышленность и экономика предъявляет жесткие требования к концентрации населения, находятся самые крупные поселки острова.

Перемены в жилищных условиях произошли во всех типах поселений эскимосов, но наиболее впечатляющи они в крупных стойбищах и поселках. Здесь жилище среднего гренландца — отдельный домик, построенный в любом годном для этого месте (планов застройки не существовало до начала 1970 г., да и сейчас они обязательны лишь для «перспективных» поселков и городов). В крупных стойбищах обязательно имеется магазин,

в котором, по выражению французского этнографа Малори, «есть все — от хозяйственного мыла до пишущей машинки». В прибрежных поселках есть бетонный причал, необходимый не только для рыбацких, но и для транспортных и пассажирских судов. Во всех стойбищах кроме зданий Королевской торговой компании (магазин, склад, засолочный пункт и пр.) и обязательных школы, детсада и церкви имеется клуб (Дом собраний); в больших поселках, кроме того, есть амбулатория или больница, электро- и радиостанция.

Поселки городского типа еще 20 лет назад представляли собой группу зданий Королевской торговой компании близ порта, здесь же, как правило, располагались школа и церковь; больница находилась обычно несколько поодаль; наконец, по периферии поселка шел жилой пояс, состоявший из индивидуальных домиков, раскрашенных в яркие, праздничные тона. Дорог не было вовсе, их заменяли тропки между домами.

В настоящее время картина сильно изменилась. Быстрый рост городского населения и связанные с ним проблемы привели к необходимости планирования городской застройки. Нужно было не только залатать прорехи, оставшиеся в наследство от колониальной эпохи, но и строить дома «наперегонки» с быстрым ростом населения: в 1970 г. в Готхобе (Нууке) жило 7 тыс. человек, сейчас эта цифра поднялась до 25 тыс. Одновременно со строительством промышленных предприятий в городах появились здания водопроводных и электростанций, модернизировались школы и дошкольные учреждения. Возникли функционально новые учреждения — клубы и «мастерские свободного времени», молодежные клубы, кинотеатры, возникли жилые комплексы со своей службой сервиса. Такое расширение строительства сделало необходимым создание дорожной сети, а быстрая концентрация населения — возведение многоэтажных домов, имеющих горячее водоснабжение и канализацию. Большие дома нередко строят из железобетонных блоков, доставляемых из Дании. В настоящее время строительство небольших домов на 1—2 семьи ведется только на окраинах поселков.

Строительство в Гренландии имеет ряд особенностей. Вечная мерзлота не позволяет использовать здесь фундаменты обычного типа, их приходится либо погружать в толщу невспучивающегося балласта (галька

¹ Их у нас часто и неверно называют «иглу», тогда как эскимосское «igdlo» (множ. число «iglulik») означает любое жилище, в том числе из камня, дерева и других строительных материалов.

и песок) с дренажом, либо изыскивать скальные основания, что надежнее; свайные фундаменты здесь непопулярны. Весьма затрудняет мерзлота проводку водной и канализационной сетей, они требуют не только изоляции в грунте, но нередко и электроподогрева.

В условиях практического отсутствия грунтовых вод города приходится снабжать водой из запруженных рек и озер; при этом принимается во внимание необычно мощное льдообразование зимой в подобных, как правило неглубоких, водоемах. Лед представляет серьезную помеху и при строительстве причалов.

Значительно удорожает строительство то обстоятельство, что все материалы, кроме песка и воды, приходится доставлять из-за океана. Оттуда же приезжают квалифицированные строители (которым платят кроме зарплаты командировочные, «полярные», предоставляют бесплатное жилье и т. д.), что также обходится недешево. Поэтому строительство жилого дома в Гренландии стоит вдвое дороже, чем в Дании.

Датские инженеры-строители считаются хорошими специалистами по работам в Арктике, и обязаны они этой репутацией гренландскому опыту. Однако опыт пришел не сразу, вначале было множество неудач. Так, в Нарссакке с его чрезвычайно сильными местными ветрами несколько домов просто сдуло в море; универсам в Сисимиуте изогнулся без всяких видимых причин в виде змеи — под ним растаяла мерзлота, и огромное здание пришлось разобрать.

В результате подобных ошибок и просчетов на ветер было выброшено немало миллионов крон. Но неудачи эти ничтожно малы по сравнению с тем, что осталось людям.

Большинство гренландских семей живет в одноэтажных домах. Но крупные поселки принимают все более привычный глазу европейца — но не гренландца — вид. Вдоль асфальтированных улиц появились многоэтажные жилые дома, супермаркеты, современные здания общественных учреждений. В многоэтажных домах, где живут и датчане и эскимосы, имеются помещения, оборудованные для машинной стирки и сушки белья, в подвалах находятся так называемые черные кухни (на них сушат рыбу, вытапливают тюлений жир и т. д.), помещения для велосипедов.

В настоящее время, характерное кризисом в рыбной промышленности, наблюдается тенденция к некоторому спаду темпа жилищного строительства.

Проследив историю гренландского жилища от древних времен до наших дней, вернемся вновь к традиционной культуре. Один из ее важных элементов — орудия труда и охоты. Они когда-то изготавливались из костей морских животных и отточенных камней; в Туле, где нередко находки метеоритов, орудия делались из железа. Характерно разделение орудий на мужские и женские, примером тому ножи: привычной для нас формы — мужские и лунообразные, с рукояткой посередине, — женские «улу». Этими ножами женщины скоблили шкуры, резали мясо и т. д. Резьба по кости, камню, металлу, дубление шкур считались мужской работой.

Как было сказано, гренландцы в докапиталистический период истории острова жили маленькими, далеко друг от друга разбросанными общинами, основную социальную ячейку которых составляла «большая семья». Как парадоксально это ни покажется, но на острове, не разделенном никакими границами, общины были крайне изолированы друг от друга. Все познания групп эскимосов в области природы, занятий, общественных отношений ограничивались тем крошечным мирком, в котором они обитали: он мог быть довольно значительным в пространственном отношении, но его обитатели не имели представления о других областях своей огромной родины, о других братьях по крови. Все гренландцы были, безусловно, при этом одним народом, говорившим на одном языке и имевшим общие черты в материальной и духовной культуре. Основная причина этой поразительной схожести — не только происхождение разбросанных на тысячи километров друг от друга эскимосских групп от общих этнических корней, но и одинаковый экономический базис, на котором основывалось гренландское общество.

Структура традиционного эскимосского общества неизбежно находила свое отражение и поддержку в их религиозно-философских взглядах, мифах, отражавших не только профессиональный, но и социально-психологический опыт, излагающих этнические и другие нормы поведения. Датский эскимолог К. Брикет-Смит говорит: «Там, где кончаются точные знания, начинается сказка, но переход этот почти незаметен». Особенно поражает отсутствие этой границы при знакомстве с мировоззрением гренландцев, не всегда делающих различия между реальными и сверхъестественными силами, когда в единый монолит сплавляется миф с опытом.

Основанная на морских промыслах экономика отражается в поверьях эскимосов, где мощно звучит, доминирует над другими тема моря. С морем так или иначе связаны все центральные герои гренландской мифологии¹. Зимой эскимосы просят Морскую женщину укрепить ледовый покров, летом — открыть море для охоты на каяках. К «духу воздуха» обращаются с просьбой о тихой погоде, ибо осенне-зимние штормы — бедствие, скопление пакового льда у берега — катастрофа, поскольку гренландцы не могут подобно эскимосам Америки и Азии помочь себе сбором растительной пищи или хотя бы обменом у соседних народов шкур на пищу. В мифах почти стерлись имевшие раньше хождение среди всех эскимосов предания о «лунном человеке» — покровителе земного плодородия и охоты на сухопутных зверей.

Кстати, логика эскимосов издавна поражала европейцев своей кажущейся абсурдностью. Приведем пример такого логического построения: если эскимосу нужно навестить друга, живущего на противоположном берегу залива и он запланировал поехать туда на собаках вдоль берега, а в день отъезда оказалось, что можно отправиться более коротким и легким путем — по молодому льду через залив, то гренландец вообще остается дома. Причина такого странного, на наш взгляд, поступка следующая: глупо ехать по берегу, когда путь напрямик короче. Но и напрямик ехать для настоящего мужчины и охотника стыдно, тем самым он поступится своим планом, т. е. подчинится в чем-то природе, пойдет на компромисс с самим собой и т. д. Впрочем, это вовсе не мешает ему выехать на другой день (напрямик, естественно), но теперь это будет его решением, принятым по зрелому размышлению!

Мы никак не можем согласиться с мнением некоторых западных этнографов о том, что мышление гренландцев — мышление отсталого народа, отличающееся от мышления «цивилизованных» (т. е. евро-американских) народов. Весь духовный мир эскимосов (в том числе

¹ Это может показаться невероятным, но море поставляет эскимосам... богов во вполне материальной оболочке. Известны случаи, когда к их берегам прибывало деревянных идолов, вымытых далекими сибирскими реками из остякских кладбищ. Такие боги особенно чтились гренландцами.

религия, мораль, общественное мнение) образовывался в иных, резко отличных от европейских условиях; вся совокупность их представлений о мире поэтому иная, как отличается и их опыт в борьбе за существование, методы такой борьбы от наших. Другими словами, склад ума эскимоса совершенно такой же, что и у европейцев, он мыслит, как мы, и выводы наши совпадают, но при одном важном условии — если будут одинаковыми и посылки, а это случается далеко не всегда.

Наряду с глубокими и тонкими знаниями о природе (по точности своей сближающимся с научными) сознание эскимосов вмещает и фантастические представления о мире, т. е. всевозможные суеверия, мифические объяснения ряда явлений и т. д. Неверным будет утверждение, что подобный склад ума отличен от европейского — и европейцы прошли эту стадию духовного развития (верующие же люди и поныне отчасти находят на ней). Порождение подобных представлений — плод коллективного мышления, так же как реальные познания — результат индивидуального опыта. Это разделение в сознании человека (на фантастическую и реальную части) характерно не только для эскимосов. Другими словами, мы не можем по этому признаку разделить типы сознания на «эскимосский» и, скажем, «евро-американский».

Другое дело — соотношение таких представлений в системах эскимосского и европейского мировоззрений. Бесспорно, в духовной жизни эскимосов фантастические представления играют гораздо большую роль, чем у нас. Но и это различие объясняется не извечно неодинаковой структурой мышления, качественно резко отличающимся складом ума, а лишь несхожим образом жизни, определяющим, как известно, и духовный мир человека.

Эскимосы жили (а на севере в районе Туле и сейчас живут) в крайне сложной, жесткой экологической ситуации, на пороге человеческих возможностей. Они окружены суровой, исполненной опасностей, враждебной человеку природой. Этот маленький мужественный народ привык издавна в борьбе за существование надеяться только на свои силы; охотники должны были рассчитывать каждый свой шаг, не оставлять без внимания ни одну, пусть ничтожнейшую, частицу информации об окружающей природе, незнание или пренебрежение которой могло оказаться роковым если не тут же, не-

медленно, то в будущем. Из века в век выживали не только самые сильные, но и самые эрудированные в своей области и многосторонне развитые члены общества. Впрочем, бывало и так, что погибал великий охотник, знавший больше любого соплеменника, все, казалось бы, предусматривавший и все делавший правильно. Такое событие было нелегко объяснить, точно так же как и длительные неудачи в охоте, когда, несмотря на искусство и старания мужчин, под угрозой ставилось само существование всего стойбища. Объяснение этих и подобных явлений было необходимо, вся история эскимосов — это история непрекращавшегося накопления опыта, сбора, обработки и использования информации — процессов, ставших второй натурой народа, его надеждой и спасением в безбрежных ледяных просторах. В описанных же случаях никакого объяснения не было. Охотники не могли выстроить всю цепь случайностей (или закономерностей), приведших к смерти охотника или голоду, ведь они не знали всех сложных законов миграций морского зверя (не совсем ясных нам и сейчас). Но объяснение должно было найтись, и его находили если не в реальном мире, то в фантастическом. Так из относительного бессилия, беспомощности человека перед лицом природы рождались, а потом и развивались суеверия, мифы, ритуалы.

Трудно с точностью определить, какая часть подобных представлений была объективно полезна в жизни охотников каменного века, какая нейтральна и какая попросту вредна. Да это и не столь важно для понимания облика народа. Важнее здесь другое. Сам факт создания подобного духовного мира свидетельствует о том, что человек не покорялся даже самым грозным, таинственным и труднообъяснимым явлениям, а пытался бороться с ними, дерзко вторгаясь в область непознаваемого, более того, делая открытия и ставя их себе на службу. Смерть охотника или голод были, при всей их повторяемости, чрезвычайными событиями, и в ответ на них использовались экстраординарные меры — магические обряды, заклинания, «тесное» общение с «потусторонними» силами, короче, весь арсенал накопившихся у шаманов средств. При этом магические и реальные меры употреблялись одновременно. Эскимосы не знали, где кончаются первые и начинаются вторые, — они тесно переплетались, отражая нерас-

члененность, взаимопроникновение фантастического и реального в мировоззрении гренландцев¹.

Моральные установки эскимосов также имели своим источником жесткую необходимость подчинения членов общины правилам, при условии соблюдения которых эта община только и могла выжить. Когда-то подобные (или схожие) правила были обязательны и для европейцев, однако со временем они менялись вместе со сменой социально-экономических укладов. В Гренландии же, где общество оставалось на уровне каменного века, естественно, застыли в неизменном виде и эти правила. Так, европейцы утратили с веками строгие ритуальные предписания, связанные с приемом пищи, можно сказать, мы стали есть «в вольном стиле». В традиционном эскимосском обществе эти предписания сохранили свою силу, они действительны, как и много веков назад. Зато новые, введенные европейцами понятия кажутся старикам-эскимосам лишенными смысла в отличие от впитанного с молоком матери и во многом необходимого в традиционном обществе кодекса правил предков.

Указанные правила, предписания, табу имели единственную цель — благо коллектива. Закону стойбища должны были подчиняться все; личные интересы индивидуумов ежечасно и ежеминутно приносились ему в жертву. Как весьма многозначительно шутит К. Биркет-Смит, «самостоятельное мышление было еще более редкой птицей в Гренландии, чем на наших широтах». Поэтому в корне неверны утверждения некоторых авторов, которые, касаясь социальных перемен, связанных с победой новых экономических отношений, рисуют старое гренландское общество как в высшей степени гармоничное, гуманное, демократическое и даже сожалеют о его распаде. Законы этого общества были жестоки, а нарушения их часто карались смертью².

¹ Вот типичное объяснение неудачи в охоте: «Медведей нет, ибо нет льда, не появившегося из-за ветра, вина чему мы, люди, прогнавшие врышена силы». Здесь, как мы видим, логическая цепь безукоризненна, хотя одно из звеньев ее фантастично.

² Быстрая смерть была, по этим законам, предписана для стариков и новорожденных в случае угрозы голода. Да и в более благополучные врышена душили шнуром или оставляли умирать от голода в гробиках из каменных плит. Если этот обычай еще можно как-то оправдать инстинктивной «демографической» политической племени, то трудно постичь «необходимость» казней эскимосов, заподозренных в колдовстве или слегка отклонившихся от психической нормы.

Наиболее точную оценку степени свободы для каждого члена такого общества дает поэтому не буржуазная наука, нередко склонная призывать к возврату к старому, застывшему, консервирующему традиционные законы и культуру образу жизни, а марксистская, справедливо утверждающая, что в глубинах этого образа жизни «человек в известном смысле был еще более поработан, чем при рабовладельческом строе... корни того, что называется рабской покорностью, возникли значительно раньше рабства. Это не принуждение, а добровольное подчинение, при котором даже не брезжит помысел или ощущение какого бы то ни было протеста»¹.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что нормы и правила поведения внушались, предписывались исключительно с позиций силы, возможно, гораздо большее значение здесь имело традиционное воспитание. Вначале мать, затем остальные члены семьи внушают эти правила ребенку, причем делается это ненавязчиво, угрозы отнюдь не в ходу². Огромное значение в воспитании играет фольклор, светский и культовый (впрочем, это разделение часто весьма условно). Наиболее простая и реалистичная фольклорная форма — так называемые рассказы. Это повествование, для которого характерна вольная композиция, нередко весьма значительный размер (рассказ может длиться практически бесконечно, так как к одному сюжету совершенно естественно присоединяется другой; чаще всего это бывает в пургу или другие периоды длительного бездействия). Сюжетов рассказов множество, излюбленные — о приключениях охотников, о людях необычного поведения, об учениях, состязаниях, голодных периодах, путешествиях, культовых мистериях.

Обычно рассказывает один из членов семьи, известный своей памятью и жизненным опытом. Как правило, это происходит по вечерам (гренландцы, как и чукотские эскимосы, наиболее обильную и длительную трапе-

зу устраивают не в обед, а в ужин). Причем хороший рассказчик произносит текст монотонно и не делая пауз. Хотя рассказы и несут в себе большой воспитательный заряд, но никогда не приводятся «к случаю», как притчи у других народов, — молодежь здесь сама должна извлечь рациональное зерно из длительного, часто многопланового повествования.

На празднествах более употребительны полуфантастические, вернее, приукрашенные вымыслом рассказы о местных знаменитостях или давних происшествиях (тоже локальных); такие легенды принято называть «сагн», т. е. «сказания».

Наконец, имеются предания более широкого, универсального масштаба, которые по их культовой роли не без оснований именуют мифами. Среди них есть общий для множества народов миф о потопе (эскимосский Ной спасся не в ковчеге, а забравшись сразу на высочайший нунатак). Интересен миф о происхождении света и смерти. Вначале была тьма, но не было смерти, и люди переполнили землю, и не стало им хватать пищи. Тогда две старухи, обладавшие «силой в словах», вознесли молитвы: одна — о приходе света и смерти, другая — о неизменности мира. Верховное божество вяло просьбам обеих, и тьма стала чередоваться светом, а жизнь — смертью.

Любопытно, что в мифах эскимосов совершенно не отражены происхождение мира, земли. Земля существовала извечно, но была пустой, пока с небес не сошел человек, говорится в них, и не соединился с ней. В результате этого брака родились два мальчика, один из которых со временем стал мужчиной, другой — женщиной, от них и пошел род людской.

Подобные мифы обычно служат основой религии. У гренландцев комплекс их можно назвать религией с известной оговоркой: если у других народов религии свойственно наличие догм, являющихся «последним словом» в отношении сколь угодно сложных проблем, то таких догм у эскимосов нет. Зато имеются отдельные положения, возводимые на фундаменте опыта и поэтому динамичные, относительные, находящиеся в непрерывном развитии и совершенствовании.

В отношении же центральной идеи религии вообще, идеи бессмертия, ее трактовки эскимосы сближаются скорее с буддизмом, чем с христианством, поскольку считают смерть необходимым условием для возрожде-

¹ Поршнев Б. Социальная психология и история. М., 1966, с. 197.

² Эскимосы вообще никогда не наказывают детей. Высокое уважение к ребенку в Гренландии не всегда усваивается до конца европейцами, которые, например, нередко забывают при входе в жилище приветствовать и малышей, тогда как эскимос, если он не хочет смертельно обидеть хозяйина с хозяйкой, должен обязательно пожать ручку даже грудному младенцу — ведь он «ничем не хуже других»!

ния и новой жизни в облике животного, человека, принявшего имя умершего, или в детях.

Жизнь в мифах рассматривается как попеременное пребывание всего живущего на земле и в царстве мертвых, в этом смысле жизнь и смерть идентичны. Так же диалектично характеризуются свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Кстати, добра и зла в нашем, этическом, понимании здесь не существует — они слились воедино. Добро в мифах — это все то, что не мешает чередованию противоположностей, т. е. проявлению их глубинной взаимосвязи. То, что препятствует извечному диалектическому развитию, — зло, ибо, прерывая круговорот жизни, оно препятствует возрождению. Это же ведет к самым страшным последствиям — с умершими происходят неестественные изменения, они превращаются в привидения; не до конца идет процесс преобразования — и появляются монстры (полулюди-полузвери) и т. д. Подобные неестественные по своей сути несчастья воспринимаются с ужасом, гораздо более сильным, чем страх перед смертью. Собственно, и миф о приходе света и смерти можно рассматривать как прекращение неестественного покоя, единообразия, замену его чередованием противоположностей. Кстати, свет и смерть не были, согласно этому мифу, созданы: они где-то существовали, но правильное их чередование с тьмой и жизнью наступило только в результате молитв. Установившийся правильный порядок и есть результат победы доброго над злым началом в мире.

Довольно сложно учение о душе. Самого определения понятия «душа» у эскимосов нет, она не едина, а множественна (чаще всего тринчна). Та часть ее, что зовется Тарнек, является носителем самосознания и разума; она может временно покинуть тело, если на то будет воля шамана (имеется в виду гипнотическое состояние); Анерек поддерживает тепло и дыхание в теле (куда он девается после смерти — неясно). Наконец, душа имени человека, Атек, земной мир вообще не покидает, но переселяется в новорожденного, получающего имя умершего. Тарнек улетает из тела через 4—5 дней после смерти, но попадает в одно из загробных царств (небесное или подводное) лишь через год, когда очистится от земных «соков». Теоретически Тарнек может вернуться в любое живое существо, но в большинстве мифов она переселяется в людей.

Что же касается загробных царств, то для эскимосов

предпочтительнее подводное, однако попасть туда может лишь тот, кто погиб в море или был брошен в волны после смерти. Но и на небо попасть неплохо — между двумя царствами нет характерного для других религий противопоставления ада и рая. Самое страшное — не допуск в оба царства (это случается после нарушения одного из важнейших табу), тогда умерший становится призраком. В Восточной Гренландии бытуют верования в «скальных людей» (кивитут) — призраков, сохранивших телесность, но приобретших способность летать, становиться невидимыми, понимать язык животных, читать мысли людей и т. п. Кивитут — люди, принявшие качества умерших, затем покинувшие общество и обреченные на скитания в пустыне. Им также закрыт вход в оба загробных царства.

Неоконченность, незавершенность системы верований эскимосов проявляется ярче всего именно в учении о душе. Хотя в мифах ясно говорится об уходе ее из тела, тем не менее гренландцы не только хоронят своих близких на высоких местах с красивым видом на море (явно надеясь этим доставить радость мертвым), но и кладут им в могилу предметы домашнего обихода, мячи¹ и др.

Души пребывают в загробных царствах, пока для них не появится место обитания на земле в виде новорожденного; для этого души еще до родов на землю переносит Лунный человек. Он же заботится впоследствии о росте и силе новорожденного, его духовном развитии, вообще это добрый дух, залог вечного продолжения рода эскимосов на земле. Лунный человек — покровитель детских душ в загробном мире, он охраняет их там, но может отпустить одну или более с шаманом для бездетных женщин стойбища.

Другой добрый дух — Морская женщина. Ее дом стоит на дне моря, его охраняет пес чудовищных размеров. Если смелый охотник задумает навестить ее, то он должен с ней бороться, а когда одолеет — очистить ее волосы от сора (который есть не что иное, как следы нарушенных человеком табу). Тогда Морская женщина дивно похорошеет и в благодарность пошлет к стойбищу стада тюленей. Оба духа имеют сильное влияние на климат: Лунный человек — на снегопады, Морская женщина — на ледовую обстановку и ветер.

¹ Играмми мертвецов (отнюдь не бесплотных душ!) в мяч шаманы объясняют происхождение северного сияния.

Собственно злых духов или божеств в эскимосских верованиях нет, однако эскимосы весьма опасаются ведьм, которых подразделяют на два вида: илиситсут, наносящих телесные повреждения, и кугсуит, могущих превратить счастливую судьбу в несчастную. Качествами ведьм наделяются люди. В отличие от них так называемые тупилаки — существа искусственного происхождения, их изготавливают ведьмы или колдуны из костей различных животных, «вдыхают» в них жизнь и научают всевозможным злодействам. Впрочем, рассказывают и о тупилаках, обращавших свой гнев на их «творцов» и убивавших их, — любопытная перекичка с чешской легендой о великане Големе.

Еще одно отличие эскимосского культа — верующие здесь не молятся, это за них делают лица, сведущие в магии и общении с духами, а именно шаманы и «мудрые люди». «Мудрым людям» поручалось выбирать амулеты, которые могли помочь в том или ином случае, отвести беду, насланную ведьмами, и пр.

Шаманы используют в отличие от «мудрых людей» силы не магии, а духов-помощников. Период обучения шамана (иногда очень длительный) заканчивается, когда он сможет «умереть и вновь ожить». После этого считается, что он одержим силой, которую обязан использовать на благо соплеменников, иначе она убьет или самого шамана, или кого-нибудь из его близких. Обязанностей же на шаманов возлагалось множество: они должны были ставить диагноз и исцелять больных, отвечать на вопросы о судьбе пропавших без вести, вообще на любые вопросы, посылать свою душу в «полет» в отдаленные местности, на дно моря или луну (если не было зверя). Но такие поручения «выполняли» немногие из гренландских шаманов. Большинство же лишь лечило больных да давало различные советы, будучи по сути обычными знахарями.

«Полеты» совершались только внутри помещения при потушенном свете: шаман впадал в транс и оповещал криком собравшихся о том, что с ним происходит во время «полета». Иногда «полеты» приурочивались к праздникам, в этом случае они выполняли роль несколько необычного, захватывающего развлечения.

Праздники устраивались по самым различным поводам. Достаточно было хорошей охоты, приезда гостей, встречи охотников из двух соседних стойбищ — и начиналось веселье с обильным угощением, песнями, состя-

заниями, «полетами» шамана и т. д. Эскимосы собирались в праздничных одеждах, в это время было запрещено охотиться.

Центральным событием праздника зачастую становилось состязание певцов. Как правило, состязующиеся были близкими друзьями, но, несмотря на это, они позволяли себе выступать друг против друга с едкой сатирой, хотя и в веселой форме. Однако не все песенные состязания носили столь безобидный характер, в случае серьезной ссоры прибегали к «песенному бою». После того как истец «закалял» свое лицо (бился о привязанный череп тюленя, стараясь его раздавить), он вызывал ответчика при многих свидетелях и начинал обличать его в песенно-импровизационной форме. Противник должен был встречать улыбкой смертельно обидные слова и отвечать тем же. После подобной встречи обида, как правило, гасла, противники обменивались женами и примирительными подарками. В будущем они становились «ивингарит», т. е. «друзьями песенного боя», что давало повод к частым дружеским встречам.

Более спортивный характер имели состязания в гребле, в бросании различных предметов в цель, переворачивании в каяке, перетягивании каната. В мяч играли ногами, став в круг, при этом нужно было не допустить падения мяча на землю, что довольно сложно, так как мяч, изготовленный из шкуры тюленя и набитый полосками кожи или травой, тяжелее надувного. Иногда играли в футбол, при этом в игре участвовало все население двух стойбищ, полем для игры становилось все побережье между ними, длина поля могла достигать и многих километров. Длилась игра от восхода до заката.

Традиционное искусство эскимосов нашло свое выражение прежде всего в украшении одежды, при этом за неимением других красок, кроме желтой и бурой (их варили из коры плавника), в аппликациях широко использовались естественные (белый и черный) цвета шкуры морского зверя. Расшитыми изделиями из шкур начали торговать еще в XVIII в., как и небольшими моделями каяков; издавна были известны такие произведения эскимосского искусства, как вырезанные из камня и кости амулеты и куклы, а также маски из различных материалов. Впрочем, общее количество последних было всегда столь невелико, что трудно назвать это искусство народным. Широкое развитие камне-

косторезного искусства началось лишь в последние годы XIX в. В качестве материала мастера использовали бивни моржа, нарвала, кости, оленьи рога, валуны. Наиболее известны за рубежом стали с начала XX в. статуэтки тупилаков, их резали на продажу полярные эскимосы, чей культ до этого тупилаков не знал...

Менее традиционным видом искусства в Гренландии является живопись, акварель и гравюра. Наиболее известным художником XIX в. был эскимос Арон из Кангека, «отец гренландской живописи», создавший несколько циклов иллюстраций к гренландской истории, преданий и мифов в технике акварели и гравюры. Мастерская композиция, максимальное использование возможности цвета и линии — причина постоянного использования его творческого наследия в литературе Гренландии и о Гренландии на протяжении уже более ста лет.

Ряд акварелей, дающих живое представление о старом охотничьем обществе, его жизни и окружающей природе, был создан в середине XIX—XX вв. И. Гормансенем и Я. Даниэльсоном. Схожие мотивы — в живописных работах П. Росинга, П. Петерсена, Х. Люнге, Е. Росинга (здесь и далее речь идет только об эскимосских деятелях культуры).

Первым известным эскимосским скульптором, выдвинувшимся еще в 1920-х годах, стал Э. Бертельсен. Он соединил в своем искусстве уверенную и точную технику с безудержной фантазией, гротеск — с юмором. Скульптуры его земляка К. Петруссена свидетельствовали не только о богатом воображении автора, но и о его упорной работе над формой. Эти художники, работавшие в XIX — первой половине XX в., были, бесспорно, высокоодаренными мастерами, но и единственными, кто смог целиком посвятить себя искусству. Начавшаяся в послевоенный период политика датской помощи непосредственно на судьбах эскимосского искусства почти не отразилась. Общая сумма дотаций на создание скульптурных и художественных мастерских была невелика. Положительную роль в поддержке талантливых эскимосских художников сыграли организованные в Готхобе (Нууке) Союз гренландского народного искусства и Общество друзей Ланнсмусея. Эти организации не только пропагандировали эскимосское искусство и организовывали выставки в Гренландии, Дании и за

рубежом, но и материально помогали талантливым художникам и скульпторам.

В 1960-х годах гренландская мелкая пластика, станковая каменная и деревянная скульптура становятся известными в Европе благодаря нескольким выставкам. Число самостоятельных художников растет, искусство отдают свободное время целые семьи (например, известного в наше время скульптора К. Кристоферссена — его отец, мать, дочь и два сына также плодотворно трудятся уже много лет). При известной тематической цельности авторы отражают различные стороны гренландской действительности или сюжеты эскимосских преданий, их произведениям свойственно поразительное богатство стилей, способов раскрытия схожих тем, подходов к разрешению задач искусства. И критики и датская общественность, осведомленные о слабой поддержке государством художников, проявили озабоченность из-за возможности перерождения по-настоящему талантливых, больших мастеров в ремесленников, массой поставляющих на рынок изделия из клыка и меха, ничего общего с искусством не имеющие, стандартную продукцию «сувенирной индустрии».

Большое значение в росте профессионализма художников имела Графическая мастерская Готхоба, благодаря которой традиции форм и цвета гренландского изобразительного искусства получили, без преувеличения, новую жизнь. Мастерская, ныне ставшая базой повышения квалификации художников всего острова, была создана в 1972 г. как художественное училище и одновременно клуб творческих работников. В мастерской преподают не только крупнейшие гренландские художники, нередко на кафедры поднимаются члены копенгагенской Академии искусств. Несколько выпускников Графической мастерской уже учатся в академии, другие организуют подобные школы-клубы в гренландской провинции. Области, в которых работают бывшие студии, весьма разнообразны — они стали профессиональными плакатистами, граверами, иллюстраторами, организаторами выставок и кружков, некоторые обратились к технике почтовой марки и т. д.

После того как Х. Эгедэ создал эскимосскую письменность, им была выпущена в 1739 г. первая книга на эскимосском языке. Это была «Азбука», активно использовавшаяся им и его последователями в борьбе с неграмотностью. Профессиональным ученым-лингвистом

стал его сын Пауль, издавший в 1750—1760 гг. Эскимосско-латинский словарь и «Эскимосскую грамматику».

Художественная литература появляется несколько позже: в 1810 г. Р. И. Брандт, гренландский чиновник, также учивший эскимосов читать на их языке, издал сборник коротких диалогов, построенных на местном материале и посвященных актуальным для эскимосов темам. Его перу принадлежат также роман и басни, переведенные и изданные в 1839 г.

Начиная со второй трети XIX в. можно говорить о почти постоянном обновлении гренландского книжного рынка. При всем разнообразии жанров (биографии великих людей, сентиментальные романы, нравоучительные новеллы, притчи, романтическая поэзия, гимны и пр.) общим в этой литературе, переводимой с других языков или обработанной И. Мерхом, К. Кьером, П. Крагом, а позже и другими энтузиастами, было одно — она подбиралась с учетом вкусов читателей, а при необходимости реалии изменялись так, чтобы смысл происходящего в книге был до конца понятен читателям, незнакомым с европейской культурой¹.

После того как в 1775 г. были открыты учительские семинарии, куда принимали только эскимосов, грамотность населения повысилась. Между тем литература не всегда точно отражала гренландскую действительность, иногда важные жизненные проблемы эскимосского общества находили в ней поверхностное отражение.

Положение изменилось после приезда Х. Ринка, основавшего в 1860 г. первую эскимосскую газету — «Атагаглиутит» («Чтение»). В газете и ее типографии работали едва ли не первые представители эскимосской интеллигенции — получивший в Дании специальности печатника и литографа Л. Меллер и художник Арон; редактором стал также учившийся в Копенгагене эскимосский учитель и переводчик Р. Бертельсен. Сотрудники редакции широко привлекали к работе в газете местное население. Эскимосы выступали на ее страницах как с литературным, так и с публицистическим и изобразительным материалом. Немногие из постоянных авторов газеты стали большими мастерами (как,

¹ Так, немецкая песнь о Лорелее превратилась в лирическое повествование о красавице Парнуне, ждущей на скале своего любимого, отправившегося на охоту в хрупком каяке. Не дождавись его, Парнуна бросилась на восходе солнца в прибой у скалы, окрасившейся навечно кровью девушки.

например, Арон или Унгаралак). Значение газеты было в том, что она явилась первым рупором национального меньшинства в датском королевстве, будучи одновременно и массовым источником информации о событиях в Гренландии и в меньшей степени — в Европе.

Неоценима и та культурно-историческая роль, которую сыграла газета. В ее номерах с 1884 г. регулярно печатались воспоминания и устные рассказы о языческой старине недавно обращенной в христианство Восточной Гренландии. Их авторами были Хансерак, Рюттель, К. Россинг, Х. Лунд, Ю. Ольсен и др. Необычным было и то, что редакция решительно отвергла предложение миссионеров о сотрудничестве и печатала только светский материал.

В начале XX в. в Северной Гренландии начинает выходить журнал «Авангнамиок» («Северянин»), на юге — «Сиюмут» («Вперед»), на востоке — «Сукагссаут» («Инициатор»). Некоторое время издает свой журнал «Таркигссут» Ауго Люнге, ставший впоследствии известным литератором.

Из значительных изданий второй половины XIX — начала XX в. можно назвать сборник 105 стихов и песен К. Ю. Спиндлера «Эринюгат иутидлит 105» (эта книга была необычайно популярна во всех уголках Гренландии, песни из нее стали народными) и четырехтомное двуязычное издание эскимосских мифов и преданий «Калатдлит окалугтуаллиат» — труд всей жизни Х. Ринка.

Началом современной эскимосской прозы принято считать роман М. Сторха «Мечта» (1914 г.). Действие романа происходит в стойбище, жители которого вдруг переносятся в 2105 год. Повествование становится остросатирическим, причем критике подвергаются как датчане, так и гренландцы.

В 1908 г. было основано Гренландское литературное общество, в которое вошли 17 крупных эскимосских авторов. Под эгидой общества издавались произведения М. Сторха, первые труды Кнуда Расмуссена (краткие описания путешествий, двухтомная «Этнография» и др.), Ф. Люнге («Жизнь Х. Эгед») и др.

Весьма необычным по жанру был роман А. Люнге «300 лет спустя» (1931 г.), детективный сюжет которого завершился в 1972 г. и в котором наряду с весьма точными и колоритными зарисовками современной автору

Гренландии отражены его представления о светлом будущем острова.

В более поздних романах учителей П. Петерсена, Ф. Нильсена (ныне — директор Гренландского радио), К. Хейман, новеллах рыбака П. Гундела, О. Сандгрена помимо чисто художественных достоинств ценны чрезвычайно живые и правдивые картины из жизни охотников и рыбаков со всеми различиями, присущими ей в отдельных областях острова. Эти произведения пользовались большой популярностью в довоенной Гренландии именно благодаря своей народности и безыскусной правдивости. Не менее популярным стало новое трехтомное собрание мифов и преданий, записанных К. Люнге, «Окалугтуант окавалавило» (1938—1939 гг.), как и первая история эскимосов Б. Люнге (1935 г.), и воспоминания шамана Аутдларутаса, изданные поэтом и прозаиком К. Поульсеном (1951 г.).

Крупнейшим эскимосским поэтом первой половины XX в. был Х. Лунд (1875—1949 гг.). Обладая большим поэтическим талантом, будучи одаренным художником и композитором, Х. Лунд особенно активно поднимал в своем творчестве вопросы будущего Гренландии. Своими стихами он звал к борьбе с архаизмами в обычаях и предрассудках в морали, к возделыванию земли и разведению скота, к сохранению эскимосского языка в чистоте и превращению его в государственный. Публицистический заряд, присущий его лучшим творениям, попал точно в цель, возможно, потому, что Х. Лунд был и политиком, защищая интересы земляков, как член ландсрода. Лирические же произведения, часто положенные им на свою музыку, внешне далеки от жгучих проблем острова. Они проникнуты любовью к родному краю, как и его великолепные акварели, темой для которых чаще всего служило побережье в безветренную погоду. В 1939 г. Лундом было написано стихотворение «Наша древняя родина», одухотворенное идеей общности всех эскимосов и ставшее национальным гимном гренландцев.

Ученик Р. Бертельсена, поэт и композитор И. Петерсен, отразил в своем творчестве все проблемы Гренландии середины XX в. С одной стороны, он прославлял свою родину, эскимосский образ жизни, традиционные этику и эстетику, с другой — признавал в любви к «Матери-Дании», принесшей «свет своим гренландцам-детям, без которого они уже не мыслят жизни». Он

призывал молодых эскимосов активно бороться за прогресс родины, овладевая для этого датским языком, приобщаясь к культуре братского народа, других стран мира. В публицистике И. Петерсена мы находим ряд положений, аналогичных разработанному в советской филологии учению о единстве мирового литературного процесса и общих закономерностях развития всемирной литературы.

Традиционные мотивы характерны для творчества П. Ольсена: поэт обратился к языческому, наиболее древнему периоду народного творчества, воспевая в своих поэмах подвиги героев эскимосских преданий (цикл о Кагсакссуке).

В военные годы вышел сборник стихов Ф. Нильсена «Небо, земля, море и все остальное». Поэт стал известен не только в Гренландии, но и в оккупированной фашистами Дании благодаря стихотворению «Страна моя, страшишься ли ты ночи?», в котором он звал к твердости в борьбе с врагом. Некоторые стихи Нильсена (например, «Что получил я от тебя?») предостерегают от культурного сближения с Данией — таково мнение литературной критики Гренландии.

К одному из древнейших видов искусства, корни которого уходят в магические действия людей каменного века, принадлежит эскимосская драма. Утратившая в значительной мере связи с фольклорным творчеством, она тем не менее остается народной в своей тематике. Впрочем, в некоторых пьесах авторы откровенно обращаются к феериям языческой древности (работы 1930-х годов К. Хейльмана).

Ряд пьес, написанных Х. Люнге в более современном ключе, был переведен на датский язык (первая — «Отец и сын» — еще в 1937 г.) и ставился на датской сцене. Драмы «Любить свою родину», «Ее получит тот, кто будет первым» отмечены глубоким психологическим проникновением в любовную коллизию, мистическую красоту язычества, борьбу страстей. «Наварана» поновому раскрывает духовный мир женщины, которая, согласно легенде, предала свой народ и была им уничтожена. Исполненная впервые в Юлианехобе в годы войны, драма воспринималась как призыв к верности своей родине перед чужеземной угрозой. Первая эскимосская опера «Красавица», либретто и музыку к которой сочинил Х. Люнге, также высокопатриотична: в ней языческие, колдовские силы одерживают верх над

чужеземным тираном, апофеоз пьесы — торжество любви юной Кунерон и ее избранника, олицетворяющих эскимосский народ.

В послевоенные годы стал известен благодаря своему сборнику эпической поэзии «Во мраке язычества» В. Вилладсен. Драматические сюжеты двух первых частей книги (избиение эскимосами переселенцев-норманнов и пережитки кровной мести в Восточной Гренландии в XX в.) были использованы им для страстного протеста против стремления обособиться, заковать себя в рамки мертвых традиций, не допустить сближения с иными культурами.

Творчество молодых поэтов М. и К. Ольсенов отражает мировоззрение гренландцев нового типа, получивших образование в Дании и многое заимствовавших от высокой культуры датского народа. Более конкретные проблемы современности (в основном недостатки, пороки в новых, европейского типа городах) освещены в творчестве А. Петруссена. Схожие темы (двуязычие, моральные сдвиги, некоммуникабельность) волнуют А. Меллера, А. Люнге, О. Корнелиуссена.

В целом состояние гренландской литературы кратко и точно охарактеризовал в предисловии к своей книге «Наша проза и поэзия до 1956 г.» К. Бертельсен: «Современная форма повествования развилась у нас под влиянием датской культуры. Стихотворные формы также пришли от датчан, многие стихи имеют датскую мелодику. Язык современной поэзии не нов, но что касается его ритмичности и цели поэзии в целом, то у нас они стали общими».

Однако закономерность культурного обмена, которая в общем ясна старшему поколению, не всегда принимается молодыми, не знавшими тяжелого прошлого, видящими в современности прежде всего ее недостатки и нередко пытающимися найти идеал в утопии, в отказе от борьбы за прогресс Гренландии:

«Прочь от этих высоких домов,
Прочь от этих людей-чудаков.
Дождь? Пустяк — я в дорогу готов!
Свистну я, как шаман, во всю мочь
И уеду в ненастную ночь,
И уеду из города прочь».

(М. Хег, перевод В. Возгрина)

В настоящее время в Союз писателей Дании входит 50 эскимосов. Премия Союза в 1979 г. была присуждена

молодому гренландскому прозаику И. Росингу за цикл исторических повестей и публикаций антологий народной поэзии и прозы.

Готхобский Институт эскимологии и творческая интеллигенция Гренландии уделяют большое внимание сбору и популяризации народной музыки. Каждое лето вдоль побережья, от стойбища к стойбищу, кочуют фольклорные экспедиции. Наиболее наглядный результат их деятельности — вышедший в 1980 г. альбом пластинок «Музыка стойбищ».

Кроме древней, уходящей корнями в ритуальные песнопения эскимосской музыкальной традиции в настоящее время внимание музыковедов все больше привлекают ансамбли, делающие попытки синтезировать народные мелодии и современные ритмы. Ведущее место среди многих ансамблей занимает молодежная группа «Суме», талантливые авторы и исполнители которой большое внимание уделяют и постоянной упорной работе над текстовым материалом. Уже вышли две пластинки группы с песнями «борьбы против империализма, за прогресс», который молодежь не отделяет от социалистического пути развития, ибо, как поется в одной из их песен, «не быть Гренландии свободной, пока не отменят частную собственность!».

Из других творческих коллективов в области современного джаза ныне успешно работает оркестр «Питисуккут»; более традиционны в своем репертуаре ансамбль «Иннеруулат» и женская группа «Килут». Молодежный ансамбль «Мик» постоянно выступает на Датском телевидении и в телепередачах других скандинавских стран — успех к нему пришел после победы на фестивале Сен-Ремо.

Профессиональный драматический театр «Тукак», когда-то начинавший с переводных пьес, в настоящее время строит свой репертуар исключительно на пьесах эскимосских драматургов.

Книгоиздательское дело на острове находится в руках принадлежащего местному правительству «Гренландского издательства». Издательство располагает собственной типографией, в которой в 1957—1977 гг. было напечатано только на эскимосском языке 200 книг; за последующие два года было всего выпущено 260 книг, из них художественных — 41 (24 — на эскимосском, 9 — двуязычных и 8 — на датском), по географии и истории острова — 36, об искусстве Грен-

ландии — 16, социальных исследований — 21 и т. д. Книги на эскимосском выходят, кроме того, в Дании — в 1973 г. их вышло 40 названий.

На двух языках ведет вещание Гренландское радио (соотношение времени 4:1 в пользу эскимосского языка). Содержание передач состоит на 75 % из местного материала, на втором месте «Новости мира», на третьем — информация о Дании. Прямое вещание (с помощью кабельных ретрансляторов в Марморилийке и Ангмагссалике) доступно для всех населенных пунктов, кроме Туле и Скорсбисунна, куда магнитоленты передач доставляются авиацией, вследствие чего здесь новости запаздывают на несколько часов. Кроме того, с января 1981 г. копенгагенская «Радиогазета» на длинных волнах также выходит на двух языках.

Радиовещание в Гренландии ведется около 14 часов в день; треть этого времени занимают музыкальные передачи, 16 % — новости, 10 % — литературные и культурные передачи, 10 % — датское радио, 7 % — молодежные и детские передачи. С 1958 г. Гренландский радиопункт размещается в современном здании, где располагает 4 студиями, концертным залом, музыкальным фондом в 20 тыс. пластинок и крупнейшим в мире архивом магнитофонных записей эскимосских песен, преданий, мифов, рассказов, записанных в стойбищах.

Готхобский киноцентр подчинен Гренландскому союзу просвещения. В его задачу входят покупка и распространение фильмов между 73 киноточками острова; 97 % населения может смотреть фильмы в своем городе, поселке, стойбище.

Телевизионная сеть охватывает 17 городов и поселков острова, абонемент довольно дорог — 90 крон в месяц; его имеет лишь пятая часть семей этих городков. Записи большинства передач поступают из Дании. Лишь пятую часть передач готовят на месте (в основном — учебные).

Обращаясь к важной теме просвещения в Гренландии, необходимо отметить, что путь к массовой эскимосской школе был длителен и нелегок. О создании сети приходских школ мечтал еще Х. Эгед, однако лишь спустя век после его смерти можно было отметить первые успехи на этом поприще. Основной трудностью всегда был недостаток учителей. Только после многих лет работы двух учительских семинарий (Готхобской и Якобсхавнской) директор одной из них смог заявить

в 1856 г., что население Гренландии в целом может читать и писать.

Несмотря на это достижение, гренландская школа конца XIX — начала XX в. оставляла желать лучшего. Дети занимались в тесных, холодных, плохо оборудованных помещениях, учили их в основном лишь чтению и письму, скромные успехи гренландского просвещения были достигнуты лишь за счет тяжелого и крайне низко оплачиваемого труда первых эскимосских учителей — катекетов, бывших настоящими подвижниками. Лишь в 1925 г. начальная школа была дополнена еще двумя классами, а в семинариях произошло разделение на преподавательский и «реальный» потоки.

Следующее значительное изменение в школьном деле произошло в 1950 г. Согласно новому закону, школа отделялась от церкви, вводилось обязательное семилетнее образование. Для выпускников открывались двухлетние курсы, готовившие их к поступлению в четырехлетнюю реальную школу, аналогичную датской. Датский язык был одним из предметов в начальных классах, а в старших на нем преподавали все предметы, кроме эскимосского языка и закона божия. Усиление роли датского языка произошло в результате настойчивых требований родителей выучить их детей языку, могущему стать средством контакта с окружающим миром и общей основой для культурного развития страны. Но часть гренландской общественности не была удовлетворена подчиненным положением в школе эскимосского языка; проблема эта бурно дебатировалась на всех уровнях в течение последующих 15 лет. Выработанный в ходе дискуссии школьный закон 1967 г. предусматривал возможность получения десятилетнего образования, срок обучения в реальной школе сокращался до 3 лет, подготовительные классы остались двухлетними, прием в них был открыт для выпускников 6—7-х классов. Система дошкольного образования предусматривала учреждение подготовительных групп везде, где заявленные подадут не менее 10 местных жителей. Для детей из мелких стойбищ расширялось строительство школ с интернатами. Эскимосский язык становился языком преподавания, но предусматривалась замена его датским в начальных классах, если того пожелает родительский комитет или в случае нехватки говорящих по-эскимосски преподавателей.

Повышались требования и к эскимосским учителям.

лям — они должны были теперь иметь кроме семинарского десятилетнего, или «реального», образования специальную четырехлетнюю подготовку, причем один курс проходить в Дании. Такое образование давало им права, равные с правами датских учителей.

Новые требования, увеличив сроки подготовки учителей, ухудшили положение с преподавательским составом, которого и без того не хватало в связи с резким увеличением относительного количества детей в 1950—1960 гг. Не изменилось и ненормальное положение с национальным составом преподавателей — датчан было в два с лишним раза больше, чем эскимосов (1968 г.), отчего в большинстве школ преподавание велось на датском. В наиболее удаленных стойбищах по-прежнему часто преподавали малоквалифицированные учителя или просто грамотные люди без профессиональной подготовки.

В настоящее время количество школ и интернатов относительно соответствует потребности населения в получении среднего общего образования: среднее число учеников в классе не менее 16 человек; всего на острове около 100 школ на 13 тыс. учеников и 4 интерната для старших учеников средней школы¹. Большинство учителей — датчане, не знающие или слабо знающие эскимосский язык (в 1974 г. из 900 педагогов 500 говорили только по-датски). В настоящее время положение меняется благодаря деятельности педагогических семинарий (только Готхобская (Нуукская), в которой занимаются 240 эскимосов, выпускает в год 100 преподавателей), а также Нуукского педагогического института.

Основная проблема гренландского образования лежит ныне в программно-методической плоскости. Содержание и функциональное направление учебных программ находятся в зависимости от основной цели обучения, характеризующейся здесь известной двойственностью. С одной стороны, программа должна базироваться на гренландских предпосылках (это означает усиленное изучение эскимосского языка и культуры), с другой — школа должна обеспечить для учеников возможность обучения в вузах Дании. Ситуация такова, что усиление внимания к одной из сторон неминуемо

¹ Мы не касаемся здесь системы вечерних школ, составляющих существенную часть образования. Достаточно упомянуть о том, что каждый четвертый из взрослых эскимосов где-нибудь учится.

повлечет упадок другой. Сейчас уже подавляющее число юношей, выросших в городах и поселках, не имеют навыков ни в управлении собаками, ни в охоте. Но усилить упор на преподавание традиционных эскимосских ремесел без урезывания «современной» части программы невозможно. Сокращение же «европейских» предметов программы повлечет за собой неравноправие эскимосского выпускника по сравнению с его датским сверстником в отношении дальнейшего образования, перспектив в работе и т. д. В настоящее время обсуждается законопроект, цель которого решить эту проблему, а также привести систему гренландского образования в соответствие с недавно достигнутым статусом самоуправления. Проект предусматривает обязательное девятилетнее (без учета одного дошкольного класса) образование. Для желающих продолжать обучение будут учреждены еще два класса, где особое внимание должно уделяться профориентации. Сдача экзаменов здесь будет дифференцированной в зависимости от того, где и какого рода образование желает получить выпускник десятилетки. Проблему с организацией десятилеток на периферии предполагается решить созданием (на базе имеющихся в городах и поселках школ) филиалов-колледжей в каждой коммуне, чтобы старшеклассники не теряли ни времени на ежедневные поездки, ни возможности жить с семьей, что весьма важно для сохранения традиционной культуры общества. С этой же целью намечено повысить значение родного языка, на котором будет вестись все образование. Датский язык будет изучаться в качестве первого иностранного языка, второй (английский) язык будет изучаться лишь в колледжах. Общий уровень знаний, даваемый новой программой, должен быть аналогичным датскому, предоставляемому «народной школой» (не дающей права поступать в вузы без дополнительной подготовки и сдачи так называемых студенческих экзаменов).

Предусматривается создание в Гренландии нескольких «курсовых школ» (11-й и 12-й классы), где основное внимание будет уделено важнейшим предметам, входящим в «студенческий экзамен». Такое отделение «курсовых школ» от основной школы должно, по мысли эскимосских педагогов, препятствовать влиянию датской школы на гренландскую в области как объема, так и содержания программы. Новая программа устранил ряд трудностей, до сих пор считавшихся непреодолимыми

ми, поскольку общественность требовала, чтобы школа в одно и то же время не отчуждала учеников от общества, к которому они принадлежат, и готовила их к жизни в обществе будущего.

Существенным дополнением к гренландской системе образования является возможность завершить его в Дании. Широкое распространение эта практика получила в 1950-х годах в основном в области профтехобразования по причине неразвитости гренландской системы подготовки рабочей силы. С 1970 г., в особенности после открытия центральной профшколы в Готхобе, число эскимосов, обучающихся в Дании, резко упало.

В настоящее время в различных датских средних профтехучилищах постоянно обучается 600—800 молодых эскимосов. Все виды обучения и обеспечения их бесплатны. В Хеллерупе имеется Центральный клуб гренландского землячества, учрежденный еще Х. Ринком более 100 лет тому назад, — «Гренландский дом».

История гренландского здравоохранения (если мы исключим из нее знахарскую деятельность шаманов) имеет свои истоки в эпохе первых датских миссий на острове. Лекари миссий были невысокой квалификации; иногда в случаях эпидемий заразных болезней сюда выезжали опытные датские доктора. Визиты их были недолгими, но, используя последние достижения тогдашней медицинской науки, они часто оказывали местному населению довольно действенную помощь. Как свидетельствует К. Биркет-Смит, смертность среди эскимосов в начале XVIII в. резко уменьшилась. Самой опасной эпидемией столетия оказалась оспенная (конец XVIII в.), но всего лишь через три года после того, как англичанин Дженнер сделал сообщение об открытии им противооспенной вакцины, прививки были широко проведены в Гренландии и привели к тому, что опасность повторения эпидемии исчезла.

Постоянные должности государственных врачей были учреждены в Гренландии лишь в 1838 г., но вначале было два-три доктора на всю огромную территорию острова. Врачи должны были не только лечить, но и готовить из числа эскимосок акушеров для направления их в отдаленные стойбища.

Первая больница была возведена в Готхобе в 1856 г., в ней было три палаты и вмещала она 8 больных. Постепенно подобные больницы появились и в некоторых других пунктах острова, но строительство их велось

крайне медленно из-за недостатка средств. Так, в Якобсхавне больницы не было до 1904 г., и больные лежали в кое-как приспособленной для этого церкви XVIII в. Еще острее ощущалась нехватка врачей — к этому времени их было всего 6, медсестер не было совсем. Нагрузка на врачей была огромной. Смертность (главным образом от туберкулеза) в 20-х годах достигла 32 человек на тысячу. Эта старейшая болезнь гренландского населения приобрела в XX в. угрожающие масштабы (очевидно, в связи с переходом на непривычную, бедную протеинами, жирами и витаминами и богатую консервантами «магазинную пищу», и на европейскую тканевую одежду, и на еще менее подходящую к местным условиям обувь)¹.

Лишь начиная с 1950-х годов можно говорить о качественных переменах в гренландском здравоохранении. На территорию нового амта датского государства прибыла комиссия, признавшая нецелесообразность модернизации примитивных амбулаторий. Было решено целиком обновить всю больничную систему. Для руководства как строительством, так и работой больниц было образовано Управление здравоохранения Гренландии, которое распорядилось отпускаемыми средствами, исходя из местных нужд.

В 1963 г. общее число больничных коек достигло 650, врачей — 46, вдоль побережья курсировали два парохода с рентгеновскими кабинетами. В крупных стойбищах появились и медсестры, оказывавшие первую медицинскую помощь. Окружной врач должен был посещать входящие в его участок стойбища, но участки были велики, так что некоторым врачам приходилось за год проезжать на санях расстояния свыше 12 тыс. км. Летом задача облегчалась «врачебными катерами».

В 1960-х годах начал функционировать больничный центр на базе значительно расширенной Больницы королевы Ингрид в Нууке. Там пациент может получить практически любую медицинскую помощь. Однако до сих пор практикуется отправка особо сложных больных

¹ Мнение о том, что туберкулез к эскимосам «занесли» европейцы, с точки зрения науки совершенно необоснованно. Контакты имели многовековую историю, а смертность резко возросла лишь в XX в. Ранее эскимосы были к этой болезни в массе невосприимчивы, хотя отмечены случаи находок останков туберкулезных больных в захоронениях XV в.

в стационары Дании; в 1976 г. число таких пациентов достигло 390.

В системе детского здравоохранения в настоящее время насчитывается 16 (по числу округов) поликлиник-больниц, 8 детских амбулаторий-консультаций и 5 санаториев.

Перед здравоохранением Гренландии стоит еще немало проблем. Смертность грудных детей (70 человек на тысячу) аналогична датским показателям в 1920-х годах, но в три раза выше, чем в современной Дании. Причина этого не в необеспеченности населения детскими врачами (их сейчас на тысячу человек столько же, сколько в Дании), а в неблагоприятных экономических условиях, а также в холодном климате. На это указывает медицинская статистика — в Гренландии опасность умереть в детском возрасте от травм на транспорте ниже, чем в Дании, а от воспаления легких — в 60, от менингита — в 100 раз выше. Если в Дании в среднем 15 % госпитализированных — дети, то в Гренландии их — половина от всех лежащих в больницах.

Другие необычные данные медицинской статистики¹ в Гренландии, а также вопросы изменений в человеческом организме под влиянием сурового климата явились причиной начавшихся в 1968 г. обширных медицинских исследований на острове. Вначале они велись под эгидой международного «Северного комитета сотрудничества в арктических медицинских исследованиях», от которого в 1970 г. отпочковалось «Датское общество медицинских исследований в Гренландии». Это общество содействует гренландскому здравоохранению не только в теоретических вопросах и планировании, но и в практической деятельности врачей.

В настоящее время основной проблемой для гренландского здравоохранения является не тяжелый климат и даже не удаленное положение острова от медицинских центров Европы, а сильная рассредоточенность малочисленного населения. Многие стойбища не только далеки от поселков, но и отрезаны от них большую часть года. Другие проблемы — во многом результат проблем социальных, а не чисто медицинских (алкоголизм, распад семей и др.).

¹ Эскимосы совершенно не страдают одними болезнями (тромбофлебитом, диабетом и др.), но больше европейцев подвержены другим (например, глаукоме).

Анализируя упомянутые в данной главе изменения в различных областях гренландской культуры, их направленности и перспективах развития, нельзя не прийти к выводу, что культурные преобразования, это неизбежное следствие перемен в социально-экономической основе, не делают столь же неизбежной отмену традиционных культурных ценностей. Гренландцы прилагают большие усилия к тому, чтобы сохранить те из них, которые не входят в прямое или косвенное противоречие со всем современным укладом. Более того, этот уклад, как и в других развивающихся странах, представляет новые возможности к оживлению, развитию тех традиций, что имеют в принципе гуманный и демократический характер.

«Всякая нация может и должна учиться у других», — писал Карл Маркс в предисловии к первому тому «Капитала»¹. Гренландская культура, с одной стороны, обогащается в процессе культурного контакта эскимосского и европейских народов, с другой — обретает более прочную базу в результате социально-экономических и научно-технических заимствований. Тем самым она впервые получает реальную возможность превращения из объекта воздействия на нее европейской культуры в одного из участников процесса культурного творчества не только в национальном, но и в мировом масштабе. Пока это только тенденция к сдвигам в сторону эквивалентности культурного обмена. Но с каждым годом, с каждой новой эскимосской книгой или международной выставкой, с развитием туризма в Гренландии и т. д. эта тенденция становится все более стабильной и уверенной.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

Гренландия глазами географа

В предыдущих главах этой книги Гренландия рассматривалась в целом, без учета межрайонных различий. Между тем совершенно очевидно, что такие различия существуют и что они довольно велики в пределах острова, вытянутого на 2500 км с севера на юг и на 1300 км с запада на восток. В этой связи надо, кстати, заметить, что размеры свободной ото льда территории в Гренландии до недавних пор преуменьшались. В официальной статистике указывается общая площадь этого острова — 2 175 600 км², включая 341 700 км² земель, не покрытых льдом. Такие показатели можно увидеть во многих изданиях. Между тем в результате детальных измерений по новым топографическим картам датский географ Б. Фриструп оценил площадь Гренландии в 2 186 000 км², в том числе свободная ото льда территория занимает 386 000 км². Исходя из этих данных, можно заключить, что подлинная суша в Гренландии по своим размерам превышает такие европейские страны, как Великобритания, Норвегия или Финляндия, и лишь немногим уступает Швеции.

В пределах «неледниковой» Гренландии географические контрасты во многом предопределяются климатическими условиями. На севере Гренландии выпадает в 10 раз меньше осадков, чем на юго-западе. Средние июльские температуры воздуха на крайнем севере 4—5° тепла, а на крайнем юге — около 10°. Зимой разница

температур еще более велика: средние температуры февраля на крайнем севере достигают 30° мороза, а на крайнем юге — 4°.

Естественно, суровые зимы на севере Гренландии сильно ограничивают развитие растений. Тем не менее в течение короткого вегетационного сезона (около 2 месяцев) там проявляется благотворное воздействие длинных полярных дней с хорошей освещенностью и теплообеспеченностью, поэтому флора этой части страны довольно богата.

Природные различия существенно проявляются и в пределах близлежащих территорий. Например, на юго-западном побережье летом преобладает прохладная дождливая погода, и там растут лишь травы, мхи и лишайники. Однако в вершинах долин и фьордов, где имеется надежная защита от ветров и немало солнечных дней, могут произрастать береза, рябина, ива и можжевельник, образующие небольшие рощи. В отдельных местностях здесь возможно земледелие и животноводство.

Благоприятные условия вегетации растений на юго-западе Гренландии во многом предопределяются отсутствием вечной мерзлоты. Граница сплошного распространения многолетнемерзлых грунтов проходит примерно вдоль 67° с. ш., южнее мерзлота встречается только локально. Зато на севере Гренландии мощность мерзлоты достигает 500 м (по данным бурения в районе Туле). Этот фактор оказывает большое влияние на хозяйственное освоение территории.

В условиях длительной ледовой блокады берегов острова наиболее выигрышное положение занимает юго-западное побережье благодаря проникновению туда теплого течения Ирмингера. В этом районе поддерживается постоянная навигация. Между тем на востоке Гренландии ледовая блокада снимается всего на несколько недель в году, и судоходство в этих водах сильно осложняется из-за обилия дрейфующих льдов.

При выделении межрайонных различий в Гренландии следует принимать во внимание особенности заселения и освоения территории, специфику ведения хозяйства и другие социально-экономические факторы. Так, например, переход от традиционных охотничье-промысловых занятий к рыбному хозяйству современного типа, осуществляемый с начала нынешнего века, наиболее ярко выражен в обжитой Западной Гренландии и прак-

тически мало затронул другие части острова. Небольшие группы местного населения продолжают там заниматься охотой и промыслом морских зверей, хотя, естественно, орудия и способы лова в нынешних условиях резко изменились.

Сдвиги в структуре хозяйства Западной Гренландии повлекли за собой перестройку издавна сложившейся системы расселения. Дисперсная сеть многочисленных мелких поселений, ориентированных на лов зверей на окрестной территории, сменилась сгустками крупных поселков, ставших центрами рыбного хозяйства. Дома в покинутых жителями стойбищах теперь используются только случайными охотниками и рыбаками. В последние годы в Гренландии возник ряд горняцких поселков в связи с разработкой минеральных богатств. Только в Восточной и Северной Гренландии еще сохраняются стойбища традиционных типов.

По комплексу природных и социально-экономических критериев Западную Гренландию можно рассматривать как самостоятельный географический район, резко отличающийся от других, менее обжитых и освоенных частей страны. Районоформирующая роль крупнейшего центра — Готхоба — пока сказывается в небольшой степени, но, вероятно, в современных условиях, предусматривающих расширение административно-управленческих функций, она существенно возрастет. Различия двух других выделяемых нами районов — Северной и Восточной Гренландии — в значительной мере предопределяются природными факторами и, кроме того, отражаются в существующей системе административного деления. Следует заметить, что Северная Гренландия обособляется и в военно-стратегическом отношении. В этом районе находится военная база США, и ее контингент по численности намного превосходит коренное население. В Восточной Гренландии кроме немногочисленных гренландских поселений имеется разреженная сеть датских метеорологических станций и постов санной патрульной службы.

Западная Гренландия нередко считается воплощением типичных черт природы острова. Здесь широко распространены древние докембрийские кристаллические породы — граниты и гнейсы, местами перекрытые метаморфизованными песчаниками свиты Игалико и прорванные интрузиями нефелин-сиенитов (с ними связаны месторождения таких редких ископаемых, как криолит

у Ивигтута). Выработанные в этих породах темноцветные скалы, сглаженные и изборожденные льдом, слагают разнообразные формы рельефа. Это прежде всего нунатаки — острые пики и гребни, поднимающиеся над поверхностью льда и разделяющие выводные ледники. Обычно нунатаки придают ландшафту дикий, неприступный вид. Часто встречаются «бараньи лбы» — холмы с пологим длинным склоном, обращенным к леднику, и крутым коротким склоном противоположной ориентации. Эти холмы обычно располагаются крупными группами.

Длинные и узкие ветвистые заливы-фьорды, отличающиеся большой крутизной склонов и значительной глубиной, далеко проникают в глубь суши и придают ландшафтам необычайный колорит. Вместе с тем они создают немалые препятствия для наземного сообщения. Вдоль берега Западной Гренландии расстилаются бесчисленные острова и скалы, образующие шхерные архипелаги — скергоры. Они достигают наибольшего разнообразия у поселка Эгедесминне.

Совершенно иной облик имеют территории, сложенные амфиболитами и амфиболитовыми гнейсами (участок между Сёндре-Стрёмфьордом и заливом Диско и участок к северу от Уманака). Здесь древние складчатые структуры нередко прослеживаются в виде длинных гряд с разделяющими их долинами. Обширная территория, сложенная вулканическими породами — базальтами и туфами, охватывает остров Диско, полуострова Нугссуак и Свартенхук. Массивные участки гористой суши тут чередуются с широкими заливами и проливами. Ледниковая обработка базальтов сопровождалась образованием широких корытообразных троговых долин.

У берегов Западной Гренландии мощность ледяного припая зимой редко превышает 50—70 см. Льды начинают формироваться осенью, но штормы и приливы препятствуют их сплошному распространению, и обычно впервые припай только после Нового года приобретает такую устойчивость, что обеспечивает передвижение на санях через фьорды. На крайнем юге района сплошной ледяной покров у морских берегов держится недолго и отличается неустойчивостью, что облегчает работу ледоколов, которые обеспечивают зимнюю навигацию.

В Западной Гренландии сконцентрировано свыше $\frac{4}{5}$ всего населения острова, причем степень сосредото-

ния населения в крупных поселках наиболее высокая. По данным переписи 1976 г., в Гренландии насчитывалось 17 самых крупных городских поселков, из них на западе находилось 14. К их числу относятся Готхоб (8,4 тыс. жителей), Хольстейнсборг (3,7 тыс.), Якобсхавн (3,4 тыс.), Эгедесминне (3,4 тыс.), Суккертоппен (3 тыс.), Фредериксхоб (2,4 тыс.), Нарссак (1,85 тыс.) и Кристиансхоб (1,7 тыс.).

За последние 20 лет число жителей в этих поселках возросло в 1,5—3 раза в связи с развитием рыбного хозяйства и сооружением рыбоперерабатывающих предприятий. Одновременно были построены портовые причалы, предназначенные для больших судов (до этого у ряда поселков были только якорные стоянки). Наиболее значительные предприятия по переработке рыбы были созданы на юго-западе в Готхобе, Фредериксхобе, Суккертоппене, Хольстейнсборге, Эгедесминне, Кристиансхобе и Якобсхавне. Там налажено производство мороженой рыбы и рыбных консервов, и эта продукция пользуется большим спросом на внешних рынках.

Развитие рыбного хозяйства сопровождалось коренной ломкой традиционного уклада жизни гренландцев. Процесс ликвидации мелких охотничье-промысловых стойбищ в Западной Гренландии зашел наиболее далеко, и во многих местностях почти все эти поселения в настоящее время заброшены. Миграция коренного населения в крупные поселки вызвала жилищный кризис. Даже некоторые датские исследователи обращали внимание на плохие жилищные условия гренландцев в этих поселках, на распространение венерических заболеваний, рост преступности и алкоголизма — неизменных спутников цивилизации в капиталистическом мире.

Поселки Западной Гренландии чаще всего расположены в устьях фьордов, иногда на прибрежных островах. Застройка носит довольно хаотичный характер и во многом предопределяется рельефом. Местами среди массивов домов возвышаются группы скалистых холмов, заметно оживляющие ландшафт. Обычно вдоль главной улицы, поднимающейся от берега моря, или в самом центре поселка размещены административные здания, магазины, банки, а поодаль находятся жилые кварталы. Самой строгой планировкой отличается главный административный центр Гренландии — Готхоб, где построен ряд многоэтажных зданий.

Изменения в экономической структуре Западной Гренландии предопределили также перестройку транспорта. Наибольшее значение приобрел воздушный транспорт. Было организовано регулярное воздушное сообщение с Данией и США. Главным аэропортом страны стал Сёндре-Стрёмфьорд, созданный на месте переоборудованной американской военно-воздушной базы, которая была передана Дании в 1954 г. Сообщение между крупными поселками Западной Гренландии поддерживается с помощью вертолетов, причем основным узлом этих сообщений тоже является Сёндре-Стрёмфьорд.

Для перевозок массовых грузов по-прежнему важное значение имеет морской транспорт. Из-за изменчивой ледовой обстановки у юго-западного побережья Гренландии и частых штормов в полосе к югу от мыса Фарвель морской путь в Гренландию считается одним из самых опасных в мире, и в этой части Атлантического океана часто случаются кораблекрушения. Несмотря на осложняющие обстоятельства, судоходство в этих водах ведется круглый год, причем зимой и весной рейсы судов прокладываются в обход зоны штормов и айсбергов, расположенной непосредственно к югу от мыса Фарвель.

В Западной Гренландии можно выделить три подрайона. Самый южный из них с центром в Юлианехобе — единственный, где имеются некоторые возможности для ведения сельского хозяйства. Для этого, естественно, прежде всего необходимо располагать подходящими землями. На крайнем юге, у мыса Фарвель, таких земель практически нет, до недавнего времени там существовали только поселения тиленебоев. Ныне этот промысел пришел в упадок. Несколько севернее, в округах Юлианехоб, Нанорталик и Нарссак, где в X—XV вв. существовали норманнские поселения, получили развитие рыболовство, овцеводство и овощеводство.

На юго-западе рыболовство ведется круглый год в прибрежных частях моря и во фьордах. Основные виды добычи — треска, палтус, зубатка, морской окунь. В последние годы расширился лов лососевых рыб и креветок. В начале XX в. с Фарерских островов на юго-западное побережье Гренландии были завезены овцы, которые неплохо приспособились к местным условиям. Овцеводческие хозяйства приносят немалую прибыль,

хотя в наиболее суровые зимы из-за нехватки кормов бывает массовый падеж скота. В 1980 г. здесь насчитывалось 85 овцеводческих хозяйств, а общие размеры поголовья овец достигали 45 тыс. По оценкам экспертов, возможно дальнейшее расширение площади пастбищ, и на этой основе намечается создание новых овцеводческих хозяйств.

В отдельных местностях на юго-западе Гренландии выращивают картофель и некоторые овощные культуры. Площадь обрабатываемых земель не превышает 70 га. В последние годы были проведены работы по лесоразведению. Только в районе Юлианехоба было высажено свыше 20 тыс. хвойных деревьев.

В массиве Кванефьеллет близ Нарссака обнаружены залежи урановой руды (с содержанием 300—340 г окиси урана в 1 т). Общие запасы руды оцениваются в 27 тыс. т. В качестве сопутствующих элементов встречаются ниобий и бериллий. На пути освоения этого месторождения возникают немалые сложности, главным образом в связи с разработкой методов извлечения руды. Первые партии руды были добыты в 1980 г.

Всемирно известное месторождение криолита у Ивигтута, эксплуатировавшееся свыше 100 лет, в настоящее время полностью истощено, но продолжается вывоз ранее добытой руды.

Крупный аэропорт на крайнем юго-западе Гренландии — Нарссарсуак был создан на месте американской военно-воздушной базы «Блю-Вест-1». Он имеет регулярное сообщение с Копенгагеном и Рейкьявиком.

В Центральном подрайоне, расположенном на участке от ледника Фредериксхоб-Исблинк до 68° с. ш., есть ограниченные возможности для развития оленеводства и овцеводства во внутренних частях фьордов. Однако основу хозяйства составляет рыболовство, которое ведется на прибрежных отмелях, богатых треской. Основная часть улова доставляется в Суккертоппен, который является крупнейшим в Гренландии центром переработки трески. Ограниченное значение в районе имеет промысел тюленей.

Город Готхоб, административный центр Гренландии, в шутку называют «самой маленькой столицей самого большого острова Земли». У входа в порт сохранился дом Ханса Эгедэ, а рядом находится группа зданий, построенных датчанами в прошлом. На главной улице — Конгсвайен размещены банки, техническое учили-

ще, гостиница, крупные магазины. Близ церкви на скале возвышается бронзовый памятник Хансу Эгедэ.

За последние 10—15 лет Готхоб сильно вырос. Построены новый морской порт и аэропорт. Имеются кооперативные предприятия, дом связи, больница, спортивные залы и стадионы. Новая застройка жилых кварталов осуществлялась по четкому плану, реализованному в духе скандинавских традиций. Долгое время сооружались трехэтажные дома, однако с начала 70-х годов перешли на строительство шестиэтажных зданий.

Несмотря на значительные масштабы строительства, жилья в городе не хватает прежде всего из-за постоянного притока мигрантов из других частей острова. Оторванные от традиционных занятий гренландцы с трудом привыкают к жизни в городе.

Второй по величине поселок Центрального подрайона — Суккертоппен по праву называют «гренландской Венецией». Он находится на одном из островов в шхерном архипелаге. Соседние острова надежно защищают порт от штормовых волн, что благоприятствует судоходству. Суккертоппен был основан в середине XVIII в. на месте нынешнего поселения Кангамиут. Название Суккертоппен в переводе с голландского означает «сахарная голова». Оно было дано голландскими моряками, которые обратили внимание на причудливую форму соседней горы. В 1781 г. поселок был заново отстроен на нынешнем месте.

Современный Суккертоппен отличается весьма компактной застройкой. В нем четко обособляется деловой квартал. Построен ряд многоэтажных жилых зданий. Порт и рыбокомбинат отстоят от основной части поселка. Перспективы дальнейшей застройки ограничены из-за пересеченности рельефа, о чем свидетельствует гренландское название поселка — Манитсок — в переводе «неровный». Должно быть, именно поэтому в Суккертоппене довольно рано перешли к постройке высоких домов.

Значительный по размерам поселок возник у крупнейшего гренландского аэропорта Сёндре-Стрёмфьорд, расположенного на выположенном участке водно-ледниковой дельты в верховье одноименного фьорда. В этом районе благоприятные микроклиматические условия обеспечивают посадку самолетов в 97 % случаев без помощи приборов. Жители поселка целиком связаны с обслуживанием аэропорта.

В окрестностях Сёндре-Стрёмфьорда водятся овцебыки, переселенные в 60-х годах из Восточной Гренландии. Овцебык — колоссальное животное весом до 350 кг, хорошо приспособленное к существованию в приледниковых местностях. Эти животные дают много мяса и лучшую в мире шерсть, по качеству превосходящую кашмирскую. В настоящее время овцебыки находятся под охраной закона.

Северный подрайон Западной Гренландии в основном охватывает местности, сложенные базальтами и туфами: остров Диско, полуострова Нугссуак и Свартенхук. В этом подрайоне выделяются нагромождения высоких базальтовых скал, разбитых трещинами и увенчанных снегом и льдом. При движении ледников в местностях, сложенных вулканическими породами, возникли широкие троговые долины. В случае слияния верховий трогов разной ориентации образовались острогранные пики — карлинги.

В Северном подрайоне лов трески ведется в ограниченных масштабах. Зато получил развитие промысел креветок. Основной район их концентрации — Амерлокфьорд у Хольстейнсборга. Богатые запасы креветок обнаружены также в заливе Диско на глубине 350—400 м, где температура воды достигает 1,0—2,5° С. Улов доставляется в Кристиансхоб, где находится фабрика по консервированию креветок, оснащенная новейшим оборудованием. Кроме того, в этом поселке создано крупнейшее в Гренландии рыбопроизводное предприятие. Оно ежегодно поставяет 2 млн. мальков палтуса, лососевых и других ценных видов рыбы.

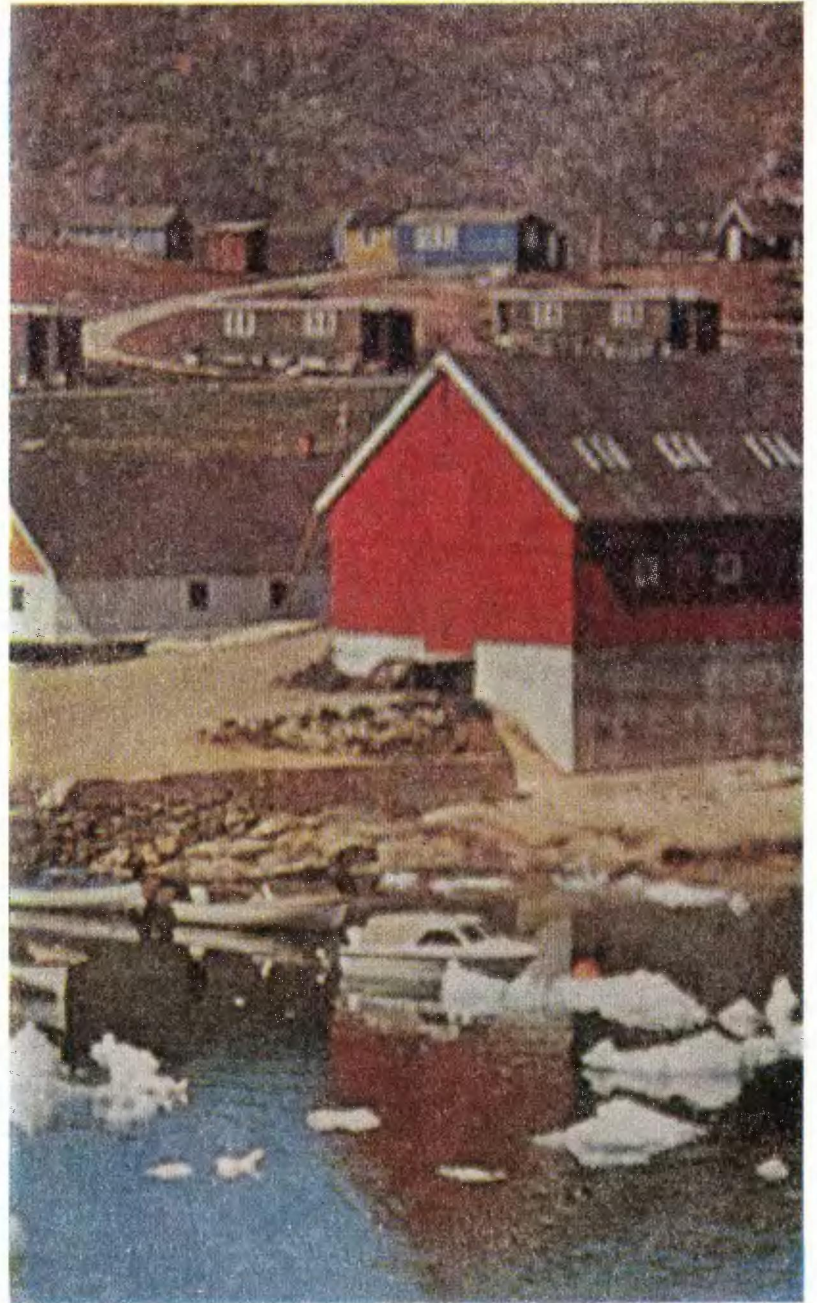
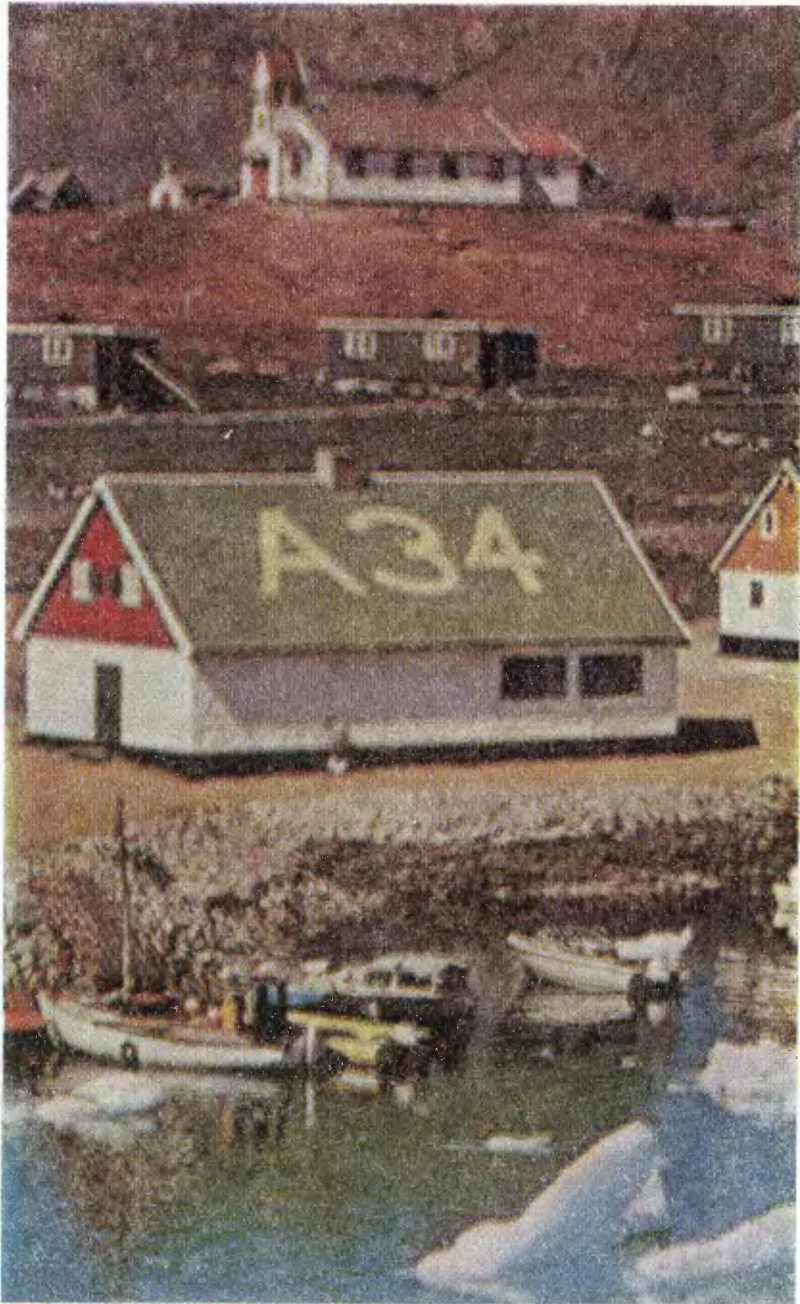
На острове Диско в Кутдлугссате и некоторых других местностях до недавних пор разрабатывались богатые залежи каменного угля. В период топливно-энергетического кризиса 70-х годов добыча угля была свернута, однако недавно вновь возобновился интерес к эксплуатации этих месторождений.

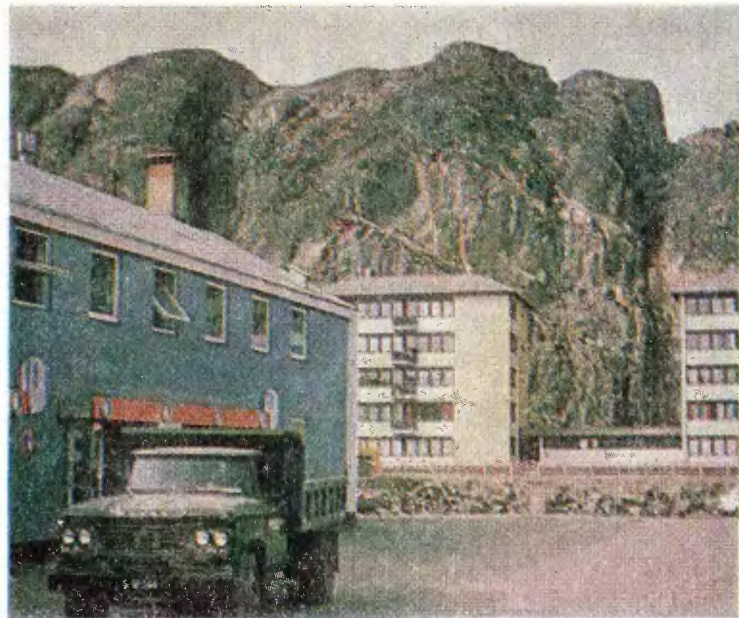
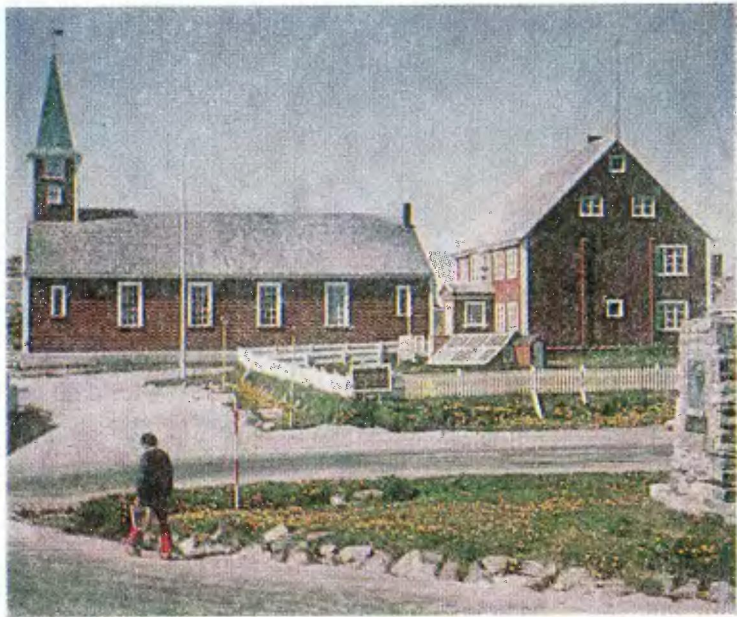
В Марморилийке имеются каменоломни, в которых добывают мрамор. Здесь же построен крупный комбинат, разрабатывающий богатые залежи свинцово-цинковых руд.

В прошлом центром рассматриваемого подрайона был поселок Годхавн на острове Диско. Он находится в живописной местности, откуда открывается вид на фьорд и окрестные горы, сложенные пластами базальтов. Красные деревянные домики поселка вписываются

Летний вечер в Упернавике

В каждом крупном селении есть
деревянная церковь

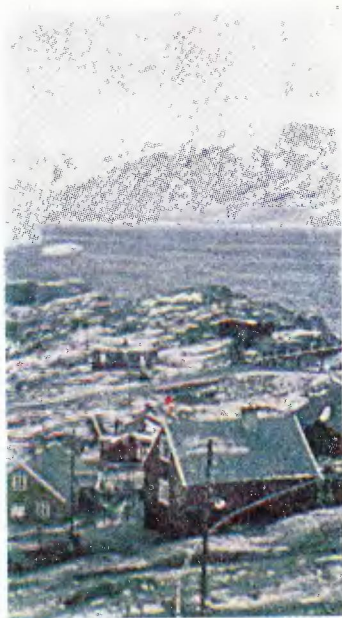
Дом с основанием из природ-
ного камня

Многоэтажные дома в Готхобе

Фредериксхоб

Поселок Ангмагссалик

Развалины старого дома

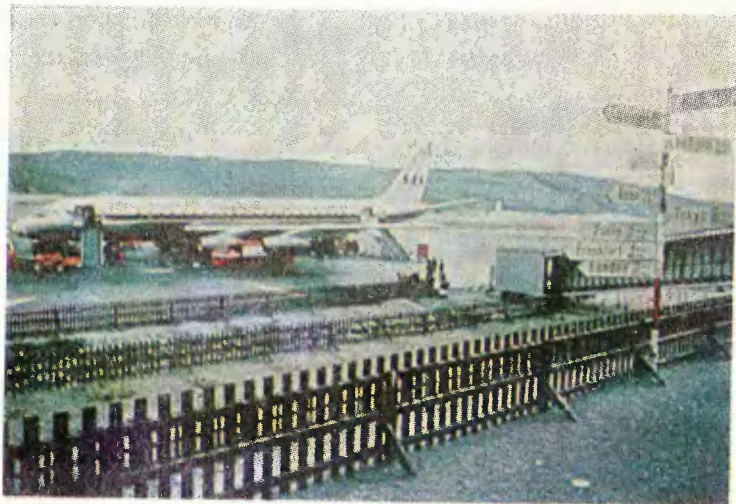

◀ Юлианехоб

◀ В одном из фьордов

В аэропорту

Авиация связывает Гренландию со многими странами

в этот ландшафт. В Годхавне действует научный стационар Копенгагенского университета. Это крупный центр датских исследований в Арктике. Здесь ведутся работы по биологии моря, экологии растений, орнитологии, энтомологии и др.

На крайнем севере подрайона (Уманак — Сёндре-Упернавик) местами еще сохраняют свое значение охота и промысел морского зверя.

Северная Гренландия как самостоятельный географический район занимает наиболее обособленное положение. Суровая ледовая обстановка препятствует развитию морских связей не только с Европой, но и с соседними островами канадской Арктики. В зимние месяцы льды достигают мощности 2,5 м, многие фьорды забиты льдом, который не вскрывается даже в разгар лета.

В строении района преобладают обширные плато, сложенные осадочными породами — песчаниками, известняками, сланцами и доломитами. Они мало устойчивы к денудации, поэтому преобладают сглаженные формы поверхности с широкими долинами и крупными котловинами. Участки, свободные от льда, на севере Гренландии представляют собой арктические пустыни, подверженные интенсивной ветровой эрозии.

Коренное население района не превышает 1 тыс. человек и концентрируется на побережье полуострова Хейса. Основное занятие — охота на северных оленей и песцов, промысел тюленей и моржей. В этой части острова лучше всего сохранилась традиционная гренландская культура.

На берегу залива Инглфилд в 1951 г. была основана крупная американская военно-воздушная база Туле в соответствии с датско-американским соглашением «о совместной обороне острова». Американцы, оценив военно-стратегическое положение острова, появились в Гренландии еще в годы второй мировой войны. С помощью официальных властей Копенгагена они остались здесь и после капитуляции гитлеровской Германии. Окончательно укрепились США в Гренландии после присоединения Дании к Североатлантическому пакту, так как острову в наступательной атомной стратегии США придавалось и придается большое значение.

Только за один 1952 г. Пентагон израсходовал на сооружение базы в Туле около 1 млрд. долл. Модернизация этой базы в период 1958—1964 гг. потребовала еще

900 млн. долл. Как обычно, в подобных военных тратах было заинтересовано большое число фирм, входящих в сферу военно-промышленного комплекса (около 3 тыс. предприятий).

База на севере Гренландии — одно из важнейших звеньев всей системы американских вооруженных сил. Отсюда, по замыслам американских стратегов, бомбардировщики с ядерными бомбами могут проникнуть в пределы Советского Союза с севера и запада — через Скандинавию и Северный Ледовитый океан. Кроме того, на базе размещена система «ОЛ-5», контролирующая и направляющая полеты шпионских спутников НАТО. База Туле осуществляет и глобальную разведывательную деятельность против СССР и стран Варшавского Договора.

Для размещения многочисленного персонала базы американцы создали неподалеку от старого эскимосского поселка Туле современный город с таким же названием. Внешне он ничем не отличается от небольшого города в США и не имеет ничего общего с гренландскими и поселками. К центральной улице Делонг-авеню подходит система поперечных улиц, имеющих цифровую нумерацию. Кроме гостиницы «Норт-Стар», клубов и кинотеатров преобладают здания стандартного типа. Радарные установки размещены на скалах Дундас, возвышающихся над поселком. В 22 км к востоку от Туле находится складской комплекс «Камп-Тутто», используемый американской армией. Он создан непосредственно внутри ледника. В настоящее время Туле считается крупнейшей в Арктике базой межконтинентальных ракет.

Кроме упомянутой базы американцы в Гренландии располагают целой системой радарных станций, выполняющих роль передовых наблюдательных пунктов вооруженных сил США. В последние годы в связи с активизацией военных приготовлений на северном фланге НАТО были построены новые военные объекты.

Для обслуживания американских баз требуется значительный персонал, общая численность которого датскими экспертами оценивается в 10—15 тыс. человек. Это намного превышает численность местного населения, что вызывает ряд конфликтных ситуаций. Датский географ Й. Хумлум в свое время отмечал, что некоторые районы Гренландии на самом деле управляются американцами, а не датчанами.

Американское военное присутствие на острове, превращение Туле в один из важнейших плацдармов американской наступательной стратегии и шпионажа против СССР вызывают весьма резкое возмущение в Гренландии и Дании. Действия Пентагона втягивают Гренландию и ее население в зону повышенной опасности, угрожают насущным жизненным интересам гренландского народа.

Восточно-Гренландский район отличается исключительным разнообразием природы. Полоса свободных от льда земель в его северной половине значительно расширяется. Здесь у края ледникового щита горы достигают больших высот и отдельные вершины поднимаются на 3000 м над уровнем океана. По направлению к востоку высоты постепенно снижаются, появляются плосковершинные низкорослые массивы (до 1000 м), сложенные песчаниками, сланцами и базальтами. В некоторых местностях, в частности у Тиролер-фьорда, на поверхность выходят плотные кристаллические породы, и вершины гор становятся крутыми и острыми, как в Альпах.

На протяжении длительной истории формирования этой горной страны реки и ледники расширили и углубили понижения между отдельными горными массивами, которые затем были затоплены водами океана. Так возникла причудливо расчлененная береговая линия со множеством островов, проливов и заливов-фьордов. К вершинам фьордов подступают концы долинных ледников, и от них часто откалываются глыбы льда, плывущие в океане в виде ледяных гор — айсбергов. Столкновение с одним из таких гигантских айсбергов в 1912 г. привело к трагической гибели парохода «Титаник».

Климат края суров. На метеорологической станции Мюбукта (73°30' с. ш.) средняя температура самого холодного месяца (февраля) составляет минус 21,4 °С, а самого теплого (июля) — всего плюс 3,7°. Лето очень короткое. Около 10 месяцев в году средняя температура не поднимается выше 0°. Приведенные факты дают, однако, лишь самое общее представление о температурных условиях района. В теплые летние дни на прогреваемых солнцем склонах температура значительно превышает среднюю норму. Столь значительные температурные перепады чаще всего связаны со стоковыми ветрами, дующими на периферии ледникового покрова. Льды у восточных берегов Гренландии пол-

ностью не тают даже летом. Правда, в это время года образуются широкие польньи, по которым могут пройти небольшие суда. Такая навигация сопряжена с большим риском для жизни.

Летом на прибрежных равнинах расстилаются пышные ковры влажных лугов. Там можно встретить пушицу, лютик, кипрей, мак, дриаду. На склонах гор изредка попадаются небольшие куртины трав да пятна мхов и лишайников. Благодаря своей изолированности и малой освоенности восточное побережье Гренландии отличается богатым животным миром. Здесь встречаются небольшие стада овцебыков. Нередко заходят белые медведи. Много песцов, зайцев и леммингов. Во фьордах обитают тюлени и моржи. Исключительным разнообразием характеризуется мир птиц.

Хотя Гренландия была открыта около 1000 лет назад, ее восточное побережье оставалось совершенно неизвестным вплоть до начала XIX в. В 1822 г. английский китобой Скорсби на шхуне «Фейм» впервые достиг берегов фьорда, который ныне носит его имя. Там были обнаружены стада диких животных — овцебыков и северных оленей, а также следы недавно покинутого поселения гренландцев. Спустя год английский капитан Клаверинг проник далее к северу и открыл большой остров, который был назван в его честь. На южном берегу этого острова Клаверинг встретил небольшую группу эскимосов, которые ранее никогда не видели белых людей. Такую же изолированную группу эскимосов обнаружила датская экспедиция под руководством Г. Хольма в 1884 г. в более южной части побережья Восточной Гренландии, где спустя 10 лет был построен поселок Ангмагссалик.

Впоследствии европейцы неоднократно исследовали восточное побережье Гренландии. Особенно большое научное значение имела экспедиция под руководством Кольдевея в 1869—1870 гг., проникшая на северо-восток района. Здесь, однако, ни одного эскимоса не удалось найти. Причина исчезновения коренного населения на востоке Гренландии до сих пор остается загадкой для исследователей. Предполагают, что основной причиной был голод, но нельзя исключить и возможность их миграции в другие районы острова. Многочисленные памятники эскимосской культуры были обнаружены при археологической разведке во многих пунктах восточного побережья.

На востоке Гренландии полностью исчезли и северные олени, однако в этом случае найти причину гораздо легче. По мнению известного полярного исследователя В. Стефаунссона, массовый падеж оленей могли вызвать сильные продолжительные снегопады, а немногие оставшиеся в живых и сильно ослабевшие животные стали легкой добычей волков. Стефаунссон считает также, что вымирание немногочисленного эскимосского населения могло быть вызвано распространением какого-то инфекционного заболевания после общения с членами английской экспедиции (известно, что смертность в изолированных общинах бывает особенно высокой). Уцелевшие эскимосы могли погибнуть от голода.

В начале XX в. неосвоенным берегом Восточной Гренландии заинтересовались норвежцы. С 1908 по 1927 г. этот район посетили три норвежские экспедиции. И хотя первая зимовка на мысе Борлас-Уоррен была организована еще в 1910 г., деятельность норвежских зверобоев особенно активизировалась в конце 20-х годов с введением рациональной системы размещения промысловых баз и станций. Создание небольших станций вокруг центральной базы оказалось незаменимым подспорьем во время длительных переходов в условиях пересеченного рельефа. Эта система впоследствии была заимствована при организации санной патрульной службы в годы второй мировой войны. Эта служба, известная под названием «Сириус», функционирует и в настоящее время.

К началу 30-х годов экспансия норвежских промысловиков распространилась практически на все восточное побережье Гренландии, тогда как попытки датчан обосноваться в этих местах не увенчались особым успехом. Летом 1932 г. Норвегия официально предъявила претензии на территорию Восточной Гренландии, которую даже переименовали в Землю Эрика Рыжего — в память первооткрывателя Гренландии, уроженца Норвегии.

Международный суд в Гааге в апреле 1933 г. отклонил претензии норвежцев и оставил за Данией право на всю территорию Гренландии. После этого многие норвежские промысловики покинули остров, и только отдельные базы продолжали функционировать еще несколько лет в соответствии с датско-норвежским соглашением, оставлявшим за Норвегией право на эксплуата-

цию ресурсов животного мира в этой части Гренландии. Развитие клеточного звероводства окончательно подорвало пушной промысел в Восточной Гренландии.

Существенные сдвиги в освоении Гренландии, произошедшие за последние десятилетия, мало затронули восточное побережье острова, которое до сих пор очень мало заселено. Исключения составляют немногочисленные стойбища гренландцев, концентрирующиеся в зоне притяжения крупнейшего поселка Ангмагссалик, а также персонал, обслуживающий радиометеостанции и пункты патрульной службы «Сириус».

Хозяйственное освоение Восточной Гренландии имеет перспективы не только в отношении использования ресурсов животного мира, но и в отношении добычи полезных ископаемых. Об этом свидетельствует опыт разработки месторождения свинцово-цинковых руд в Местерс-Виге на берегу фьорда Короля Оскара в 1952—1963 гг. В настоящее время в соседних местностях обнаружены залежи руд молибдена и других ценных ископаемых. Однако возникает ряд затруднений, связанных с эксплуатацией месторождений и транспортировкой готовой продукции.

Теперь, после того как мы познакомились с географическими районами «неледниковой» Гренландии, закономерно возникает вопрос: каков облик самого *ледникового покрова*, занимающего подавляющую часть этого острова? Это гигантское ледниковое образование северного полушария имеет громадную мощность. При помощи геофизических методов было установлено, что средние значения мощности льда составляют 1500 м, а максимальные — более 3000 м. В 1966 г. на американской станции Кемп-Сенчери удалось впервые пробурить толщу льда в 1371 м до самого ложа.

По геофизическим данным, под гренландским ледниковым покровом на юге находится горная страна высотой порядка 1000 м, отличающаяся резким расчленением, а в центре и на севере располагаются огромные впадины, погруженные на несколько сот метров ниже уровня моря и окаймленные высокими горными массивами, которые затрудняют сток льда из внутренних частей Гренландии. Во внутренних районах лед испытывает очень медленное движение, которое нельзя установить простыми приемами. По направлению к краям покрова скорости движения нарастают. Давление направляет массы льда в долины и бреши в горном обрам-

лении, по которым лед вытекает в виде выводных ледников. Эти ледники, хотя и относятся к типу долинных, фактически сохраняют тесную зависимость от ледникового покрова. По своему ложу они переносят огромные массы каменных обломков и откладывают их в виде конечных и боковых морен.

Выводные ледники нередко движутся с большой скоростью. Например, на поверхности ледника Якобсхавнс-Исбре были измерены скорости порядка 25—30 м в сутки. Однако для большинства выводных ледников более характерны скорости движения поверхностных слоев льда порядка 3—5 м в сутки.

Там, где край ледникового покрова или концы выводных ледников омываются морем, происходит откол айсбергов. Никому не известно, сколько льда поступает в моря с побережья Гренландии. По мнению некоторых гляциологов, для обильного образования айсбергов необходимо, чтобы к морю ежегодно поступало 520 куб. км льда. Ледник Ринка на западном побережье Гренландии за несколько минут может сбросить в море 500 млн. т льда. Это происходит примерно дважды в месяц. Многие айсберги, оторвавшись от ледников, достигают в длину нескольких сот метров, а в ширину — 1—1,5 км, возвышаясь над водой на 90 м. Каждый год у берегов Гренландии рождается 10—15 тыс. крупных айсбергов.

После откола айсберги могут путешествовать несколько лет и преодолеть расстояние до 4 тыс. км. Многие из них представляют собой опасность для проходящих судов. Патрульные суда и самолеты ведут регулярные наблюдения за движением айсбергов в Северной Атлантике и оповещают суда о их местонахождении по радио.

В периферических районах гренландского ледникового покрова, там, где лед стекает по неровной поверхности, растекается вокруг гор или вливается в ледниковые языки, легко образуются трещины. В длину они могут проследиваться на несколько километров. Глубина отдельных трещин может достигать 30—40 м, ниже за счет пластичности льда они выклиниваются. На концах ледников трещины хорошо заметны, особенно летом. Выше они могут быть скрыты под снежными мостами, которые приобретают особую опасность при небольшой мощности снега.

Крупные моторизованные ледниковые экспедиции могут быть оснащены тракторами с большими прицепами

ными санями, на которых перевозят многотонные грузы. Естественно, снежные мосты, способные выдержать такую нагрузку, наблюдаются крайне редко. Заметенную снегом трещину трудно заметить. Тем не менее это необходимо сделать еще до подхода транспорта. С этой целью можно использовать воздушную разведку, но с самолета нелегко определить точное положение трещины и сообщить об этом в наземную партию. Для обеспечения безопасности передвижения по льду на тяжелом транспорте лучше всего зарекомендовал себя электрический детектор трещин, впервые примененный в Гренландии в 1955 г.

Во время Международного геофизического года (1957—1959 гг.) в Гренландии проводились большие операции по прокладке путей на льду, и на проектируемых трассах выявлялись трещины, засыпанные снегом. Снежные мосты в таких ситуациях взрывали динамитом. Затем туда дополнительно набрасывали снег и уплотняли. Только после этого трасса становилась пригодной для движения тяжелых тракторов и грузовых саней.

Тем не менее случалось, что при пересечении снежных мостов в Гренландии машины с людьми проваливались в трещины. Людей иногда удавалось спасти, но, к сожалению, не всегда. Иногда машины обрушивались на глубину до 23 м, задерживаясь в суженных частях трещин, но люди падали в расселины на гораздо большую глубину и заклинивались там.

Таковы в самых кратких чертах опасности, подстерегающие путешественников в зонах трещин. Надо заметить, однако, что эти зоны обычно простираются не более чем на 50 км от края гренландского ледникового покрова. Миновав эти опасные участки, путешественник попадает на выложенные просторы внутренней части острова, где передвижению могут препятствовать низкие температуры, сильные метели и, конечно, особенно глубокий рыхлый снег.

Надо заметить, что гренландцы по возможности избегали передвигаться через внутренние районы острова. Первое пересечение гренландского ледникового покрова совершил известный полярный исследователь Ф. Нансен в 1888 г. Он прошел на лыжах на широте Ангмагссалика вместе с несколькими гренландцами, которых он с трудом уговорил совершить это опасное путешествие.

В нынешнем столетии во внутренних частях Гренландии проводили исследования гляциологические экспедиции нескольких стран. Особенно известны работы, выполненные Э. Дригальским, А. Вегенером, П.-Э. Виктором, А. Бауэром и другими учеными. В настоящей книге невозможно остановиться на итогах этих экспедиций, имеющих большей частью сугубо специальную направленность. Наиболее широкую известность приобрели материалы обработки керна, поднятого при бурении на станции Кемп-Сенчери. По этим данным, основанным на анализе проб льда и фирна, была составлена картина изменений климата за последние 120 000 лет. Полученные результаты позволяют понять причины современных климатических колебаний и составить прогнозы на будущее.

Остановимся на любопытных данных о жизни на льду. На периферии гренландского ледникового покрова обнаружены значительные пространства, густо усеянные цилиндрическими ямками, которые заполняются водой летом, во время таяния снега. На дне каждого цилиндра накапливается желатиноподобный мелкозем — криоконит, состоящий из пыли, которая приносится ветром из внеледниковых областей, а также из большого количества органического вещества, включая несколько видов сине-зеленых водорослей и плесень. В этой среде обитают микроскопические животные, относящиеся к группе коловраток. Зимой вода и водоросли замерзают, а летом развитие этих крохотных растений возобновляется. Ледовое окружение не мешает их развитию. Ямки, в которых они живут, образуются под воздействием тепла, возникающего в результате процессов фотосинтеза и метаболизма. Есть предположения, что современные ямки возникли несколько сот лет назад в более высоких частях ледника.

Исследователей Гренландии давно интересует вопрос о тенденциях эволюции ледникового покрова: разрастается ли он или, наоборот, сокращается? До сих пор все попытки определить баланс этого покрова не привели к получению однозначных выводов. Если установление величин аккумуляции снега во внутренних частях покрова не вызывает особых расхождений, то возможности учета таяния на периферии покрова довольно ограничены. Громадные затруднения вызывает также определение массы айсбергов, образующихся у концов ледников. Для решения этой проблемы, веро-

ятно, наряду с наземными исследованиями требуется применить новые аэрокосмические методы.

Изучение и освоение Гренландии в целом можно рассматривать как одно из величайших достижений человечества. Эта огромная страна, наделенная довольно скромными природными богатствами, постоянно предоставляет исследователям возможность испытать свои духовные и физические силы, выявить их пределы и удовлетворить стремление к подвигу, заложенное в человеческой натуре. С этих позиций возникает чувство глубокого уважения к гренландцам — народу, который сумел выжить в полярной пустыне и создать уникальную материальную культуру из того материала, который дает суровая среда Арктики.

Час выбора

Социально-экономическая ситуация Гренландии отличается от положения, в котором находится большинство стран «третьего мира». Эти отличия, как правило, «не в пользу» Гренландии, они усугубляют и без того немалые трудности на пути развития этой недавней колонии Дании. Все связанные с этими отличиями вопросы так или иначе тесно соприкасаются с проблемой государственной общности Гренландии и Дании, что неудивительно, ибо проблема целесообразности такой общности в близком или отдаленном будущем фокусирует в себе все остальные проблемы производственной, культурной, социальной жизни гренландцев — будущего их родины.

Впервые проблема общности была поставлена в конце 1960-х годов, когда молодой эскимосский народ (вернее, наиболее активная часть его) ощутил в себе силы, достаточные для того, чтобы самому решать свою судьбу. Показательно, что на этом этапе борьбы гренландцев за самоуправление вопроса о полном отделении от Дании не ставилось — впервые он возник в середине 70-х годов. Авторы различных проектов предлагали множество решений проблемы — от полного отделения острова до предложения переселить гренландцев в Данию, а остров продать (как в 1916 г. были проданы Вест-Индские острова).

Слабое место большинства этих проектов в том, что нередко они основываются на идеалистических концеп-

циях, совершенно оторванных от реальной жизни. Их авторы в лучшем случае игнорируют практический опыт развивающихся стран в деколонизации и борьбе с неокOLONиализмом, а в худшем — оперируют ненаучными категориями или впадают в еще более грубые ошибки.

Выгодно отличаются от них датские и гренландские ученые-марксисты, дающие последовательно аргументированную картину сегодняшнего социально-экономического и политического положения Гренландии и строящие на этой основе модели реально возможных путей развития острова в будущем¹. Теоретические выводы советских ученых — специалистов по проблемам развивающихся стран, содержащиеся в их фундаментальных трудах последних лет, также позволяют исследователю подойти к проблематике «гренландского вопроса» на новом, более высоком научном уровне.

Общесоциологические законы, согласно которым развивается то или иное общество, связаны с экономическими, политическими и идеологическими факторами, из которых решающую роль играют первые, базисные. Поэтому, очевидно, целесообразно основать такой анализ именно на экономических отношениях Гренландии и Дании; лишь на этой основе можно уяснить себе возможные перспективы развития взаимоотношений в будущем, возможности направления национальной стратегии развития в целом.

В настоящее время Гренландия зависит от Дании прежде всего экономически. Эта зависимость дает о себе знать во всех социальных планах — от частного, семейного (ныне немислимого без ставших необходимостью государственных систем здравоохранения и образования, дотаций в виде пособий на детей и пенсионеров, стипендий учащимся, без достигнутого уровня заработной платы) до общегренландского (кроме государственного сектора, составляющего $\frac{2}{3}$ всей экономики, Дания содержит за свой счет администрацию и большую часть инфраструктуры острова). Заметим сразу же, что отойти от Дании полностью, отказаться от дат-

¹ Критику концепций некоторых исследователей «гренландской проблемы» см. в статье автора «Проблемы настоящего и будущего гренландских эскимосов» (сб. Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979, с. 177—184).

ской помощи с целью большей самостоятельности Гренландия не сможет ни сейчас, ни, видимо, в обозримом ближайшем будущем. Такая альтернатива в сложившейся обстановке абсурдна, на ее осуществлении не настаивает ни один гренландский политик, и рассматриваем мы ее здесь лишь ввиду частого упоминания учеными — социологами и этнографами. Накопленный в последние десятилетия опыт развивающихся стран говорит о другом, более реальном, проверенном и научно обоснованном пути к упомянутой цели: «Национальный суверенитет в хозяйственной сфере и достигаемая на его основе реальная экономическая самостоятельность не предполагает проведения политики автаркии, искусственного разрыва исторически сложившихся мирохозяйственных связей»¹. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на достигнутые успехи в борьбе за суверенитет, достичь равноправия во внешнеэкономических отношениях, «изменяя их условия в благоприятном для развивающейся страны направлении», добываясь «рациональной разработки и использования природных богатств в мировом хозяйстве», «превратить взаимозависимость из фактора, обостряющего вражду и конфликты, в фактор расширения равноправия и взаимовыгодного сотрудничества суверенных государств»². Такой путь, по ряду мнений, становится реальностью именно в настоящее время, когда управление экономикой переходит в руки гренландцев.

Естественным для малых стран способом поднять экономику являются создание комплекса специализированных предприятий, ориентированных на внешний рынок, активное участие национальной экономики в международном разделении труда. Гренландия уже вступила на этот путь — современная технология и производительность труда рыбных и креветочных комбинатов позволяют выпускать продукцию, соответствующую требованиям мировых стандартов, что делает ее конкурентоспособной в отношении как качества, так и себестоимости. Поддержание нормального режима работы этих современных высокотехнологизированных предприя-

¹ Волков М. Концепция «взаимозависимости наций» и идеология неокOLONиализма. Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 9, с. 73—74.

² Там же.

тий пока возможно лишь благодаря научной, технологической и иной помощи Дании.

Другой стороной участия в системе международного разделения труда является внешняя торговля, позволяющая восполнить недостатки структурной специализации экономики. Большую часть товаров и оборудования Гренландия получает от Дании, которая поставляет его (в силу отсутствия таможенных сборов и налога с оборота) по минимально низким возможным ценам. Условия государственного единства придают торговым связям определенную устойчивость, что позволяет Гренландии легче переносить конъюнктурные колебания на мировом рынке. Даже экономический кризис, поразивший в середине 1970 г. капиталистический мир, и в том числе Данию, на ее поставках в Гренландию не отразился.

Таковы в общих чертах особенности датско-гренландского экономического сотрудничества. Постепенный переход хозяйственного управления в руки гренландцев, содействуя более полному использованию национальных ресурсов в интересах широких слоев местного населения, не сопровождается, как было указано выше, сокращением датской финансовой и иной помощи Гренландии. Решения прервать датско-гренландские контакты в этой области пока не принято; будет ли оно выработано и когда именно — сказать чрезвычайно трудно. Датские специалисты по Гренландии Б. Гюнтер, М. Лидегор и А. Швертер утверждают, что экономика острова достигнет необходимой для такого шага степени автономии не ранее начала XXI в. Хозяйственная самостоятельность Гренландии будет достигнута лишь тогда, когда страна получит высокоразвитую промышленную и социальную инфраструктуру, на базе которой могут быть созданы высокоспециализированные экспортные отрасли. Но это возможно только при достаточно высоком развитии производительных сил¹, т. е., очевидно, когда обе части датского государства сравняются в уровне научно-технического и общеэкономического развития². Таким образом, в области экономики проблема

¹ Виноградова Л. Развивающийся мир: большие проблемы малых стран. М., 1977.

² Очевидно, лишь при условии государственного единства для этого потребуются меньший срок, чем другим развивающимся странам, т. е. 100—150 лет (см. Рейснер Л. Развивающиеся страны, с. 324).

государственной общности пока упирается в недостаточно высокое развитие производительных сил. Перспективы же этого развития в свою очередь тесно смыкаются со вторым видом зависимости Гренландии от Дании — политическим.

Причины некоторого своеобразия гренландской политики Дании объясняются не чувством «исторической общности» или необычайным «гуманизмом» представителей высшей датской администрации. Датским капиталистам выгодно вкладывать капитал в экономическое и культурное развитие Гренландии не потому, что эта экономика уже начала приносить прибыль, но потому, что, прикрываясь фразами о необходимости развития малоодоходного «гренландского амта», они получают дополнительные возможности обогащаться за счет роста государственных дотаций, т. е. в конечном счете роста налогов, взимаемых с датских трудящихся. Немаловажно и то, что датскому государству и частным предпринимателям выгодно использовать эскимосскую рабочую силу как наиболее дешевую и лучше приспособленную к условиям Севера. Правительство Дании предпочитает не платить датским специалистам высокие «северные» коэффициенты из собственного кармана; именно исходя из этого, оно выделяет Гренландии необходимые суммы и оборудование, в общем достаточные для создания эффективной системы общего и специального образования.

Результат подобной экономической политики — активная польза, блага, которые она нередко приносит и гренландцам. Во многом она определяется и солидарностью братьев по классу — датских и гренландских трудящихся и «постоянным давлением на крупный бизнес опытных и искушенных в экономическом противоборстве профсоюзов, нередко вынуждающих капитал к отступлению»¹. Эта отчасти вынужденная политика, возведенная в ранг государственной, является тем не менее и ныне определяющей в датско-гренландских отношениях.

Сохраняющая по-прежнему свою актуальность потребность в инвестициях капитала извне ставит перед

¹ Юданов Ю., Тимашкова О., Воронков Л. Малые страны Западной Европы в современном мире. Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 5, с. 59.

автономным правительством Гренландии вопрос: сохранить ли здесь монополию Дании или воспользоваться неоднократно выдвигавшимися предложениями крупнейших империалистических держав, США и Канады в частности? Правительство Гренландии пока придерживается старого курса с ориентацией исключительно на Данию на крайне ограниченный допуск в Гренландию иностранного капитала. Судя по некоторым данным, это решение — действительно оптимальное в сложившейся ситуации; основную опасность для гренландских национальных интересов представляет тесная связь не столько с Данией, сколько с крупными империалистическими державами. На это указывает и проведенный недавно советско-болгарской группой исследователей анализ политики стран Северной Европы по отношению к неокOLONIALному закабалению молодых государств — проблеме, весьма актуальной для самоуправляющейся Гренландии. Выяснилось, что скандинавские страны, в том числе Дания, «не несут такой угрозы суверенитету» этих стран, «как крупные империалистические державы», также предлагающие малым странам свою «помощь»¹. Свежие данные лишь подтверждают верность выводов советских и болгарских ученых. За 1970—1980 гг. финансовый долг «третьего мира» Западу вырос впятеро², на Гренландию же, получавшую ранее лишь безвозвратные субсидии, государственный долг не начисляется и после получения ею статуса самоуправления.

Новый статус острова обостряет опасность возникновения зависимости и от транснациональных корпораций. Эти объединения, обладающие огромной экономической и политической мощью³, известны и гораздо меньшей «щепетильностью» в вопросах дискриминации и эксплуатации местного населения, чем, например, государства — члены ООН, вынужденные следить за

¹ НеокOLONIALизм в Африке в 70-х годах. М., 1975, с. 312.

² Ульрих О. Преодоление отсталости развивающихся стран — глобальная проблема современности. — Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 9, с. 52.

³ «ТНК контролируют в настоящее время $\frac{1}{3}$ капиталистического производства, $\frac{1}{2}$ мировой торговли, основную часть кредитно-финансовой системы, практически всю передовую технологию капиталистического мира» (Зименков Р. Империализм и развивающиеся страны: политика транснациональных корпораций. М., 1979, с. 3).

своим реноме в международной политике и связанные определенными договорами, соглашениями, обязательствами и т. п.

Контакты с ТНК неизменно ведут любую развивающуюся страну к росту зависимости от них, хищническому разграблению природных и человеческих ресурсов и в конечном счете к замедлению темпов роста и усугублению отставания от развитых стран. Причем, раз попав в такую зависимость, малая развивающаяся страна оказывается, как правило, по ряду объективных причин беззащитной перед ТНК, которые не подчиняют свою деятельность государственному контролю.

Пока Дания не допускала инфильтрации капиталов ТНК в экономику Гренландии. В дальнейшем эта позиция могла бы быть столь же прочной при двух условиях: независимости датского государственного капитала и политики от более мощных партнеров по ЕЭС и, во-вторых, сохранения Гренландией сегодняшнего статуса самоуправляющейся части государства. Между тем под угрозой находятся как первое, так и второе. Зависимость Дании от партнеров по «Общему рынку» усиливается в процессе интеграции. Остальные члены ЕЭС, имеющие собственное сырье (или получающие его в результате неокOLONIALной эксплуатации бывших колониальных стран) и поставляющие часть его на «Общий рынок», давно проявляли свое недовольство Данией, всячески тормозившей расширение концессионной деятельности в разработке месторождений Гренландии. В настоящее же время в условиях обостряющегося сырьевого кризиса недовольство это только усиливается¹.

Представители крупного капитала Дании, вовлекшие эту страну в «Общий рынок» чтобы усилить свое господство с помощью наднациональных органов, оказались перед нелегким выбором: пойти на дальнейшее обострение отношений с членами ЕЭС или в случае допуска иностранного капитала в Гренландию (что равносильно передаче ее в распоряжение ТНК) саморазоблачиться в глазах общественного мнения Дании, что повлечет за собой утрату политического престижа среди гренландцев.

¹ Подробнее см. Возгрин В. Новый путь Гренландии. — Рабочий класс и современный мир, 1979, № 4, с. 112.

Датский крупный капитал предпочел втянуть в «Общий рынок» Гренландию, формально уменьшая свои шансы на ее эксплуатацию в будущем, фактически сохраняя все ключевые позиции и рассчитывая поэтому на преимущество в неокOLONиалистском грабеже острова в случае полного отделения Гренландии от Дании. Отсюда становится понятной поддержка правительством слабых ростков сепаратистского движения в Гренландии — это типичная политика неокOLONиализма, активизирующего рост национализма, шовинизма, поскольку это соответствует его интересам. В том, что подобное соответствие имеет место, вряд ли может быть сомнение: если вышеозначенные планы осуществятся, Гренландия превратится из расходной пока «статьи» бюджета в доходную.

НеокOLONизаторские планы датского и международного капитала в отношении Гренландии скрыть не удалось. Журнал «Гренландия» опубликовал сведения о том, что два десятка компаний (среди них такие гиганты, как Шеврон), получивших концессии на поиски нефти (пока ее не обнаруживших), с нетерпением ожидают полного отделения острова от Дании, готовые получить у правительства нового государства концессии на северном и восточном шельфах и, очевидно, имея к тому какие-то основания. Приводятся и другие примеры больших надежд, которые питают ТНК на суверенитет Гренландии.

Гренландская печать отмечала чисто внешние, но весьма настораживающие нюансы в конкретном подходе датской администрации и руководства буржуазных партий к проблеме автономии острова. В годы и месяцы, предшествовавшие принятию законопроекта о внутреннем самоуправлении, радио, телевидение, буржуазные газеты Дании с поразительным единодушием говорили о положительных сторонах самоуправления, совершенно замалчивая огромные трудности, которые неизбежно должны при этом возникнуть. Лишь гренландская газета «Сермитсак» и журнал «Гренландия» с тревогой писали об опасности проникновения на остров гигантских сырьедобывающих ТНК, о болезненности ломки социального развития в новых условиях, об опасности ассимиляции этноса, утрате возможности реального самоуправления при возрастающей зависимости от внешних, глухих к интересам эскимосов сил и т. п.

Неподдельной тревогой за будущее острова была

проникнута предвыборная полемика эскимосских политических партий: Сиумут (социал-демократической ориентации), Атассут (умеренной независимой), Инуит Атакатигит (левой, тяготеющей к Сиумут) и Сулиссартут («рабочей»). В программах двух первых, крупнейших партий много общего (ранее это вообще была одна партия). Обе они — за самоуправление острова, хотя вкладывают в это понятие различное содержание. Сиумут считает частичную автономию лишь началом пути к конечной цели — полной политической, культурной и экономической независимости от Дании. Атассут же, считаящая, что возможности исторически сложившегося, а ныне поднявшегося на более высокую ступень датско-гренландского сотрудничества еще не исчерпаны, видит в нынешней частичной автономии наиболее приемлемую форму государства и в будущем. Различные позиции занимают эти партии и по отношению к «Общему рынку». Сиумут, выражая мнение большинства гренландцев, выступала против членства в ЕЭС. Атассут же, как сторонница форсированной интеграции, настаивала на сохранении членства. Инуит Атакатигит поддерживала Сиумут в вопросе о ЕЭС, но выступала против самоуправления вообще, считая его несвоевременным, так как без реальной экономической самостоятельности оно является лишь ширмой для неизбежной неокOLONиальной экономической экспансии, а в социально-политическом плане якобы затемняет сознание гренландских трудящихся фикцией национальной монолитности, чем ослабляет борьбу за действительный социальный и национальный прогресс.

Программы двух крупнейших эскимосских партий — Сиумут и Атассут схожи в том, что с введением полного самоуправления, т. е. с отделением Гренландии от Дании, спешить не следует, пока островная экономика не разовьется до степени, позволяющей добиться хозяйственной независимости от Дании. В этом отношении позиция эскимосских партий сближается с позицией Коммунистической партии Дании (КПД), орган которой — газета «Ланд от Фольк» еще в 1976 г. показала, что промышленно-банковские магнаты Дании заинтересованы в полном отделении острова от Дании.

Позиция датских коммунистов по вопросам развития Гренландии сформулирована в программе Компартии Дании. В ней говорится, что прогрессивные силы Дании

должны оказывать всестороннюю поддержку переходной стадии к независимости острова. Дания должна способствовать укреплению возможностей Гренландии самой определять свое будущее и использовать свои природные богатства на благо трудового населения. Гренландский народ должен иметь возможность развивать свою культуру в соответствии с современными требованиями и собственными традициями, а также сохранять и развивать гренландский язык и литературу.

Далее в программе КПД говорится, что Гренландия богата сырьевыми ресурсами и имеет объективные возможности для обеспечения своего прогрессивного развития. Но богатства страны не используются на благо гренландского народа. Вековое колониальное господство удерживало развитие страны на низком уровне. Правда, с изменением конституции в 1953 г. Гренландия формально стала частью территории Дании, но для гренландцев это прежде всего означало, что датчане и иностранцы получили возможность для свободного проникновения в страну.

Коммунисты Дании считают, что для развития острова необходимо кроме оказания помощи национальной экономике Гренландии целенаправленно способствовать подготовке национальных кадров в соответствии с потребностями современного общества. Эта подготовка кадров должна вестись, начиная со школьных учителей и кончая инженерно-техническим персоналом, который мог бы руководить строительными работами и производством, а также специалистами в области управления, научно-исследовательской деятельности и культуры.

Естественная демократическая необходимость — немедленная отмена каких бы то ни было различий в правах для гренландцев и датчан, в частности ценза места рождения. В Гренландии только гренландцы и постоянно проживающие там датчане должны иметь право избирать депутатов в фолькетинг от Гренландии или членов совета страны и гренландских коммунальных правлений.

Компартия Дании настаивает на том, чтобы природные сырьевые ресурсы Гренландии, источники энергии, торговля и другие области, составляющие материальную основу существования гренландского народа и его культуры, не передавались в эксплуатацию дат-

ским или гренландским капиталистам. Концессии, которые без ведома и согласия гренландского народа были предоставлены иностранцам, должны быть возвращены гренландцам. Военные базы США и других стран в Гренландии должны быть ликвидированы¹.

В период подготовки к предоставлению острову самоуправления датские трудящиеся своей борьбой и социальными завоеваниями стали оказывать все большее влияние и на борьбу гренландского народа. Различие в положении датчан и гренландцев стало настолько очевидным и аморальным, что многие политические и общественные силы в Дании стали выступать за улучшение экономических и социальных условий жизни на острове. Один из инициаторов движения за независимость, организатор первых демонстраций 60-х годов в Копенгагене за предоставление Гренландии самоуправления, а затем глава первого в истории правительства острова, Й. Мотцфельд (лидер партии Сиумут), в речи, подводившей итог событиям исторического 1979 г., выразил «благодарность всем датским друзьям самоуправления острова», а гренландцев призвал «крепить чувство солидарности с Данией, бороться в дальнейшем за выравнивание в экономическом положении населения Дании и Гренландии». Требование по улучшению экономических и социальных условий гренландского населения и сейчас поддерживается рядом парламентских деятелей, прогрессивных организаций, а также профсоюзов.

С 1 мая 1979 г. управление островом начало поэтапно передаваться гренландским парламенту (ланстингу) и правительству (ланнсстюре). В январе 1980 г. новому правительству были переданы системы здравоохранения и образования, все средства массовой информации и ряд других институтов инфраструктуры, созданных в послевоенные годы под эгидой министерства по делам Гренландии.

Таким образом, в настоящее время имеется необходимая база, позволяющая гренландскому населению упрочить достигнутые успехи и заметно облегчающая дальнейшее развитие социального и национального самосознания эскимосов, воспитание в соответствующем духе подрастающего поколения и в конечном счете

¹ XXV съезд Коммунистической партии Дании. М., 1978.

содействующая выбору более органичного, чем ранее, пути к всестороннему прогрессу Гренландии.

Однако нынешняя расстановка социально-политических сил не позволяет пока надеяться, что путь этот будет простым и легким. Из опыта борьбы других развивающихся стран за независимость известно, что осознанно и последовательно противостоять экономической экспансии, неокOLONиалистскому закабалению может только пролетариат. Между тем малочисленные в относительном и абсолютном значении и слабо осознающие себя как класс рабочие Гренландии еще не уяснили своей исторической роли класса-гегемона в процессе развития общества. Основная причина сложившегося положения та, что постоянное ядро кадров рабочего класса еще не оформилось количественно и качественно; даже промышленные рабочие и горняки не отошли окончательно от традиционных промыслов. Остаточные элементы традиционной экономики способствуют сохранению чуждых сознанию промышленного пролетариата пережитков старого мировоззрения и психологии. В силу невысокой политической и экономической грамотности, низкого удельного веса в социальной и хозяйственной жизни острова рабочие Гренландии пока не играют заметной роли в политической жизни острова.

Именно поэтому в борьбе, развернувшейся вокруг проблемы самоуправления, основное участие принимали иные социальные прослойки — гренландцы, занятые в административном аппарате, системе образования, здравоохранении, культурных учреждениях, а также представители церкви. В последнее время к ним примыкают мелкие предприниматели, недовольные низким (по сравнению с крупными фирмами) уровнем прибыли. Такая ситуация сохранится, очевидно, и на ближайшее будущее. Сможет ли партия Сиумут, пришедшая к власти, возглавить национальное и социальное движение, успешно бороться с инфильтрацией пришлого капитала, принудит ли она иностранные компании, с которыми ей, возможно, придется сотрудничать, к соблюдению некоего «кодекса поведения» — покажет время. Выше говорилось о больших социально-экономических изменениях, происшедших в Гренландии особенно в последние годы в связи с расширением самоуправления. Не приходится отрицать, что в Гренландии произошли значительные сдвиги в области здравоохранения и народного образования. Повысились шансы гренландцев

получить среднее образование непосредственно в своей стране и даже продолжить его в Дании.

Тем не менее различия в уровне жизни коренного населения и датчан вовсе не устранены. По закону, принятому в 1964 г. гренландским ландсродом, датчане, длительное время живущие и работающие в Гренландии, имеют право на получение большой субсидии. Практически у датского чиновника на этом острове покупательная способность выше, чем у гренландца, занимающего такую же должность. Равноправие обеих групп населения в социальном и экономическом отношении еще далеко не достигнуто.

Материальное неравенство гренландцев выражается в различии оплаты труда гренландцев и датчан даже при одинаковом уровне квалификации, так как получение образования или профессиональной подготовки не обеспечивает равного социального положения в обществе.

Низкие доходы гренландцев объясняются помимо этого неравномерным распределением выделяемых для оплаты труда средств между лицами гренландского и негренландского происхождения — здесь действует так называемый критерий места рождения, согласно которому труд всех лиц местного происхождения (неважно, эскимосов или датчан) тарифицируется ниже, чем труд «южан» из Скандинавии, временно работающих на Севере. Согласно закону от 27 мая 1964 г., разница в ставках местных и приезжих специалистов с высшим образованием равна 20 % (у учителей — 14 %; местные техники получают 50—55 %, квалифицированные рабочие — 60—65 %, необученные рабочие — 50 % от ставки приезжих). «Ножницы» эти хоть несколько и выравниваются налоговой политикой (местные жители свободны от уплаты налогов, достигающих 40—55 % от жалованья приезжих), но полностью не исчезают никогда. Труд приезжих не только выше оплачивается — они пользуются такими льготами, как бесплатные квартиры, отопление, бронирование жилищ в Дании и пр. После 2 лет работы на острове от налогов освобождают и их, и реальные заработки законграктовавшихся начинают превышать датские нормы почти вдвое.

Отсутствие равенства в плате за равный труд давно подвергается ожесточенной критике как в Гренландии, так и в Дании. Противники сложившейся практики справедливо утверждают, что место рождения трудяще-

гося — совершенно случайный критерий в разработке норм оценки человеческой деятельности. Они предлагают поднять уровень оплаты местного населения до уровня приезжих или, наоборот, срезать «полярные» надбавки с заработной платы последних. Датская администрация острова (как, впрочем, и новое, эскимосское правительство) ни разу даже не пыталась прибегнуть к первому выходу, не желая переводить в фонд потребления капитал из фонда накопления, поставляющего средства для общего социально-экономического развития Гренландии. Попытки же прибегнуть ко второму выходу окончились неудачей: вспыхнувшие в 1977 г. забастовки наиболее низко оплачиваемых приезжих специалистов (учителей, телеграфистов и машинистов) сопровождалась угрозой разорвать контракт и вернуться в Данию, если выплата «полярных» не будет возобновлена.

Имеются и сторонники сохранения существующего положения: это в основном западные ученые, далекие от гренландской действительности, пытающиеся игнорировать социально-психологические сдвиги в гренландском обществе и исходящие исключительно из экономических и иных интересов приезжих. Они утверждают, что при сравнении уровня жизни местных и приезжих семей следует учитывать не только размер заработной платы, но и другие параметры, например сопоставлять долю потребления этими семьями местных дешевых традиционных видов пищи вроде свежего мяса тюленя (приезжие питаются в основном сухими овощами, консервами и привозным довольно дорогим мороженым мясом). В понятие «уровень жизни» входят и такие составляющие, как степень экологической и социальной дискомфорта, выраженной наиболее ярко для семей, недавно сменивших привычную природную и общественно-культурную среду на чуждую.

Лишь в последнее десятилетие трудящиеся острова смогли добиться некоторого сближения своего уровня жизни с жизненным стандартом приезжего населения в основном за счет роста общественных фондов потребления. Кроме уже упоминавшейся свободы от уплаты налога, отнимающего чуть ли не половину жалованья, гренландцы ныне пользуются рядом льгот, прежде всего социальных, которых лишены приезжие специалисты. Для гренландских семей любой обеспеченности сейчас предоставляется пособие на каждого ребенка (до дости-

жения им 16 лет). Для уравнивания доходов семей, где дети живут с родителями и требуют определенных трат (в отличие от пользующихся услугами бесплатных интернатов), первым выплачивается определенное пособие на каждого ребенка, обучающегося в старших классах. Из других пособий наибольшим по общему объему является безвозвратное квартирное пособие для малообеспеченных семей, желающих вступить в кооператив. Пенсии в Гренландии выплачиваются с 60 лет (одиноким женщинам — с 55 лет).

Ширящийся в целом процесс укрепления гренландской национальной экономики в немалой степени содействует преодолению исторически сложившейся отсталости, росту национального дохода. Усиление государственного элемента в экономической структуре отражает, очевидно, осознанное или неосознанное стремление нового правительства к внедрению плановых начал в экономику острова, в прошлом немало пострадавшую от плохо продуманных, зачастую стихийных методов и средств модернизации производства и необходимых для этого социальных преобразований. Правительство самоуправляющейся Гренландии получает с усилением плановых начал в хозяйствовании реальную возможность исправления перекосов в развитии отраслевой экономики, установления правильных соотношений между отраслями, усиления своего влияния на политику заработной платы, налогов, цен, внешней торговли.

Пока еще неравноправие между гренландцами и приезжими датчанами реально существует. Вот что пишет об этом гренландский исследователь Ангмалорт-Ольсен в книге «Гренландия сегодня» (1976 г.): «Ни в одном другом месте датского королевства не было так просто устроиться для частника, как в Гренландии. Вырастали датские частные магазины, одно за другим вырастали датские частные предприятия, транспортные фирмы и проч. Все это в условиях отсутствия сколь-либо заметной конкуренции со стороны «туземцев»... Несмотря на все материальные блага и, как утверждается, благие намерения, мы пришли к такому обществу, которое является обычным традиционным колониальным обществом с чуждым, в основном изолированным, но очень сильным высшим классом (в отношении образования, экономического и социального положения) и в то же время со слабым, до отчаяния раздробленным «нижним классом» гренландцев... В этом обществе, где

происходило быстрое развитие инфраструктуры, управляемой исходя из датских интересов, датчане могли более эффективно функционировать, чем «местные»... эти датчане, число которых в зависимости от сезона колеблется между 5 и 10 тысячами человек и которые заняты в различных «службах» и в частном секторе, стали фактически привилегированным классом в Гренландии, классом, который, как и в каждой стране, присвоил себе тот авторитет, который ему необходим. Поддерживая друг друга, они в состоянии «проверить» любое дело через местные власти. Они заинтересованы в сохранении статус-кво и на последних выборах приложили большие усилия к тому, чтобы не допустить слишком сильного проявления новых гренландских политических течений. В связи с расширением самоуправления коммун они теперь позволяют избирать себя в правление коммун, чтобы сохранить свое влияние... Они не хотят быть интегрированными в гренландское общество, а изолируют себя от него, остаются сами собой и не желают общаться с гренландцами, изучая гренландский язык. Они рассматривают себя как чуждый элемент, который, естественно, стремится вернуться «домой» и считает годы и дни до того момента, когда будет собрано достаточно, чтобы вернуться с «монетой». Короче говоря, они ведут себя и действуют как обычный колониальный «высший класс». Есть, конечно, и люди идеальных побуждений, но они растворяются в общей массе». Обращаясь к датскому читателю, А. Ольсен в отношении нынешнего положения гренландцев говорит следующее: «Как могут чиновники и политики, и те, кто стоит за ними, с их экономическими и политико-стратегическими интересами, прийти к чудовищной мысли, что можно «нормализовать» или «данизировать» Гренландию и гренландцев так, чтобы она реально стала «Северной Данией» или «Малой Данией», без того чтобы не совершить насилия над страной и народом...» Далее, обращаясь к гренландскому читателю, автор говорит: «...Знаешь ли ты, что поколение наших родителей всю свою жизнь было исполнено верой в авторитеты и исходило из того, что стоит лишь добиться изменения колониального статуса Гренландии с его изоляцией, вакуумом импульсов и тотальным авторитарным чиновничьим управлением, как наступит «равноправие» с датчанами и прекрасное будущее для гренландцев в Гренландии. Поэтому большинство взрослого населе-

ния Гренландии было радо и глубоко благодарно, когда в 1953 г. было предпринято изменение конституции, и оно было полно верой в самого себя и в будущее... Но то, чего они не знали (и их нельзя упрекнуть в этом), и то, что, по всей очевидности, знали датские чиновники и политики, заключалось в том, что формальное юридическое равенство без реального равенства в образовании, в техническом, экономическом, культурном и других отношениях — это позорное и унижительное неравенство... Была запущена в ход огромная машина. Были созданы новые учреждения. Благодаря крупным и эффективным капиталовложениям в здравоохранение был искоренен туберкулез. Все планирование было передано в руки технократов, которые быстро сообразили, что в стране слишком много мелких поселений, чтобы эффективно решать задачи. Поэтому нужно было ликвидировать как можно больше стойбищ и переселить население в более крупные «города» — естественно, добровольно. И люди переселялись «добровольно», когда видели, что ни гроша не вкладывается в их поселения, и особенно когда закрывались магазины...»

В связи с переселением гренландцев из небольших стойбищ в крупные поселки возникло много конфликтов. Сама структура традиционной гренландской общины, основанной на уважении к человеческой личности и связанной с размеренным, четким ритмом жизни, оказалась полностью нарушенной в современной урбанизированной обстановке. Переселившись в поселки, многие гренландцы стали перебиваться случайными заработками и даже превратились в люмпенов.

...Возможно, не все еще отлажено в административной и хозяйственной системах самоуправляющейся Гренландии, многое приходится менять сейчас, в наиболее трудные первые годы работы нового правительства, главное не в этом. Основным содержанием новой эпохи в истории Гренландии становится широкий социально-экономический и политический эксперимент, результаты которого во всей их полноте скажутся не скоро. Пока не подлежит сомнению одно — самоуправление неизбежно ускорит, как это было в других развивающихся странах, рост самосознания, классовую консолидацию рабочего класса, всех трудящихся Гренландии. Этому процессу в немалой степени будет содействовать активизация всех сторон социальной, экономической и политической жизни, небывалый подъем которой наблюдался уже

в последний год старого режима. Пока сделан первый шаг — достигнута, хотя и неполная, политически-административная независимость. На повестке стоит вторая, неизмеримо более трудная, но и более благодарная задача — создание собственной независимой экономической структуры и в связи с этим окончательный выбор модели социального развития страны.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛАЯ «ЗЕЛЕНАЯ ЗЕМЛЯ»	3
УПРЯЖКИ МЧАТСЯ СКВОЗЬ ВЕКА	28
ПОТОМКИ ВЕЛИКИХ ОХОТНИКОВ	49
ЗВЕРОВОЙ СПУСКАЕТСЯ В ШАХТУ	62
ЗОВ «ЛУННОГО ЧЕЛОВЕКА»	84
ГРЕНЛАНДИЯ ГЛАЗАМИ ГЕОГРАФА	120
ЧАС ВЫБОРА	139

Возгрин В. Е.
В64 Гренландия и гренландцы.— М.: Мысль,
1984.— 157 с., 16 л. ил.
55 к.

Гренландия — с 1979 г. самоуправляемая часть Дании. Эта огромная по территории арктическая страна уникальна и в природном, и в социально-экономическом отношении.

Книга в доступной для широкого круга читателей форме дает представление о природе и людях острова, освещает важные проблемы современной экономики, социальной жизни и культуры Гренландии.

В 1905020000-046
004(01)-83 129-84

ББК 26.89 (7Грн)
91(И7)

НОВАЯ КНИГА

В 1984 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
ВЫПУСКАЕТ В СВЕТ:

Дробков В. А. Упавший в море
лист.— 10 л.— 1 р.

Корреспондент «Правды», много лет работавший на Кипре, делится своими впечатлениями о стране. Рассказывает о ее сложной истории, рисует картины природы, знакомит с хозяйственными особенностями, с культурой, жизнью и бытом ее народа. Особое внимание уделяется борьбе киприотов за независимость страны, восстановление единства и территориальную целостность республики. Книга хорошо иллюстрирована.

Валерий Евгеньевич Возгрин
ГРЕНЛАНДИЯ И ГРЕНЛАНДЦЫ

Заведующий редакцией *В. А. Колосов*
Редактор *Д. Н. Костинский*
Младший редактор *Е. А. Варшавская*
Оформление художника *В. А. Захарченко*
Художественный редактор *Е. М. Омеляновская*
Технический редактор *М. Н. Мартынова*
Корректор *И. В. Равич-Шербо*

ИБ № 1982

Сдано в набор 05.07.83. Подписано в печать 03.08.84. А09619. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печатных листов 10,08 (с вкл.). Усл. краско-отт. 15,67. Учетно-издательских листов 10,02 (с вкл.). Тираж 60 000 экз. Заказ № 1025. Цена 55 к.

Издательство «Мысль», 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги издательства «Мысль» продаются в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

Подробную информацию о литературе, готовящейся к выходу в свет, и о порядке ее распространения Вы можете получить из ежегодных тематических аннотированных планов издательства «Мысль».

